

СОВРЕМЕНИКЪ.

I.

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

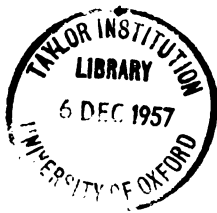
ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНВЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.

13521

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный
Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 31 Марта, 1836.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружнѣя гребцовъ ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой ;
Рѣчь гостей хмѣльна , шумна ;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
 Въ Питербургъ-городкѣ?
 Отъ чего пальба и клики
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ ли честью новой
 Русской штыкѣ, иль Русской флагѣ?
 Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
 Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
 Прибыль Брантовъ углый боть,
 И пошелъ навстрѣчу дѣда
 Всей семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ,
 И раздался въ честь Науки
 Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ Государь,
 День, какъ жизнь своей Державы
 Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
 Родила ль Екатерина?
 Имянинница ль Она,
 Чудотворца - Исполина
 Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ поданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнить съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
И прощанье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того - то шумъ и клики
Въ Питербургъ - городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того - то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

*

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ.

Въ Февралѣ нынѣшняго года здѣшняя Столица была свидѣтельницею публичныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ по окончаніи курса ученія.

Благо, распространяющееся по Россіи съ каждымъ выходомъ воспитанницъ изъ Институтовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государыни Императрицы, поистинѣ неоцѣненно. Умъ, сердце и характеръ (слѣдственно *весь человѣкъ*) первоначально развиваются единственно по внушеніямъ женщины, которую Провидѣніе облекло и властію и силою и удобностію возвращать попроизволу ея рожденіе. Въ исторіи всѣхъ знаменитыхъ людей упоминается о первомъ, могущественнѣйшемъ вліяніи матери: а первыя впечатлѣнія не всегда ли рѣшаютъ будущую судьбу нашу?

Воспитанницы, оставляющія нынѣ благословенный пріютъ своего дѣтства, вступили въ него еще при покойной Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онѣ послѣднія изъ тѣхъ, которыя въ этомъ заведеніи осчастливлены были привѣтомъ *Незабвенной*. Пресмница высокихъ Ея чувствованій и добродѣтелей, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, награждая отличившихся благонавіемъ и успѣхами въ наукахъ, освятила торжественный обрядъ сей трогательнымъ воспоминаніемъ Той, Которая завѣщала Ей все драгоцѣннѣйшее для Своего сердца. Слабость здоровья не позволила Государынѣ Императрицѣ ѣхать въ Смольный Монастырь. Воспитанницы привезены были въ Зимній Дворецъ, и Ея Величество Сама изволила украсить ихъ вензелевымъ именованіемъ покойной Императрицы.

Такимъ образомъ еще разъ это священное имя слезами умиленія привѣтствовать будутъ и въ тихихъ семейныхъ убѣжищахъ и на веселыхъ празднествахъ, это имя, которое, въ теченіе сорока лѣтъ, является у насъ залогомъ чистоты нравственной и лучшей образованности прекраснаго пола. Съ нынѣшней эпохи, Императрица Марія, въ великомъ лѣтъ воспитанія юношества, какъ Лице *присутствующее*, сокрывается отъ насъ: но Она никогда не сойдесть съ своего поприща, какъ Лице *дѣйствующее*.

Въ разныхъ заведеніяхъ, пользовавшихся неусыпнымъ Ея надзоромъ, сколько тысячъ молодыхъ о-

собъ обоего пола образовалось въ продолженіе сорока лѣтъ! И преимущественно воспитаніе дѣвицъ, столь тщательное и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, во сколькохъ семействахъ утвердило добрыя нравы и настроило души къ новой прекрасной жизни! Въ каждомъ изъ нихъ Императрица возростила три поколѣнія. Если бы хоть одно изъ чистыхъ началъ Ея ученія не привилось къ первому, оно еще могло подѣйствовать надъ вторымъ и несомнѣнно утвердилось въ третьемъ. Теперь половина Россіи благороднѣйшими своими чувствованіями одолжена единственно Ей. Свѣтлая жизнь наша, домашнія удовольствія, вкусъ, господствующій въ избранныхъ обществахъ, лучшія потребности ума и лучшія движенія сердца, все это Ея созданіе. И все это сдѣлалось уже необходимою стихіею нашей жизни. Никакія обстоятельства невластны теперь остановить и даже измѣнить этого нравственнаго направленія.

Въ Исторіи нѣтъ лица, которое бы по всѣмъ отношеніямъ можно было сравнить съ покойною Императрицею. Супругъ Ея и два сына, одинъ за другимъ, были Самодержцами при жизни Ея. На этой высотѣ земнаго величія, соприкосновенная къ власти, Она въ своей Особѣ явила міру изумительный примѣръ смиренномудрія. Избравъ для Своей дѣятельности законный кругъ, Она не переступила за предѣлы его. Въ непосредственное вѣдѣніе Свое Она приняла одну только часть управленія, которая требовала не холодной администраціи, но сердечнаго

участія, нѣжнѣйшей попечительности, гдѣ все зависѣло отъ ангельскаго терпѣнія: и три царствованія Она была только *Министромъ Благотворительности.*

У насъ много частей въ государственномъ управленіи, разными лицами, въ разныя эпохи, доведено до видимаго совершенства. Но исключительно одну назвать можно законченною. Въ ней все должно сохраниться въ томъ видѣ, въ какомъ оставила ее Императрица Марія. Устройство заведеній для образованія женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія. Поверхностные только судьи, не входящіе во всѣ подробности этого дѣла, не умѣющіе объять его со всѣхъ сторонъ, могутъ оставаться при своемъ сомнѣніи. Молодая особа, выпущенная изъ какого нибудь Института, состоящаго въ вѣдѣніи Государыни Императрицы, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребуетъ будущая жизнь ея. Знатная и богатая украситъ кругъ свой; бѣдная обезпечитъ себя, или принесетъ помощь въ семейство родителей; одаренная талантами, смотря по своему состоянію, развила ихъ или для блеска, или для приобрѣтенія житейскихъ выгодъ; не получившая отъ природы отличныхъ способностей обучена всѣмъ рукодѣліямъ, необходимымъ для женщины. Однимъ словомъ: возраженія исчезаютъ, когда сообразишь безчисленное множество поступающихъ въ заведенія сіи, безконечную разность въ состояніяхъ и способностяхъ этихъ лицъ и равенство ихъ правъ на одинаковое воспитаніе, возможность спо-

собовъ , опредѣляемыхъ для содержанія заведеній, и наконецъ общій выводъ изъ этого многосложнаго дѣлопроизводства. Юношество , воспитывающееся въ другихъ заведеніяхъ , получаетъ хорошія начала , но при поступленіи въ свѣтъ часто не находитъ въ своихъ познаніяхъ самаго необходимаго. Только счастливыя обстоятельства или особенное вниманіе къ положенію своему ускоряютъ его надлежащее совершенствованіе. Въ одномъ мѣствѣ недостаетъ разнообразія свѣдѣній , въ другомъ основательности, въ третьемъ удобопримѣняемости. Здѣсь все возможное предупреждено. Полный объемъ предметовъ не въ противорѣчій съ бережливостію времени; теорія не препятствуетъ изученію практическому; удаленіе отъ свѣта не закрываетъ жизни. Одно и то же лице , накануне видѣнное въ пріютѣ воспитанія , плѣнительное простосердечіемъ своимъ и дѣтскою заботливостію, на другой день является въ блистательномъ кругу Двора , или частнаго многолюднаго общества, или мирнаго семейства: вездѣ оно изумляетъ васъ благородствомъ , пристойностію и непринужденностію. Воспитаніе такого достоинства здѣсь только и видишь.

Покойная Императрица, возложивъ на Себя многотрудныя обязанности, съ благоговѣніемъ исполняла долгъ Свой. Въ продолженіе всей жизни Ея ни одно обстоятельство не заставило Ее уклониться отъ постоянной дѣятельности, или ослабить ея стремленіе. Переходя постепенно отъ одного улучшенія къ другому, расширяя кругъ благотвореній,

годъ отъ году мужая , такъ сказать, въ опытахъ , Она достигнула наконецъ до этой мудрости въ начинаніяхъ Своихъ , которая возвела Ея учрежденія на высшую степень совершенства. Сія памятники прекрасной души Ея носятъ одинъ характеръ простоты и величія : надобно только вступить въ эти заведенія , чтобы вы поняли присутствіе мысли Царственной и спокойной. Все идетъ свободно и вѣрно , какъ въ Природѣ. Обозрѣвая ихъ , невольно чувствуешь себя перенесеннымъ въ отдѣльный міръ , въ которомъ и малѣйшая часть сохраняетъ всѣ признаки цѣлаго : такъ они организованы стройно и своеобразно. Но чтобы достигнуть до этой окончательности , надобно было Создательницѣ Самой каждую пружину поставить на ея мѣсто , внимательно и долго наблюдать общее движеніе , и все предусмотрѣть въ будущемъ.

Внѣшнее устройство ничего еще не значить въ сравненіи съ нравственною жизнью , которая господствуетъ въ сихъ учрежденіяхъ. Императрица постигнула величайшую тайну , какъ властвовать сердцами подчиненныхъ Своихъ. Въ духѣ истинно христіанскомъ Она образовала царство любви , которая въ каждомъ сердцѣ составляла одно главное побужденіе. Другими средствами не возможно было и дѣйствовать успѣшно на избранномъ Ею поприщѣ. Для физическихъ занятій легко придумать все : и правила , какъ устроить ихъ , и формы , какъ ихъ повѣрять. Надъ душою нѣтъ власти , кромѣ силы душевной. Въ этомъ убѣжденіи Императрица всякое

лице, вступавшее въ область попечительности Ея, признавала равно достойнымъ Своего вниманія. Подъ Своимъ начальствомъ, на всѣхъ степеняхъ, Она желала видѣть такихъ людей, которыхъ дѣятельность была бы лучемъ Ея центральной дѣятельности. Она выходила къ каждому изъ нихъ и освѣщала его сердце тою любовію, которая все одушевляла въ кругу Ея благотворительности. Она изучила челоуѣка во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліяніемъ всякой страсти, во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ: не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ подчиненныхъ Ея не предался всей ревности къ исполненію долга, къ какой только онъ способенъ былъ по душѣ своей. Въ Ея сферѣ должность и счастье значили одно и то же. Пусть сообразятъ, какая внимательность со стороны Особы, столь высоко поставленной Провидѣніемъ, потребна была къ самымъ мелкимъ обстоятельствамъ частныхъ людей, чтобы никогда и нигдѣ не измѣнить симъ правиламъ. Если бы возможно было собрать въ одно цѣлое разнообразныя черты умиленно-трогательной Ея попечительности о каждомъ лицѣ, которое состояло къ какомъ нибудь къ Ней отношеніи, эта картина челоуѣколюбія, благодати и мудрости была бы орошаема сладкими слезами всего челоуѣчества.

Отъ того превосходство Ея заведеній состоитъ не въ сгрожайшемъ исполненіи формъ сравнительно съ другими, но въ духѣ дѣятельности. Каждое изъ нихъ, какъ благословенное семейство, цвѣтетъ внутреннимъ счастіемъ: всѣ въ немъ единодушно стремят-

ся къ общей цѣли, любятъ свой долгъ и не могутъ не уважать другъ друга: они уравниены вниманіемъ, оживлены признательностію; имъ неизвѣстны никакія побудительныя мѣры, кромѣ тѣхъ, которыя умѣеть избирать одна чистѣйшая любовь. Надобно возвыситься до Ея самоотверженія, надобно, подобно Ей, одну святую добродѣтель поставить закономъ для всѣхъ дѣйствій своихъ, чтобы столько тысячъ людей сосредоточить на одномъ нравственномъ чувствѣ и убѣдить ихъ въ его превосходствѣ предъ всѣми другими побужденіями. Легко удовлетворить требованіямъ формы. Если этимъ масштабомъ измѣрять будемъ совершенство, сколько найдемъ процвѣтающихъ учрежденій!

Между тѣмъ и самое исполненіе условій порядка, отчетливости, исправности, этихъ отрицательныхъ достоинствъ, конечно нигдѣ такъ не свято, какъ въ заведеніяхъ Императрицы Маріи; потому что и въ семъ отношеніи Она лично убѣдительнѣйшій подавала примѣръ Своимъ подчиненнымъ. Кто былъ внимательнѣе и разборчивѣе Ея при голосѣ законности? И можно ли было, при быстромъ и непрерывномъ движеніи всѣхъ частей обширнаго управленія, при безконечномъ приливѣ разнообразнѣйшихъ дѣлъ, не подчинить себя строжайшимъ формамъ и не распределить cadaго своего мгновенія? Неизмѣнно - правильный ходъ всѣхъ Ея занятій незамѣтно сообщался каждому лицу, вступавшему въ тотъ кругъ, гдѣ Она дѣйствовала. Малѣйшее отступленіе отъ господствующаго повсюду

порядка, затруднило бы положеніе общее и частное. Но въ этомъ явленіи строгой соотвѣтственности механическая сторона служила только выраженіемъ гармоніи внутренней, духовной. Такой порядокъ не представляетъ усилія, не прикрываетъ бездушія, а доказываетъ естественное счастливое состояніе. Онъ дѣлается нашею потребностію, когда участвуетъ въ немъ сердце.

Наблюдая издали послѣдовательность всѣхъ дѣланій Императрицы Маріи, неизмѣнность Ея началъ, равенство усилій, полноту и жаръ чувствованій, съ которыми производилось Ею все благое, словомъ: созерцая внѣшнюю жизнь Ея, кто не подумаетъ, что конечно судьба здѣсь на землѣ предохранила это сердце отъ всѣхъ потрясеній, ни въ чемъ не разочаровала, не познакомила его съ тяжелыми утратами и не допустила лечь ни одной тѣни на свѣтло - безмятежныя его думы. Но мы, Ея современники, Ея дѣти, мы были свидѣтелями, какія испытанія низпосылались Ей и какъ Матери и какъ Царицѣ! Чѣмъ же побѣдила Она все житейское? Что сохранило Ее неизмѣнною для блага нашего? Вѣра и вѣрность долгу. Ея жизнь есть торжество Христіанства и вѣнецъ человѣчества. На высотѣ престоловъ и въ затворахъ келій пусть сыщутъ другое существо, которое бы, въ продолженіи семидесятилѣтней своей борьбы съ жизнью, съ искушеніями щастія и бѣдствія, ни единожды не нарушило объѣта, произнесеннаго предъ Богомъ и совѣстію! Ни слава, ни суемудріе, никакія страсти не взвол-

новали теченія дней Ея, которые незапно прекратила только жаркая любовь къ Отечеству.

Событіе безпримѣрное! Передъ Ея гробницею слились всѣ голоса. Въ эту неизобразимо-горестную эпоху вся Россія одно чувствовала, и цѣлый міръ одно съ нею мыслилъ. Минута примирила всѣ партіи. Забыты всѣ отношенія. Земное простерлось во прахъ передъ Небеснымъ.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту :
Встаютъ молодцы егаря ,
Встаютъ старики гренадеры ,
Встаютъ изъ - подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей ,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы ;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ ,
И громко трубить онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будить :
Сѣдые гусары встаютъ ,
Встаютъ усачи кирасиры ;
И съ Сѣвера, съ Юга летятъ ,
Съ Востока и съ Запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ ;
На немъ сверхъ мундира сертукъ ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой ;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ ,
И ѣдутъ за нимъ Адъютанты ;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нсю ;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ Генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ *Святая Елена*.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

ЖУКОВСКІЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА.

Предисловіе.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François.* Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tout de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. И. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи Графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Современ. 1836, № 1.

2

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами Генераловъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandoient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguoit le General Mouravief.... le Prince Georigien Tsitsevaze.... le Prince Armenien Beboutof... le Prince Potemkine, le General Raiewsky, & enfin — M. Pouchkine..... qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки Французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань Русскихъ журналовъ. *Искать вдохновенія* всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ не пристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можешь быть, смѣлый переходъ черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ Графъ Паскевичъ отрезалъ

Сераскира отъ Османъ-Паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму, все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣлія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, на примѣръ, г. купеческій Консулъ Фонтанье, авторъ путешествія на Востокъ): но я успѣлся бы писать сатиры на прославленнаго Полковца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ не имѣющій нужды въ покровительствѣ Сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною было написано о походѣ 1829 года.

А. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Дагестанское ущелье. Переводъ черезъ сивговылъ горы. Первый взглядъ на Грузию. Водопротокъ. Хозревъ-Мирза. Дунетскій Городничій.

..... Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣльскъ и Орель, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ***.

..... Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ: но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ объѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить***.

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случилось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатылся по зеленой равнинѣ. Въ Новочеркасскѣ нашель я Графа П., ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На днякъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ? — *** — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь. Что ты шьешь? — портка. — Кому? — себѣ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай

съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказать, и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести чтонибудь гаже. Я попросилъ чѣмънибудь это заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцей.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемяну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ, на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость. . . .

Признаюсь : Кавказкія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось миліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А .Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракъ....

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій некогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовой трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой козачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы стправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человекъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки

солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыпѣлъ обозъ двухолесныхъ аробѣ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка бѣжала шагомъ, фитиль курился, и солдаты разкуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстѣ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безуюкойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрыпѣ Нагайскихъ аробѣ, выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ Графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродить гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ бѣжалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣс-

колькохъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ сѣвѣжнѣй Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудями камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славлюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тгнулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣзники. Татарская надпись, изображеніе шашки, таига, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ ввукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы выгѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены; цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу

дальше углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропускаютъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Задняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наследственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Пленниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчьемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно однако жъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укро-

щению: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человекъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмья книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Калькала, предверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. Надворъ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

... like a warrior taking his rest

With his martial cloak arround him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ го-

рахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію ; никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ , обитающихъ на Кавказѣ ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно , очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы ; однакожь при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными *кадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ , рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказать , и бѣгаютъ изъ крѣпости.

Пупка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы слышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ , разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ , похожихъ на собачьи капуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы , тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извиается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточенны его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно оставался , пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная ; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш. ;

смотря на Терекъ , воспоминали Иматру и отдавали преимущество *рыгль*, на *Сверь* *гремлящей*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса , я отсталъ отъ конвоя , засмотрѣвшись на огромныя скалы , между конми шлещеть Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжить ко мнѣ солдатъ , крича издали : *не останавливайтесь , В. Б. , убьютъ !* Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ , что Осетинскіе разбойники , безопасныя въ этомъ узкомъ мѣстѣ , стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунъ нашего перехода , они напали такимъ образомъ на Генерала Бековича , проскакавшаго сквозь нихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка : онѣ облѣплены салями мирныхъ Осетинцевъ , какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ наняли мы путешественника Француза , которъй нанугалъ насъ предстоящею дорогою. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ вышли мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка* , вспоминая ирровамія Илиады :

« И въ козихъ мѣхахъ вино , отраду нашу ! »

Здѣсь нашель я измаранный списокъ *Кавказскаго Шльмика* и , признаюсь , перечель его съ боль-

шимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру стѣпались мы далѣе. Турецкіе пѣвники разрабатывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа. «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носить то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ паралельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется чувствуешь тѣсноту. Ключокъ неба какъ лента синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусъ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь какъ на мѣльницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала на крутой скалѣ видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то Царица Дарія, давшая имя

свое ущелью : сказка. Даріалъ на древнемъ Персидскомъ языкѣ значить ворота. По свидѣтельству Плинія , Кавказскія врата , ошибочно называемыя Каспійскими , находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами , деревянными , окованными желѣзомъ. Подъ ними , пишетъ Плиній , течетъ рѣка Дириодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ , и проч. , (см. Путешествіе Графа И. Потоцкаго , коего ученныя изысканія столь же занимательны , какъ и Испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* (арка , образованная въ скалѣ взрывомъ пороха) — подъ ними шла нѣкогда дорога , а нынѣ протекаетъ Терекъ , часто мѣняющій свое русло.

Не далеко отъ селенія Казбекъ , перѣхали мы чрезъ *ближнюю Балку* , оврагъ , во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ , и принадлежитъ князю Казбеку. Князь , мужчина лѣтъ сорока пяти , ростомъ выше Преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни , которыя гораздо бѣднѣе и нечище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ) , разтопыря

свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихрь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобающимъ его званію и росту. Мы расстались большими приятелями.

Скоро притушаются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плыль мимо Чатърдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груды, по выраженію поэта, *подпирающую небосклонъ*.

Ждали Персидскаго Принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣсть экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! »Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно и проч.» Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ, и сѣхатъ на обык-

новенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей *попахъ* * и по краше-нымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: съѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводы.

На другой день около 12-ти часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ топкою полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую Вѣйсную коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрямь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ

* Такъ называются Персидскія шапки.

Полковникомъ Ог...., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обваль, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковыя случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба свалась засыпала ущеліе на цѣлую версту, и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мѣлѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обваль не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. « Это обваль, » сказалъ мнѣ Г. Ог..... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осьпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году Русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обваль оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу, и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный Консуль: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ-руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я расстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себѣ зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провозжающаго Персидскаго Принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по - Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полверстѣ отъ Аканура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ - Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на Принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Аканура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе, какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стояли добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было не возможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ

ведалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ Городничему, и потребовалъ за то съ меня *абазъ*.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ стакана вина, въ-третьихъ *абаза* для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненіе *de la liberté grande*. Къ счастью нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо - Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и *абазъ* выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надвѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ - то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Понутру явился ко мнѣ мой человѣкъ, и объявилъ, что Графъ П. благополучно переправился на волахъ

черезъ снѣговыя горы, и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ П. и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисъ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику Римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь поѣхали къ Тифлису, въ которомъ неприѣмнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы Грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговижна. Описание города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Гриводовъ. Безоудаль. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Арабать. Граница Турецкое госеипринство. Карсъ. Армянская семья. Выездъ изъ Карса. Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ, на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными кор-

знами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіане тѣсились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники разъѣзжали верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіанинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь, я вошелъ въ обширную комнату, и что-же увидѣлъ? Больше пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неоде-тыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. »Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда.» Конечно не бѣда, отвѣчала я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *кадрого*; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны, и оправдывали воображеніе Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
 With all the bloom, the freshened Glow
 Of her own contry maiden's looks, .
 When warm they rise from Teflis brooks.

Lalla Rookhs.

За то не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіанинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣз-сѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изъ-

священную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, е *sempre bene*). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескавъ теплою водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ, ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ Русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе,

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія,

Въ Тифлисѣ надѣялся я найти Р., но узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у Графа Паскевича позволенія прійхать въ армію.

Въ Тифлисъ пробыль я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С., издатель Тифлисскихъ Вѣдомостей, рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о К. Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. С. любить Грузію и предвидить для нее блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агъ - Махамеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнь (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общеприятельнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ Грузинскихъ пріятель : мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово ; она, кажется, сложена въ новѣйшее время ; въ ней есть какая-то восточная бессмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она :

· Душа , недавно рожденная въ раю ! Душа , созданная для моего счастья ! Отъ тебя , бессмертная , ожидаю жизни ,

Отъ тебя, Весна цвѣтущая, Луна двунедѣльная,
отъ тебя, Ангель мой хранитель, отъ тебя ожидаю
жизни.

Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хо-
чу обладать міромъ; хочу твоего взора. Отъ тебя
ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росой! избранная лю-
бимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ
тебя ожидаю жизни

Грузины пьютъ — и не понашему, и удивительно
крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро пор-
тятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и
Карабахское стоятъ нѣкоторыхъ Бургонскихъ. Вино
держать въ *маранахъ*, огромныхъ кувшинахъ, зары-
тыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжествен-
ными обрядами. Недавно Русскій драгунъ, тайно
открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него, и уто-
нулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кла-
ренсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ,
окруженной каменистыми горами. Онъ укрываютъ
его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и раскалясь на
солнцѣ, не нагрѣваютъ а кипятятъ недвижный воз-
духъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, цар-
ствующихъ въ Тифлисъ, не смотря на то, что го-
родъ находится только еще подь 41 градусомъ ши-

роты. Самое его названіе (*Тбиликаларъ*) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образоваться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисъ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинувшись долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ вѣльно. Молодые Титулярные Советники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ Ассессорскимъ, только вождѣленнымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, ко-его употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Ле-

каря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генераль С., говорятъ, умеръ отъ того, что его домовый лекаръ, прѣбывавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема предлагаемаго тамошними Докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ таковомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы не замѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Прѣбавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопрѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень не пріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли Англійскіе Офицеры въ Генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я

всталъ изъ - за стола голодный. Чортъ побери Ти-
флисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей
участи. Наконецъ получилъ записку отъ Р. Онъ пи-
салъ мнѣ, чтобы я слѣшилъ къ Карсу, потому
что черезъ нѣсколько дней войско должно было
итти далѣе. Я выѣхалъ на другой - же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачь-
ихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена
зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ
прекрасными садами, но подъѣзжая къ нимъ, ви-
дѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыль-
ными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще
былъ душенъ:

Ночи знойныя!

Звѣзды чудныя! . . . .

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лоша-
ди одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ
долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ уви-
дѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь.
Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-Рус-
ски, а потомъ по-Татарски. Онъ меня не понялъ.
Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ
отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ
не зналъ ни слова ни по-Русски ни по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтъ
отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ.

Я встрѣтилъ путешественниковъ Татаръ ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры ; видны были у нихъ только глаза да каблукки.

Я сталъ подыматься на Безобдагъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдага я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ ; надо мною разстилались значныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію, и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился : климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой со выючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ я пріѣхалъ въ Армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ нестрыхъ лахмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько

минуть, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я перѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, въпряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы, спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — *Грибоѣда*. Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я расстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ, и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens-là : vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux*. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіанъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралицемъ Тегеранской черни, узнавъ былъ только по рукъ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулкою.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ

было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвестности. Способности челоѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недоѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о челоѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только слаѣ, и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ, уваженіе наше къ слаѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Онъ прѣстился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностію, уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ; и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горе отъ ума*, произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его

рядомъ съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны....

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который какъ и я ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осыненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. Что новаго въ Эривани? спросилъ я его. Въ

Эривани чума, отвѣчалъ онъ; а что слыхать объ Ахалцыкъ? Въ Ахалцыкъ чума, отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокъ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказывалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непременно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузь и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди указывая дорогу. Мы стали подыматься на

горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дующій на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казакъ разбудилъ меня на зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана, и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія. ....

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасное. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя.

Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимую мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣчку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *тюрекъ*, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили Турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущелии. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе, и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ Русскихъ, и привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу

намъ попался Русскій Офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря, и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону; Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходъ на крупную рысь, и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранію. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ разкричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ - сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ; не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился Турецкій Старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *вербана атъ* (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинь, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлющийся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою

лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсѣ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливнемъ лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ, и переговора съ моимъ Туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и вѣтхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшій братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и жилали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ вѣрхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина, и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой Армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна, и въ топкихъ мѣстахъ вымощена—черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно воз-

вышлась—передовые холмы хребта Саган-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ; я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ САГАНЪ - ЛУ. ПЕРЕСТРѢЛКА. ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ. ЯЗЫДЫ.
СРАЖЕНІЕ СЪ СЕРАСКИРОМЪ АРЗРУМСКИМЪ. ВЗОРВАННАЯ САКЛЯ.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ-же день (13 Іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Р., слушалъ я молодыхъ Генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генераль Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ, какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Р., съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долину, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ Графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В., запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

*Non fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni . . .*

Я воротился къ Р. и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р. послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю и Мусульмане (такъ зовутся Татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись: какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ Генерала Бурцова, не воспользовались своими выго-

дами. Мы благополучно прошли опасное ущеліе и стали на высотахъ Саган-ду въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris,
 Arnice Valgi, stat glacies iners
 Menses per omnes . . .

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р. послалъ освѣдниться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я повѣхалъ съ С. посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли Турковъ, спросилъ С. Свиньемъ валить, Ваше Благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущеліе, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухъсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большею дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати, и выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней, составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это

время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались. Но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченные головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа Генераловъ и Офицеровъ: Графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человекъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шапшыкъ Англійскимъ пивомъ и Шампанскимъ, застывшимъ въ свѣгахъ Таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ Генерала Раевского собирались Беки Мусульманскихъ полковъ; и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ на-

ходились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывающихъ на Востокъ дьяволопоклонниками. Около трехъ-сотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы Язиды поклоняются сатанѣ есть пустая баснь; что они вѣруютъ въ единого Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ; ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются; и заблужденія ихъ показали мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріателемъ. Порядокъ, съ каковымъ обозъ следовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 Юня утромъ слышали вновь мы перестрѣлку, и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ

возвращающимся съ осмью Турецкими знаменами: Полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ Паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 Іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерь пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ Генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ Генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели - Башни и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ Графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣзника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала

Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нее Генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣляли, оставляя нагихъ посреди поля. Генераль Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣляясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены Полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали объѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ Графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами, и вскорѣ зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ; земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть и тогда ** Уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дорогъ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татар-

скіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ поводъ, отъ нихъ не отставала: я на силу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго Турка, лежавшимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе Графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля, и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали; настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды; я увидѣлъ Полковника Полякова, начальника Казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился Графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили пленныхъ. Тутъ находились почти всѣ Начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщала картину, достойную Сальватора - Розы, рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, на

ходившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы слышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховый запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семь сраженіи разбитъ Серакиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Серакиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ.. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СРАЖЕНІЕ СЪ ГАКИ-ПАШЕЮ. СМЕРТЬ ТАТАРСКАГО БЕКА. ГЕРМАФРОДИТЬ.
ПЛѢННЫЙ ПАША. АРАКСЪ. МОСТЪ ПАСТУХА. ГАССАНЪ КАЛЕ. ГОРЯЧІЙ ИСТОЧНИКЪ.
ПОХОДЪ КЪ АРЗРУМУ. ПЕРЕГОВОРЫ. ВЗЯТІЕ АРЗРУМА. ТУРЕЦКІЕ
ПЛѢННИКИ. ДЕРВИШЪ.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ

палатки, встрѣтилъ я Графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Etes-vous fatigué de la journée d'hier?» — mais un peu, M. le Comte. — J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.»

Мы тронулись и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки Паши видѣнь былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерь ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Черезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ — было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся Уланскій полкъ. Потомъ В. проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М. съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ дощани, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ, лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Беконъ, раненый

смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ, и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лоцинѣ собрано было человекъ пять сотъ пльнныхъ. Нѣскольکو раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажималъ свою рану окровавленной тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколотъ, можетъ быть изъ человеклюбія. Но это слишкомъ меня возмутило; я заступился за бѣднаго Турку и насилу привелъ его изнеможеннаго и истекающаго кровію къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ Полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Пльнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и на конецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавши непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между пльниками находился

гермафродитъ. Р. по просьбѣ моей велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго му- жика, съ лицомъ старой курносоѣ чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря. . . . .
. . . . . Сія болѣзнь, извѣ- стная Иппократу, по свидѣтельству путешествен- никовъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. *Коосъ* есть Турецкое названіе симъ мни- мымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ Турецкомъ лагерѣ, взя- томъ наканунѣ. Палатка Графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ ка- зался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокой- ствіе изображалось на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ во- просовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя го- ры Саган-лу были уже за нами. Мы пошли впе- редъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале, находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ

его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустыннокомъ на высотѣ холма, гдѣ донинѣ показываютъ его могилу, освѣщенную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется *Чабанъ - Кэпри* (мостъ пастуха.) Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины Караванъ-Сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больнаго осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 Іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ - Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой Княземъ Беквичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ что Турецкій отрядъ находился въ горахъ и съ однимъ эскадронномъ Уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р-у, что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р. отправился въ слѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожд-

деніе Армянъ. Провѣхавъ версть двадцать, вѣхали мы въ деревню, и увидѣли нѣсколько отставшихъ Улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ разтолковалъ Р., что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Р. приказалъ Уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ, и послалъ Полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ версть крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста Армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, растилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокъ, но не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течеть рѣка Мургъ ; берега ея покрыты желѣзными источниками , которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ Кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 Іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерь нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебень. За обѣдомъ у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 Іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются *Акъ-дагъ* (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ Графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣзники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не преставая разсуждать съ Генераломъ М. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумъ происходило большое смятеніе. Сераскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Въ слѣдъ за нимъ отпущенные

плѣнники доставили жителямъ воззваніе Графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Пронзошелъ мятежь. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26 утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира; день прошелъ въ переговоры; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними Генераль Князь Бекovichъ, хорошо знающій Азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ Восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась Турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на Турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю. На оставленной батарее нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ долину открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронесли надъ головою Графа Паскевича: *Voyez les Turcs*, сказалъ онъ мнѣ, *on ne peut jamais se fier à eux*. Въ сію минуту прискакали

на Топъ-дагъ Князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумъ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ Арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-Паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ Графу, прося позволенія заставить молчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ повелѣніе сказать: полно имъ дурачиться. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 Іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера Русское знамя развилось надъ Арзрумскою цитаделію.

Р. поѣхалъ въ городъ — я отправился съ нимъ; мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христіанъ! Христіанъ!... Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже развѣжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество—лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскирь и четверо Пашей, взятые въ плѣнь, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостию говорилъ нашимъ Генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ: и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ на ровнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира—при входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой, арнаутской одеждѣ. Сераскирь, съдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outré) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой Дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АРЗРУМЪ. АЗИАТСКАЯ РОСКОПЬ. КЛИМАТЪ. КЛАДБИЩА. САТИРИЧЕСКІЕ СТИХИ.
СЕРАСКИРСКИЙ ДВОРЕЦЪ. ХАРЕМЪ ТУРЕЦКАГО ПАШИ. ЧУМА. СМЕРТЬ БУРЦОВА.
ВЫЕЗДЪ ИЗЪ АРЗРУМА. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. РУССКОЙ ЖУРНАЛЬ.

Арзрумъ, (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Θεодосія Второго, и названъ Θεодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были Персидскому Послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телачьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей, но кажется число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Арзрумъ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ : Азіатская роскошь. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари; оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать Азіатская бѣдность, Азіатское свинство и проч., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. Въ Арзрумъ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лоцинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года, земля безлѣсна, но плодородна. Она орошена множествомъ источниковъ и всюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города, но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саган-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ вѣроятно еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ

или трехъ Пашей отличаются большей затѣйливостію, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что, изо-всѣхъ Азіатскихъ городовъ, въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорченны.

Нововведенія, затѣваемые Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носить еще свой живописный, восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу.

Стамбуль Глуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдуть — и такъ оставятъ:
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбуль для сладостей порока
Мольбъ и саблъ измѣнилъ.
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ
И спятъ подкупленный свухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ;
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ мнѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струсю трезвой
Святая воды насъ поить;
Толпой безтрепетной и рязвой
Джигиты наши въ бой летить;
Харемы наши недоступны,
Евухи строги, неподкупны,
И смирно жепы тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ; Сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго Франка за лекаря.) Это мнѣ надоѣло, я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ-же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ С.; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ утрюмый Паша молчаливо курилъ, посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ Генераловъ, раздавалъ Пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша прїѣзжалъ къ Графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ останоился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, прїѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкесскихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у Графа Паскевича. Бей-булатъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Прїѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ Графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ-было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ Мусульманскаго города, занятаго десятию тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насилие

солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа Паши и приказалъ Г. А. съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольныя ли онѣ и не было ли имъ какойнибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А.—Мы отправились.—Г. А. взялъ съ собою въ переводчики Русскаго офицера, коего исторія любопытна. Оснадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіанамъ. . . . . онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ рассказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніи въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ фізіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа Паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ — на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи взятыя изъ Корана. Одна изъ нихъ показала мнѣ очень замысловата для Мусульманскаго харема: *тебѣ подобааетъ связывать и развязывать*. Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ опрaвленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить Графа Паскевича, — но Г. А. сказалъ на отръвъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа Паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ сунулъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защекалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и

что если Паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велить отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но Г. А. былъ непоколебимъ. Вы боятесь своего Паша, сказалъ онъ имъ, а я своего Сераскира, и не смѣю послушаться его приказаній. — Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два толще фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки, мы увидѣли женщину, съ ногъ до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрой. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесяти-лѣтней старухи; Г. А. прервалъ ее: это мать Паша, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ; всѣ изумились догадкѣ Гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой также какъ и она — изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятной голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головъ съ черными любовными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи Г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая

звать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери съ Г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердца, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А. прекратилъ свои распросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ, и возвратились очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 Іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армию. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ,

какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся : за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако жъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и общаваъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моею Европейскою робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 Юля, пришедъ проститься съ Графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что Генераль Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при

слухъ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію . . . . Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія во слѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленные присутвіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саган-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехъ-дневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсень Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчательнъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ наполненный дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно

ревѣвшій. Берега были разтерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелія на раздолье широкихъ равнинъ большой Кабарды. Во Владикавказъ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я Русскіе Журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее въ слухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бѣльшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО

АРХІЕПИСКОПА БѢЛОРУССКАГО,

изд. Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ С. П. б. 1855.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславль Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ»... и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ Высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истиннаго краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его при-

надлежить Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіей, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе кастѣлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносялъ обо всемъ св. Синоду, и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлячинскій, прославившійся ненавистію къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою Епархію. Овлячинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему Архипастырю, остановили колокольный звонъ, и съ вошемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутейнскаго монастыря, откуда тайно вывели его въ телегъ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота,

перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастью не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія вѣредоставлено было Екатериной II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и въ слѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, св. Синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую Епархію, Императрица нато не согласилась и сказала: »Георгій нуженъ въ Польшѣ.«

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за

тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обещалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ « Уніятскимъ Архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного Епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ. » Но гордые Польскіе Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Въ слѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой Русскихъ штыковъ, созванъ былъ Сеймъ, учреждена согласительная Коммисія и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедерации, опредѣленъ былъ въ члены сей Коммисіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣлательно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. « Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептицкій, а когда Католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ. » Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерация, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древне

достоиніе нашего отечества, были ему возвращены — в 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управление своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена имъ Екатериною, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей:

» Для молитвы постъ есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ

Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!* *. Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **. Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ подъ-ризы своея изринетъ насъ.

Душа безсмертная, отъ брэннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и челоуѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель.

Вниди въ клятвѣ твою и помолися ***. Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и по-

* Мате. 27, 22. ** Евр. 6, 6.

*** Мате. 6, 6.

печеній, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отряси отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вождельнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сѣдите здѣ со ослатемъ, азъ же и дѣтищъ пойдемъ до онѣде, и поклонившися, возвратимся къ вамъ* *. Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколько отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вокругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы пресполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумвющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прильпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухъ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Иосифъ, проданный братіями своими во Египеть, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую **.

* Быт. 22, 5.

** Быт. 47. 6. н.

Сынъ Божій , по безмѣрной благодсти Своей , соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ , даетъ намъ , не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльно. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Нему: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ : « Больше изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то , что дванадцать чело-вѣкъ , безкнижныхъ , безоружныхъ , нищихъ , проповѣдывавшихъ крестъ , побѣдили , не только Владыкъ и сильныхъ земли , но и самихъ боговъ языческихъ , и цѣлый свѣтъ Христу покорили. » Ты возразишь мнѣ на сіе , что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій , безъ креста , меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ : на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою : *Се азъ посылаю васъ , яко овцы посреде волковъ : предадутъ вы на сонмы , и на соборищахъ избіютъ васъ* *. Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри , что съ сими убіенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ , и отложивъ порфиру и вѣнецъ , благоговѣнно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

* Мато. 10, 16, 17.

*

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ Мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англии, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный бояринъ, удиченный въ безбожій, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесь не творятъ, ни лучшей переменны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и вспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно тоже сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на корабль беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плователи обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и онъ беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожа-
«луй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами,
«и потому еще между отчаяніемъ и надеждою на-
«ходимся; а какъ услышитъ твою святую моли-
«ту, такъ мы и погубимъ.» Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумль званіе мое* *; а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва переменитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣш-

* Псал. 5, 2.

ныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; но мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умалется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми не большой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачъ.» Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь Вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ Вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласиємъ или

неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ *. Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и при томъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылаютъ, въ слѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единого примѣра моего, яко отъ единого блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры! «

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виднѣнъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серва ожидаютъ созрѣлые классы;

А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы.

О! смертный, безпечный, посмотри въ зеркало:

Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

* Матт. 18, 7.

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?

Съ чѣмъ ты представишь Правосудному Богу?

Путь смертный безвѣстнъ, и половъ разбоя:

Искуснаго, храбраго требуютъ конвола.

Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?

Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.

Изнеможешь, прѣйши, таща грѣховъ ношу!

Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорошу,

Подмогу, какая дана Сиксенту:

Но — та дана слезамъ, кровавому поту.

А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.

Не весь ли вѣкъ твой есть цѣнь грѣховъ? Признайся.

Ахъ! вижу, ты нагнѣтъ, какъ родила мать:

Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!

Поваръ же, не увидишь въ небесны чертоги:

Въ адъ тебя низринуть, связавъ руки, ноги,

Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча Вѣры;

Затворятся брачныя бунтъ двѣмъ двери;

Можетъ быть, при смерти, «помини мя» скажешь,

И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.

И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,

Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принести останется.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* известна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію Государственнойю. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда, депутатъ Малороссійскаго Шляхетства, Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего крал. Конискій, справедливо полагал, что одна только Исторія наро

да можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимою въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумью глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конишскій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изуверству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его рассказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конишскій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафій, вырѣзанной надъ его гробомъ и

Современ. 1836, № 1. 7

сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистию великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

ВВЕДЕНІЕ Уніи.

» По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслышаннымъ варварствомъ, вышель отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное челоуѣчество, дѣлали

то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побой, мучительства и убійства прѣвзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человекъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разтѣжавшее съ триумфомъ по малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцать человекъ и болѣе. На прислуги сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицы. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковныя и веревки колокольные отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ идти къ

жду торжиться съ нимъ, и по важности отправки, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ при томъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и прехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или по ихъ Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ записъ не отказано.

Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенести лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилося отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало по мало согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы Русской, и всемирно старалось изуродовать природныя названія свои, приискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчій быть не

могло, наприкладъ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичъ, Сокирка, Комарь, Жупанъ и премноги другія, а съ прежняго Чаплины названія Чаплинскій, съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, и подражая имъ, гнали презлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну не малую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени казакіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствовамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ

Съчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.

• Казнь Острицы.

« На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ въ 1658 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Острица, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товариства Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отъменно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преставадь нападать на города и селенія Малороссійскія и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Острицѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянные и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпрскіе города, на обоихъ берегахъ селъ рѣки имѣющіесь, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и

войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соответствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій назацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безпечности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіесь истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Острица тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнные ими на позорищѣ въ городахъ отрубленные головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломаясь въ нихъ, удари-

ли на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крикъ и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшею немногую конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убитыхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4,727 человекъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстями, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагось въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остра-

виду и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обонхъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

Гетманъ Острица, разославъ свои войска, инья по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Старщинами Генеральными и со многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырь тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полонномъ заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отменяло, яко схизматицкія и суду Божію не подлежація. По симъ страннымъ прави-

ламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпионовъ своихъ жидовъ о побѣдѣ Гетмана Острицы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили многочисленною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ вѣдъ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь выполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ Гетманской и самого Гетмана, всего тридцать семь человекъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили до послѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убралась и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближался къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накиннули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ триумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдая въ народъ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтнихъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надеясь умоливать и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за сво-

ихъ отцевъ. Но они симъ пицу только крово-
жаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не
помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ
своего заключенія, повлечены на казнь безъ вся-
кихъ разбирательствъ и отвѣтовъ,

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и
въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣче-
ствѣ по лютости своей и коварству, и потом-
ство едва ли повѣрить сему событію, ибо ника-
кому дикаму, и самому свирѣпому Японцу, не
придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произве-
деніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей
и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывала процессія Римская со
множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали
ведомыхъ на жертву Малороссіяняъ, чтобы они
приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу;
но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по
своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ,
войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ
Острианица, Обозный Генеральный Сурмила и Пол-
ковники Недригайло, Боюнъ и Риндичъ были ко-
лесованы и имъ переломали поминутно руки и
ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они
скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ,
Запалый и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты
железными спицами насквозь и подняты живые
на сваи; Есаулы Полковые: Постылячъ, Гарунъ,
Сутяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Со-

тняки: Чуприна, Околовничъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загеба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментай, Дунаевскій, Скубрѣй, Глянскій, Завезунъ, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполнили воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли: . . . оставшихся же по матерямъ дѣтей, сродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шанками и метлами.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Развѣзжавшія при томъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторили произведенныя въ Варшавѣ лютоści надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ

лютейшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи разпродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье Жидовкамъ; а сѣн тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкому хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потерянїемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не оцененъ по достоинству, ибо счастливый мадригаль приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ , издавъ сочиненіе великаго Архієпископа Бѣлоруссіи , оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться , что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги - комедіи :
The covetous Knight.)

С Ц Е Н А I. (*въ башнѣ*).

А Л Ь Б Е Р Ъ и И В А Н Ъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Во что бы то ни стало, на турниръ

Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ. (*Иванъ по-
даетъ ему шлемъ.*)

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно

Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.

Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

И в а н ъ.

И вы ему порядкомъ отплатили :

Какъ изъ стремянъ вы вышибли его ,

Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ - ли

Оправился.

А л ь б е р ѡ .

А все жъ онъ не въ убыткѣ ;

Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій ,

А грудь своя : гроша ему не стоитъ ;

Другой себѣ не станетъ покупать.

Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ - же!
 А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
 Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
 Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
 И платью нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
 Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласъ
 Да бархатъ; я въ латахъ былъ одинъ
 За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
 Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
 А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
 Какъ унижаетъ сердце намъ она!
 Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
 Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
 А я съ открытой головой пришпорилъ
 Эмира моего, помчался вихремъ
 И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
 Какъ маленькаго Пажа; какъ всѣ дамы
 Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
 Закрывъ лице, невольно закричала
 И славилъ Герольды мой ударъ:
 Тогда никто не думалъ о причинѣ
 И храбрости моей и силы дивной!
 Взбѣсился я за повржденный шлемъ;
 Геройству что виною было? — скупость —
 Да! заразиться здѣсь не трудно ею
 Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
 Что бѣдный мой Эмиръ?

И в а н ъ.

Онъ все хромаетъ.

Вамъ выбѣжать на немъ еще нельзя.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Ну дѣлать нечего : куплю гнѣдова.
Не дорого и просить за него.

И В А Н Ъ .

Недорого , да денегъ нѣтъ у насъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Что-жъ говорить бездѣльникъ Соломонъ ?

И В А Н Ъ .

Онъ говоритъ , что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Закладъ ! а гдѣ мнѣ взять заклада , дьяволь !

И В А Н Ъ .

Я сказывалъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Что-жъ онъ ?

И В А Н Ъ .

Кряхтитъ да жметсл.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Да ты бѣ ему сказалъ , что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ , что рано-ль , поздно-ль
Всему наследую.

И В А Н Ъ .

Я говорилъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Что - жь ?

И в а н ъ .

Жметя да кряхтитъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Какое горе!

И в а н ъ .

Онъ самъ хотѣлъ придти.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Ну, слава Бѣгу.

Безъ выкупа не выпущу его. (*Стучать въ дверь.*)
Кто тамъ? (*Входитъ Жидъ.*)

Ж и д ъ .

Слуга вашъ низкій.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

Ж и д ъ .

Ахъ, милостивый Рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы . . . право не могу.
Гдѣ денегъ взять? весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать . . . .

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Разбойникъ !

Да еслибъ у меня водились деньги ,
Съ тобою сталь-либъ я возиться ? Полно ,
Не будь упрямъ , мой милый Соломонъ ;
Давай червонцы . Высыпи мнѣ сотню ,
Пока тебя не обыскали .

Ж и д ъ .

Сотню !

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ !

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Слушай :

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать ?

Ж и д ъ .

Клянусь вамъ . . .

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Полно , полно .

Ты требуешь заклада ? что за вздоръ !
Что дамъ тебѣ въ закладъ ? свиную кожу ?
Когда бъ я могъ что заложить , давно
Ужъ продалъ бы . Иль рыцарскаго слова
Тебѣ , собака , мало ?

Ж и д ъ .

Ваше слово ,

Пока вы живы , много , много значить .
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отогреть .
Но если вы его передадите

Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
 Умрете (Боже сохрани), тогда
 Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
 Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

А л ь б е р ь .

Ужель отецъ меня переживетъ?

Ж и д ь .

Какъ знать? дни наши сочтены не нами;
 Цвѣлъ юноша вѣчоръ, а нынѣ умеръ,
 И вотъ его четыре старика
 Несутъ на сторбленныхъ плечахъ въ могилу.
 Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
 И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

А л ь б е р ь .

Ты врешь, Еврей: да черезъ тридцать лѣтъ
 Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
 Начто мнѣ пригодятся?

Ж и д ь .

Деньги?—деньги
 Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
 Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ
 И не жалѣя шлетъ туда, сюда.
 Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
 И бережетъ ихъ какъ зеницу ока.

А л ь б е р ь .

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
 Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служить

И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
 Какъ пестъ цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
 Живеть, пьеть воду, ѣсть сухія корки,
 Всю ночь не спить, все бѣгаетъ да ласть.
 А золото спокойно въ сундукахъ
 Лежить себѣ. Молчи! когда нибудь
 Оно послужитъ мнѣ, лежать забудеть.

Ж и д ъ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
 Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
 Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Amen!

Ж и д ъ.

А можно бѣ . . . . .

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Что?

Ж и д ъ.

Такъ, думалъ я, что средство
 Такое есть. . . . .

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Какое средство?

Ж и д ъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичокъ,
 Еврей, Аптекарь бѣдный . . .

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Ростовщикъ

Такой - же какъ и ты, иль почестиѣе ?

Ж и д ъ .

Нѣтъ, рыцарь, Твой торгъ ведетъ иной —
Онъ составляетъ капли . . . право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

А что мнѣ въ нихъ?

Ж и д ъ .

Въ стаканъ воды подлить . . . трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ,

Ж и д ъ .

Да —

И ядомъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Чтожь ? въ займы намѣсто денегъ,
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду
За стклянку по червонцу, Такъ-ли, что ли?

Ж и д ъ .

Смѣяться вамъ угодно надо мною
Нѣтъ; я хотѣлъ . . . быть можетъ вы . . . я, думалъ,
Что ужъ Барону время умереть.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Какъ! отравить отца! и смѣль ты сыну...
 Иванъ! держи его. И смѣль ты мнѣ!...
 Да знаешь-ли, жидовская душа,
 Собака, змѣй! что я тебя сей часъ-же
 На воротахъ повѣшу.

Ж и д ъ .

Виновать!

Простите: я шутилъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Иванъ , веревку.

Ж и д ъ .

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ .

Вонъ , песь ! (*Жидъ уходитъ*).

Вотъ до чего меня доводитъ
 Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣль
 Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина ,
 Я весь дрожу . . . Иванъ, однако жъ деньги
 Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ проклятымъ ,
 Возьми его червонцы. Да сюда
 Мнѣ принеси чернильницу. Я плуту
 Росписку дамъ. Да не вводи сюда
 Іуду этаго . . . Иль нѣтъ , стой ,
 Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ ,
 Какъ сребренники пращура его . . . .
 Я спрашивалъ вина.

И В А Н Ъ.

У насъ вина—

Ни капли нѣтъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

И В А Н Ъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Большому кузнецу.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Да, помню, знаю . . . .

Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

С Ц Е Н А II (*подвалъ.*)

Б А Р О Н Ъ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданія
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,

Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣль снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился — и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озираться
И доль, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? какъ нѣкій демонъ
Отсель править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья . . . . (*смотритъ на свое золото.*)

Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!

Тутъ есть дублонъ старинный . . . вотъ онъ. Нынче
 Вдова мнѣ отдала его , но прежде
 Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
 Она стояла на колѣнахъ воя.
 Шель дождь , и перестала и вновь пошелъ ,
 Притворщица не трогалась ; я могъ бы
 Ее прогнать , но что - то мнѣ шептало ,
 Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла ,
 И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
 А этотъ ? этотъ мнѣ принеси Тибо —
 Гдѣ было взять ему лѣнницу , плуту ?
 Укралъ конечно , или , можетъ быть ,
 Тамъ на большой дорогѣ , ночью , въ роцѣ . . .
 Да ! если бы всѣ слезы , кровь и потъ ,
 Пролитые за все , что здѣсь хранится ,
 Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ ,
 То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бѣ
 Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ , когда хочу сундукъ
 Мой отпереть , впадаю въ жаръ и трепеть.
 Не страхъ (о , нѣтъ ! кого бояться мнѣ ?
 При мнѣ мой мечъ , за злато отвѣчаетъ
 Честной булатъ.) , но сердце мнѣ тѣснить
 Какое - то невѣдомое чувство . . . .
 Насъ увѣряютъ медики : есть люди ,
 Въ убійствѣ находящіе пріятность
 Когда я ключъ въ замокъ влагаю , тоже
 Я чувствую , что чувствовать должны
 Они , вонзалъ въ жертву ножъ : пріятно
 И страшно вмѣстѣ. *(Оттираетъ сундукъ.)*

Вотъ мое блаженство! (*Всыпаетъ
деньги.*)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ. — — —
Хочу себѣ сегодня пирь устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь ихъ глядѣть на блестящія груди.

(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ
сундуки одинъ за другимъ.*)

Я царствую! — — — Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую — — — но кто во слѣдъ за мной
Приметь власть надъ нею? Мой наследникъ!
Безумецъ, разточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирныя, нѣмыя своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дыравые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить —
Онъ разточить . . . . А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который

Гремитъ костьюми, да груди загребають?
 Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
 Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
 Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
 Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
 Что сердце у меня обросло мохомъ,
 Что я не зналъ желаній, что меня
 И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
 Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
 Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
 Заимодавецъ грубый, эта вѣдьма,
 Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
 Смущаются и мертвыхъ выслаютъ? — — —
 Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
 А тамъ, посмотримъ, станетъ - ли несчастный
 То разточать, что 'кровью приобрѣлъ.
 О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
 Я скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы
 Придти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукъ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить какъ нынѣ! — —

СЦЕНА III (во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣть я долго
 Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
 Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
 Таковъ какъ вы, отца не обвинить
 Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
 Спокойны будьте: вашего отца
 Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
 Я жду его. Давно мы не видались.
 Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
 Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
 Меня сажалъ на своего коня
 И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
 Какъ будто колоколомъ. — (*Смотритъ въ окно.*)
 Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЬ.

Такъ, онъ — Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите - жь

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(*Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.*)

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
 По приказанью Вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
 Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ Говариваль: Филиппъ (онъ звалъ меня Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а? Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я, Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ.... Предъ Вами, то есть....

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви Турниры, праздники. А я на нихъ Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня; Еще достанетъ силы старый мечъ За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ известно; Вы дѣду были другомъ; мой отецъ Васъ уважалъ. И я всегда считалъ Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ—но сядемъ. У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любить шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —
Вкругъ замка по лѣсамъ, онъ вѣчно бродить
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ

Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье — — —
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ.

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;

Но вы меня смутили. Передъ вами
Лѣтъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ . . . .

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье

И праздность губять молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудеть
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это....

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жь?

БАРОНЪ.

Увольте старика. . .

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердить.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно скажите состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, Герцогъ...

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно,
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да.... стыдно....

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ.... онъ меня

Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! такъ я суду

Его предавъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете.

ГЕРЦОГЪ. *(Сыну.)*

Какъ смѣли вы?...

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...

Ты могъ отцу такое слово молвить!...

Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...

Мнѣ, мнѣ.... нѣ ужъ не рыцарь я.

А ЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ.

Б А Р О Н Ъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ.)

А ЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ
И ты, тигренокъ! полно. (сыну) Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту (отнимаетъ ее.)

А ЛЬБЕРЪ. (а parte)

Жаль.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Такъ и впился въ нее когтями!—извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (Альберъ выходитъ).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ....

Б А Р О Н Ъ.

Простите, Государь....

Столь я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ.... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Онъ умеръ. Боже!

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Р,

О РИФМѢ.

Если бы во времена Софокла и Горация появилась трагедія или ода съ рифмами, что сказали бы Греки и Римляне, эти пресвосходные цѣнители изящнаго въ мірѣ чувственности, къ которой относится и рифма? Подумали ли бы они, что рифма, въ теченіи вѣковъ, сдѣлается поясомъ Венеры, необходимымъ для важной, величественной Юоны, чтобъ плѣнять? Нѣтъ сомнѣнія, что тонкій слухъ этихъ народовъ, столь хорошо понимавшій всѣ таинственныя прелести *ритма*, содрогнулся бы отъ рифмы, какъ отъ непростительнаго варваризма! Говорятъ, рифма произошла отъ стремленія души къ симметріи во всемъ, даже въ звукахъ; если такъ, то она должна была родиться у Грековъ, кои довели пластику до совершенства, и донинѣ, въ исторіи Искусства, предо всѣми народами отличаются чувствомъ формы и симметріи. Мы упомянули о вѣкѣ Августа и — между тѣмъ — должны признаться, что находимъ первыя рифмы въ этомъ вѣкѣ, а именно у *Овидія*, хотя употребленіе ихъ и раз-

личествуеъ отъ нынѣшняго; мы говоримъ: *первыя*, ибо Арабы, коимъ приписывается изобрѣтеніе рифмы, сами относятъ свое просвѣщеніе къ временамъ гораздо позднѣйшимъ. Весьма замѣчательно, что, изъ всѣхъ классическихъ писателей тѣхъ временъ, у *одного* Овидія, который часто удаляется отъ возвышенной простоты Древнихъ и впадаетъ въ надутость, чувственность и пустословіе, у него только встрѣчается нѣсколько рифмъ, случайныхъ, или умышленныхъ — какъ рѣшить? Если бы Поэтъ ими хотѣлъ ярче освѣтить смыслъ и аналогію двухъ идей, то обрадовался бы этой находкѣ и не ограничился бы столь малымъ числомъ рифмъ, коими Латинскій языкъ не бѣденъ, какъ доказываютъ рифмованные гекзаметры Парижскаго монаха *Леона* и вообще Латинскіе стихи среднихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать рѣшительно, что Овидій не почиталъ рифмъ *красотою*; иногда несомнительно, что онъ только *терпѣлъ* этимъ грѣхамъ, ради удачнаго выраженія, напримѣръ:

Quot coelum *stellas*, tot habet tua Roma *puellas!*
 (т. е. сколько на Небѣ звѣздъ, столько красавицъ въ твоемъ Римѣ!). Кто не видитъ, что *stella* (звѣзда) и *puella* (дѣва) сведены взаимнымъ символическимъ отраженіемъ, между ними существующимъ въ воображеніи Поэта? По той же причинѣ и Римляне того вѣка могли только *простить* подобный стихъ, а не плѣняться созвучіемъ. Римская чернь гораздо лучше понимала истинно-изящное, нежели пони-

маемъ мы. Ораторы, каковъ Цицеронъ, Гортензій и Юлій Цесарь, гордились похвалою черни, которая безъ единодушнаго изъясненія восторга не пропускала ни одного замѣчательнаго періода рѣчи, и съ тѣмъ же единодушіемъ немилосердо освистывала каждую неокругленную фразу или даже ошибку противу благозвучія. Еслибъ какой-нибудь ораторъ на рострахъ началъ говорить въ рифмахъ — какъ недавно одинъ Парижскій Франтъ защищался въ Cour d'assises — его навѣрное разругали бы тутъ же! (Извѣстно, что Римляне имѣли эту привычку.)

Когда же начинается владычество рифмы, замѣствованной у Арабовъ Готами и южными народами? Во времена *Провенцаловъ*, коихъ Трубадуры усовершенствовали эту восточную игрушку искуснымъ переплетеніемъ рифмъ и — слѣдственно — были первые рифмоплеты! Рифма и рыцарскій духъ блаженною четою обладали великимъ эдемомъ Романтики! Но посмотримъ, доказываетъ ли происхожденіе, распространеніе и владычество рифмы что нибудь въ ея пользу?

Она родилась у Арабовъ. Никто не будетъ оспаривать поэтическаго достоинства и нѣкогда сильнаго вліянія сего народа на образованность Европы. Уже древнѣйшая ихъ Поэзія, *Моаллакаатъ*, собраніе семи стихотвореній семи поэтовъ пятаго вѣка, переведенное Гартманомъ подъ названіемъ: » *Лучезарныя Пляды на поэтическомъ небѣ Аравіи* , « отличается жаромъ и силою чувствъ и роскошью

воображенія. Какъ бы желая нѣкоторымъ образомъ вознаградить насъ за сожженіе Александрійской библіотеки, Арабы сообщили намъ свои разнородныя познанія, воинственный духъ, пламенные страсти, поэтической міръ волшебства, всѣ элементы, изъ коихъ составлялась Романгика Среднихъ вѣковъ. Поэзія Востока неистощимо богата, но вкусъ Магометанскихъ народовъ страненъ и дуренъ, по единоголосному мнѣнію образованнѣйшихъ націй. Пустое возраженіе, что нѣтъ красоты безусловной, не можетъ имѣть вѣсу въ наше время, когда изъ образованія ума и сердца явствуется, что для всего челоуѣчества существуетъ *одна* истина, а для искусства *одинъ* законъ изящнаго: чѣмъ ближе какое-либо произведеніе къ природѣ, или къ идеалу (т. е. къ совершеннѣйшему проявленію природы въ области идей)—тѣмъ оно и лучше! Поэзія этихъ народовъ не есть чистый отпечатокъ роскошной природы Востока, которая, среди своихъ разнообразнѣйшихъ богатствъ, все-таки обнаруживаетъ простую всемірную идею *единства*, понятную для чистаго эстетическаго чувства; она есть только оттискъ ихъ нравственной необразованности. Вкусъ Магометанскаго Востока то же бусурманство, основанное на ложныхъ понятіяхъ и грубыхъ чувствахъ. Странное употребленіе рифмы у Арабовъ доказываетъ, что они изъ своего полнозвучнаго языка хотѣли сдѣлать дѣтскую игрушку для уха: одна и та же рифма проведена черезъ всю оду. Вотъ какъ родилась рифма! Надобно признаться, что къ колыбели этой соблазнительницы міра не подходили Граціи.

Отыщемъ ее въ Европѣ.

Въ неизвѣстныхъ Древнему міру лѣсахъ и дебряхъ безмолствовали дикіе народы, какъ огромныя машины, устроенныя Провидѣніемъ для неисповѣдимой цѣли, но еще не приведенныя въ движеніе. Китай коснулся одного колеса—и зашумѣла вся эта ужасная механика въ порывистыхъ совратахъ и начала сокрушать Римскую Имперію, и послѣднимъ колесомъ проходила по лицу дальней Люзитаніи: Варвары затомяли всю Европу! Какъ послѣ потопа земля оюнѣла, такъ и послѣ политическихъ переворотовъ явились новые народы, рожденные въ эту двухсотлѣтнюю бурю—явилося юное чловѣчество! Его первымъ, блестящимъ цвѣтомъ была жизнь Провенцаловъ — непрерывное празднество любви и юности, со всѣми играми и потѣхами утонченной чувственности! Выраженіемъ этого полудѣтскаго, лирическаго возраста долженствовала быть *такая* поэзія, какую видимъ у Провенцаловъ: свѣжесть и сила, пестрая роскошь, безотчетное изліяніе чувствъ и мотыльковая игривость — могла ли такая поэзія обходиться безъ рифмы? и могла ли рифма не сообщиться *такимъ* — составляющимся въ тотъ періодъ языкамъ, каковы Испанскій, Португальскій и Итальянскій? Зной ихъ, сладострастная природа Юга должна была вдохнуть въ своихъ обитателей нѣгу, роскошь воображенія, чувственную склонность къ полнымъ, глубокимъ звукамъ и къ прихотливой игрѣ созвучій, коими изобилуетъ въ особенности Испанскій языкъ. Хотя Римляне владѣли Испанією

столько времени, что для литературы своей могли тамъ приобрести Квинтиліана, но вліяніе Римскаго просвѣщенія исчезло подъ владычествомъ Вестготовъ и романтическихъ Арабовъ; туземный *готанго* и новое Кастильское нарѣчіе, присвоивая себѣ столько элементовъ, чуждыхъ Риму, не вспомнили о древнемъ ритмѣ, который, постигнутый во всемъ своемъ достоинствѣ, могъ бы уравнивать рѣшительную склонность къ потѣшнымъ побрякушкамъ рифмы и ассонансовъ. Жители Италіи, коимъ по крайней мѣрѣ отечественная почва всегда напоминала о Римѣ, также не приняли древняго метра, и принять не могли уже по той причинѣ, что Итальянская поэзія зачалась не въ Италіи. Германскія племена, разрушая Римскую Имперію, обезобразивали и Латинскій языкъ; составилось дикое нарѣчіе, неудобное для поэзіи. Въ это время находимъ новое доказательство тому, что житель Юга всего прежде ищетъ въ стихахъ чувственнаго удовольствія: Итальянцы, весьма мало понимая языкъ Провенцаловъ, съ восторгомъ принимали Трубадуровъ и радовались рифмамъ, однимъ *рифмамъ!* — Изъ-за моря носились отголоски Провенцальской поэзіи въ прекрасную Сицилію: *тамъ* зачалась поэзія Итальянская. Если бы *Дантъ* родился однимъ вѣкомъ прежде, то Итальянскій языкъ вѣроятно не удался бы столько отъ Латинскаго и — можетъ быть — не имѣлъ бы рифмы, и, во всякомъ случаѣ, не представлялъ бы такого разительнаго контраста между женскою нѣжностью своей — и важнымъ, возвышеннымъ, пластическимъ духомъ *божественной комедіи*. Дантъ

уже не могъ разрыть твердаго основанія, положеннаго поэтами Сициліи и Тосканы: онъ могъ только достроить зданіе, по данному плану, и отличиться отдѣлкою. Не взирая на то, пышная терцина не могла замѣнить ритма знатоку Древности, знаменитому поклоннику Музъ: Петрарка на Латинскомъ языкѣ писалъ не только эклоги и посланія, но и *Эпопею*. Даже пѣвецъ Декамерона не хотѣлъ сочинить своей эпитафіи на природномъ языкѣ, не хотѣлъ Итальянскимъ стихомъ сказать, что милая *Поэзія* была его умственнымъ занятіемъ (*studium fuit alma poësis*).

Языкъ Французскій, происходящій отъ нарѣчія Сѣверной Франціи — *langue d'oï* — еще гораздо менѣе другихъ романскихъ языковъ могъ обходиться безъ рифмы, ибо онъ устройствомъ своимъ болѣе всѣхъ противится самымъ простымъ метрамъ.

Но рифма завоевала и языки Сѣвера, кои всѣ, кромѣ Польскаго, весьма способны ко всѣмъ Меандрическимъ извивамъ метровъ? И *тамъ* нечего было противопоставить соблазнительному нововведенію, идолу Юга, ибо Сѣверъ никогда не слыхалъ о древнемъ ритмѣ, и не могъ бы уразумѣть его плѣнительныхъ таинствъ, открываемыхъ только на высокой степени просвѣщенія! Увидимъ, какъ Сѣверъ впоследствии поступилъ и еще нынѣ поступаетъ съ рифмою.

Обратимся къ древней Руси. Здѣсь, въ отношеніи къ рифмѣ, представляется ничто замѣчательное.

Русскіе до того любятъ созвучіе, что разрѣшили своему языку всѣ плеоназмы; Русскіе такъ охотно замыкають свои пословицы и поговорки рифмою, но—между тѣмъ — не покорились ей въ своей народной поэзіи! Чѣмъ объяснить это мнимое противорѣчіе? Ужели тѣмъ, что легче слагать пѣсню безъ рифмы, нежели съ рифмою? Но Русскій языкъ такъ богатъ рифмами; онѣ такъ легко даются Русскому народу, когда онъ *острится и балагуритъ*, что не могли бы затруднять слаганія пѣсни, въ которой нѣтъ и силлабическаго порядка. Мы должны глубже искать разрѣшенія этого вопроса, который не только любопытенъ, но и важенъ тѣмъ, что народная Поэзія есть совершенно вѣрное отраженіе самого народа. Если мы докажемъ, что воздержаніе отъ рифмы имѣетъ причину *эстетическую*, то этимъ прибавится прекрасная черта въ умственной физиогноміи Русскаго.

Первобытная Поэзія всѣхъ коренныхъ народовъ, не подверженныхъ чуждому вліянію, была выраженіемъ чистыхъ природныхъ чувствъ и развивалась природнымъ растеніемъ. Природа вѣрна себѣ и чужда всякой искусственности; природа *важна* въ поэтической игрѣ своихъ производительныхъ силъ— и вотъ почему поэзія Евреевъ, Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и древнихъ Скандинавовъ не знала рифмы! Народная Русская Поэзія возникла при Владимірѣ; рапсодіи перваго Бална раздавались на богатырскихъ пирахъ сего солнышка - Князя, и — безо-всякаго сомнѣнія— тѣмъ же размѣромъ, какимъ написано *Слово о Полку*

Игоревъ. Владычество Татаръ и смутныя времена Лжедимитріевъ не имѣли вліянія на нашу народную поэзію — какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ — она осталась свободнымъ растеніемъ отечественной почвы. Но Евреи, Индусы, Греки, Римляне и древніе Скандинавы не звали рифмы; Русскіе жъ издавна ее знали и любили: отъ чего же не подчиняли ей своихъ пѣсень? Отъ того, что считали ее *шуткою*, а шутить не думали своею пѣснею, т. е. священною истиною душевныхъ измѣній. Какъ балабайка и бубны ладятъ только съ веселіемъ Русскимъ, такъ и рифма согласуется только съ краснымъ словцемъ, Русскаго балагура! Справедлива ли такая дешевая оцѣнка рифмы? Мы объ этомъ спросимъ у образованнѣйшихъ народовъ, вдавшихся въ соблазны этой Сирены—и надѣмся получить отвѣтъ утвердительный. Мы тому порадуемся, но не удивимся. Если Русскій народъ, уже во времена грубаго невежества, вѣрнымъ чувствомъ постигнулъ нѣсколько вѣчныхъ истинъ, религіозныхъ и политическихъ, то гораздо скорѣе могъ онъ тѣмъ же смѣтливымъ чувствомъ постигнуть и ту художественную истину, которая столь близка къ природѣ человѣческой. Этотъ заунывный голось, какой обыкновенно слышится въ Русскихъ пѣсняхъ и который есть основный тонъ нашей народной поэзіи, рѣшительно не допускаетъ легкомысленной игры рифмъ. Возьмите одну изъ древнихъ пѣсень, ту, гдѣ раненый воинъ умираетъ среди поля чистаго, на коврѣ, подлѣ огонька; переложите ее въ лучшіе рифмованные сти-

хи и возвратите народу—вы увидите, что уничтожили духъ этой пѣсни: народъ вамъ скажетъ, что рифма имѣетъ въ себѣ нѣчто *шутливое*, и это не-пріятнымъ образомъ мѣшаетъ сердцу предаваться унынію пѣсни. Поклонимся вкусу народному!

Мы очень хорошо знаемъ, что и въ тѣхъ пѣсняхъ, которыхъ содержаніе довольно серіозно, иногда прокрадываются рифмы; иначе и быть не можетъ, потому, что ихъ такое множество въ нашемъ языкѣ. Русское чувство ихъ *терпитъ*, когда видитъ, что это неумышленно, что пѣсня не подчиняется этому условію. Однако замѣтите, что Русскій народный стихъ не получаетъ блеска отъ рифмъ—какъ обыкновенно бываетъ—но скорѣе *затмевается* ею и становится чѣмъ-то низшимъ. Для примѣра возьмемъ одну изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ пѣсень:

Ты, душа моя, красна дѣвица,
 Моя прежняя полюбовница!
 Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ;
 Ты не жги свѣчи воску яраго;
 Ты не жди меня до бѣла свѣта!

Здѣсь нѣтъ рифмы, потому, что говоритъ *истинное* чувство, чистосердечное состраданіе къ существу, прежде любимому, а нынѣ покидаемому. Далѣе:

Ахъ! задумагъ я вѣдь женитися,
 И зашелъ къ тебѣ распоститися,
 За любовь твою поклонитися!

Кто не видитъ, что рифмы придаютъ этому мѣсту совершенно различный характеръ? Кто не видитъ, что здѣсь стыдъ измѣны хочетъ скрывать-ся подъ какою-то принужденною шутливостью, ибо невозможно, чтобы добрый молодецъ не улыбнулся, въ особенности при первомъ изъ этихъ стиховъ. Что измѣнникъ лицемѣритъ и дѣйствительно старается выставить свою женитьбу въ смѣшномъ видѣ, это доказывается *тѣмъ*, чѣмъ онъ, въ продолженіе пѣсни, утѣшаетъ плачущую дѣвицу. Далѣе:

Залюлась дѣвица горячимъ слезамъ,
 Во слезахъ она слово молвила:
 «Размѣняйся, другъ, подарками;
 Ты отдай, отдай мой золотъ перстень;
 Ты возьми, возьми свой булатный ножъ,
 Съ которымъ ты все ко мнѣ ѣзжалъ:
 Ты прози, прози мою буду грудь,
 Распори мое ретиво сердце!»

Посмотрите, съ какою вѣрностью Русскій инстинктъ, подъ вліяніемъ истиннаго и глубокаго чувства, проходитъ по Русскому языку черезъ толпу соблазнительныхъ красавицъ - рифмъ, не задѣвая ни одной!

Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
 «Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
 Не круши себя ты, душа мол!
 Я ходить буду чаще прежняго;
 Я любить стану милѣй стараго!»

Здѣсь опять истинное чувство: молодецъ желалъ бы чѣмъ нибудь уменьшить первую великую боль разлуки, хотя бы это обѣщаніе и было въ обиду его (законной) жены. Со стороны видно, что это притворство: не отецъ его женить — молодецъ не преминулъ бы упомянуть о томъ—онъ *самъ* покидаетъ свою красную дѣвицу, плѣнившись другою!

Прослезилась тутъ красна дѣвица,
 Таково ему слово молвила:
 «Ужъ не грѣть солнцу жарче лѣтняго,
 Не любить другу милѣй прежняго!
 Нигъ женись, женись, добрый молодецъ!
 Объ одномъ тебя прошу бѣдая:
 Не поставь себя въ похваленіе,
 А моей чести въ поврежденіе,
 Для меня что ты долго холостъ былъ!»

Вотъ опять два стиха съ рифмою — а *гдѣ* она встрѣчается? тамъ, гдѣ говорится о *низости*: хвалиться слабостью женщины! Изъ числа тридцати стиховъ *пять* рифмованныхъ — и во всѣхъ пяти стихахъ смыслъ ознаменованъ чѣмъ-то невыгоднымъ! . . . Нашъ выборъ палъ на эту пѣсню единственно по той причинѣ, что она рѣшительно лучшая изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ, и потому можетъ и должна быть представительнымъ типомъ своего рода. Нужно ли доказывать критически, какъ она хороша правдою чувствъ и поэзіи? Объ этомъ лучше всѣхъ знаетъ сердце каждаго! Она имѣетъ не только національное, но и всемірное достоинство *тою* правдою, которая относится ко всѣмъ време-

намъ и ко всѣмъ народамъ : скорбью отверженной любви ! Если бы Русскій языкъ былъ общеизвѣстенъ , эта пѣсня могла бы съ тѣмъ же успѣхомъ быть пропѣта и подъ миртами Италіи , и въ плѣнительныхъ сіеррахъ Испаніи , не взирая на то , что — вмѣсто прекрасной покорности Русской дѣвицы — Итальянка и Испанка отплатили бы за измѣну — ядомъ или кинжаломъ ! Природа такъ чистосердечна въ каждомъ человѣкѣ , что невольно признаемъ достоинство и такой добродѣтели , до которой сами достигнуть не можемъ .

Кромѣ *Слова о Полку Игоревѣ* , еще изъ древнихъ Стихотвореній , собранныхъ Киришю Даниловымъ , видно , до какой степени наша народная поэзія , въ особенности , когда она принимаетъ эпическій характеръ , чуждается рифмы . Считаемъ излишнимъ плодить доказательство тому , что сія послѣдняя ладитъ только съ Русскою шуткою ; мы могли бы указать на пѣсни легкаго и веселаго содержанія , а именно на пѣсню « За моремъ синица » , исполненную созвучій — но читатель , надѣмся , не потребуетъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ .

И такъ Славяне необразованные прежде всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ оцѣнили рифму !

Теперь окинемъ быстрымъ взоромъ Европу , чтобъ дознаться , *гдѣ* рифма еще владычествуетъ спокойно , и *гдѣ* уже явились претенданты на ея волшебный скиптръ . Начнемъ съ дальнѣйшей точки , съ Пиренейскаго полуострова .

Что ни говорите о мужескихъ добродѣтеляхъ Испанскаго народа, о его твердости, важности, самобытности—мы все таки не перестанемъ считать его милымъ, пылкимъ и неразумительнымъ *юношею*, доколѣ будетъ онъ обнаруживать столько фанатизма въ Религіи, столько ревности и мстительности въ любви, столько излишняго пристрастія къ рифмамъ и созвучіямъ въ своей Поэзій. Ужели климать осудилъ его остаться юношею до конца вѣковъ? Это не согласуется съ основнымъ закономъ природы! Климать не имѣеть *такого* сильнаго вліянія на людей: увидимъ, когда коснемся народа, по языку соплеменнаго Испанцамъ! Но климать, долгая война съ Маврами, исторія фанатизма и политическихъ событій, продолжающееся донинѣ броженіе столь различныхъ между собою составныхъ элементовъ сего народа—могли до нашихъ временъ продлить и могутъ еще на нѣсколько вѣковъ отсрочить его юношескій возрастъ. Когда нибудь *созрѣетъ* этотъ народъ! Тогда ясный критическій умъ возстанетъ и начнетъ междоусобную войну съ рифмою, какъ нынѣ воюетъ Донъ Карлосъ съ Христиною. Тогда остынетъ пристрастіе къ созвучіямъ; языкъ соотечественниковъ Квинтилиана, способный ко всѣмъ метрамъ, захочетъ совѣщаться о своихъ *редондиліяхъ* (*redondillas*) съ своимъ умнымъ, любезнымъ родителемъ, съ языкомъ Латинскимъ—и по его благонамѣреннымъ наставленіямъ откажется ото всѣхъ пустозвонныхъ игрушекъ въ Поэзій. Этому примѣру можетъ безпрепятственно послѣдовать и сосѣдъ его, родной ему братъ по романскому происхожденію,

по склонности къ рифмамъ, по способности къ древнимъ метрамъ — языкъ Пѣвца Лузіады! Вотъ отдаленная, возможная будущность; настоящее подвѣстно рифмѣ!

Отъ народа самаго поэтическаго — отъ Испанцевъ — перейдемъ черезъ Пиренейскія горы къ народу самому не поэтическому, какимъ нарекъ его самъ *Вольтеръ* — къ Французамъ! Могучее вліяніе Норманновъ на сѣверную Францію и перевѣсъ ея надъ южною рѣшили навсегда жалкую участь Французскаго стиха. Если бы Хлодовикъ и Гюго Капетъ не сдѣлали Парижа резиденціею Королей, т. е., если бы на рогъ было средоточіе народной жизни — тогда Трубадуры одолѣли бы Труверовъ, языкъ Франціи развился бы изъ романско-провенцальскаго — и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы также способенъ къ просодіи. Но теперь, безъ великой *революціи* въ языкъ — чего ожидать нельзя — нѣтъ возможности исправить стихосложеніе, хотя иногда и мелькаетъ довольно порядочная ямбическая строка. И такъ нѣтъ надежды, чтобы во Франціи когда нибудь минуло царствіе рифмъ? Есть — когда Французская Поэзія откажется отъ *стиха*! И почему бы не отказаться? Фенелонъ написалъ свою *эпопею* прозою; теперь у этого народа и *трагедіи* иногда пишется прозою — нѣтъ ничего плѣнительнѣе Французской прозы, когда слогъ чистъ и возвышенъ! А какъ много терпѣнія требуютъ отъ читателя и лучшіе Французскіе стихи въ большомъ сочиненіи! Французы сами когда нибудь поймутъ эту правду и

согласятся, что ихъ Поэзія, чтобы содѣлаться поэзіею въ истинномъ смыслѣ, прежде всего должна отказаться отъ мишуры и румянъ, которыми ее покрываетъ жеманный стихъ съ своею рифмою. Въ забавной разголосицѣ Французскаго быта слышатся и разсудительные голоса, что доказываетъ начинаніе перехода отъ бурной юности къ лѣтамъ зрѣлаго ума и яснаго спокойствія. Эти достойные люди, которые — къ чести своего народа — противятся пропагандѣ громкой школы Виктора Гюго, сего *тортова стряпцаго* (*avvocato del diavolo*), при канонизаціи искусства будутъ со временемъ проповѣдывать и уничтоженіе стиха, если иначе не можетъ быть изгнано ложное и мишурное въ Поэзіи.

Всемогущее вліяніе климата на людей подвергается сильному сомнѣнію сближеніемъ Римлянъ съ Итальянцами: подъ тѣмъ же небомъ и на той же почвѣ рождался благородный *Квириръ*, и нынѣ рождается гнусный *браво!* Нельзя допустить измѣненія въ климатѣ относительно жару: можетъ ли нынѣшнее Итальянское лѣто быть жарче того зноя, который вдохнулъ Горацию эти стихи:

rabiem Canis et momenta Leonis,
Cum semel accepit solem furibundus acutum!

(т. е. бѣшеная ярость Пса (Сиріуса) и стремительное свирѣпство Льва (созвѣздія), пронзеннаго острымъ Солнцемъ). Климатъ не помѣшаетъ Итальянцамъ возвыситься до нравственнаго величія Римлянъ; климатъ не помѣшалъ одному туземному По-

эту, уже въ концѣ пятнадцатаго вѣка, уразумѣть излишество, рифмы и противъ нея свидѣтельствовать большими, въ свое время славными произведеніями. *Трессино*, современникъ Аріоста, первый написалъ свою трагедію: *Софонизба*, въ бѣлыхъ силлабическихкихъ стихахъ; въ такихъ же стихахъ и національную эпопею: *Italia liberata dai Goti*. Еслибъ онъ имѣлъ болѣе творчества, болѣе силы и оригинальности — или — если бы по крайней мѣрѣ не держался такъ строго Аристотелевыхъ правилъ, то — можетъ бытъ — поколебалъ бы царствіе рифмы въ Итальянской Поэзіи; но умъ и ученость у него перевѣсили поэтическое дарованіе; власть его слога не могла поддержать его перваго успѣха. Не взирая на то, Аннибаль Каро, Сальвини и Маркетти дерзнули бѣлымъ же стихомъ перевести *Виргилія*, *Гомера* и *Лукреція* — и переводы понравились ихъ соотечественникамъ. Нынѣ у нихъ и драматическія пьесы пишутся безъ рифмы; но бѣлый силлабическій стихъ, какъ бы ни былъ хорошъ и богатъ поэзіею, никогда не уничтожить рифмы: это можетъ только усовершенствованный ритмъ! и потому очень важна попытка поэтовъ, каковы *Ролли*, *Джилли* (*Gigli*) etc., кои ввели въ свой языкъ гекзаметры, пентаметры, *Фалеційскіе*, *Сафическіе* и другіе стихи — и этимъ доказали, что Итальянскій языкъ можетъ быть обработанъ для всѣхъ древнихъ метровъ. Отсюда грозитъ опасность рифмѣ, когда народъ перейдетъ въ другой возрастъ.

То, что въ Италиі есть едва замѣтный зародышъ, представляется въ полномъ развитіи у Сѣверныхъ народовъ. Англичане и Германцы вытѣснили рифму изъ важнѣйшихъ областей Поэзіи, а тамъ, гдѣ еще терпятъ ее, прежняя властительница сдѣлалась простою гражданкою. Если лирическая Поэзія еще причисляетъ ее къ лику своихъ Музъ; то изъ первой она низведена въ послѣднюю, подъ яркою дымкою которой уже не можетъ прятаться бѣдность стиха. Тотъ народъ, который глубже всѣхъ постигнулъ классическую древность и таинство ритма, народъ Германскій, лучше всѣхъ долженствовалъ уразумѣть пустоту рифмы, даже въ одахъ и пѣсняхъ, гдѣ она еще имѣетъ мѣсто. Величайшій изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ, *Клопштокъ*, ее отвергнулъ; могла ли бы она существовать, при этой сжатости, при этомъ богатствѣ, при этой возвышенности мыслей? Свидѣтельство его одъ *противъ* рифмы сильнѣе и убѣдительнѣе, нежели звучный хоръ свидѣтельствъ цѣлаго Юга въ ея пользу! Англійская и Германская Публика ея уже не спрашиваетъ, когда ея нѣтъ въ стихахъ: это вѣрный признакъ, что скоро наступитъ время, когда присутствіе рифмы будетъ *лишьятъ* въ Англии и въ Германіи.

Возвратимся на родину. Мы говорили о нашей народной Поэзіи; теперь поговоримъ о Поэзіи нашего просвѣщеннаго общества, въ отношеніи къ рифмѣ. Сіе общество, могучимъ Геніемъ *Петра* отторгнутое отъ народнаго быта и посвященное въ образованность Европейскую, по стремительному

пути нововведеній обронило много *Русскаго*, въ томъ числѣ и вѣрную Русскую оцѣнку рифмы. Она изъ Польши вкралась въ Москву. Кантемиръ, родомъ не Русскій, привилъ ее нашей поэзи. Ломоносовъ, этотъ *Петръ* нашей словесности, совершилъ исполинскій подвигъ установленіемъ истинной версификаціи намѣсто ложной. Могъ ли онъ совершить болѣе при обстоятельствахъ, въ какихъ находился? Марбургъ и тогдашняя Нѣмецкая литература не могли навести его на то, что онъ всего скорѣе могъ бы узнать отъ Русскаго простолюдина; а въ послѣдствіи Петербургъ, Академія и самый духъ времени въ Россіи, устремленный на Европу и неблагопріятно для народности — все это держало Ломоносова вдали отъ народной поэзи. Онъ у насъ нашель только женскую рифму, сочеталъ ее съ мужескою, допустилъ также скользящую (дактилическую), имъ называемую *тригласную*, и сію послѣднюю потому, что она существуетъ въ Итальянскихъ стихахъ. До какой степени онъ долженствовалъ быть чуждымъ нашей народности, ежели при этомъ случаѣ не вспомнилъ, что дактилическое окончаніе есть самое *Русское!* Разсуждая о томъ, какимъ образомъ Овидій писалъ стихи на туземномъ языкѣ въ Томахъ — если дѣйствительно писалъ, какъ утверждалъ знаменитый изгнанникъ въ одной элегіи изъ Понта — Ломоносовъ составилъ два гекзаметра и два пентаметра, это — кажется — единственные его стихи безъ рифмы. Сумароковъ, Державинъ etc: утвердили ея владычество. Но изрѣдка появлялись и бѣлые стихи и даже нѣкоторые древніе размѣры.

У самого Державина есть уже много пьесъ безъ рифмъ: укажемъ на Оду *Н. А. Львову*, гдѣ дышитъ нѣчто Гораціанское; на *Дѣву за арфою*, гдѣ слышатся Шиллеровскіе звуки; на *Провидѣніе*, гдѣ весь *Державинъ* самъ, со всѣми своими отличительными признаками. Этимъ тремъ пьесамъ для совершенства не достаетъ только того, чего не доставало самому автору — гениальному Скнеу — и вообще первому періоду нашей словесности, т. е., дѣрнаго чувства и тонкаго вкуса, обрѣтаемыхъ на послѣдней степени умственнаго образованія писателя. Этотъ недостатокъ со временемъ будетъ весьма ощутителенъ и уменьшитъ толпу приверженцевъ нашей старой школы.

И такъ уже въ первомъ столѣтіи Русскаго Европеизма, ознаменованномъ почти чудеснымъ успѣхомъ государственнымъ, наши поэты начинали сомнѣваться въ необходимости рифмы; но эти рѣдкія попытки не могли отнять у нея ни пяди земли. Первый счастливый приступъ на одинъ изъ крѣпчайшихъ пунктовъ ея крѣпкой позиціи, на лиризмъ, повелъ *В. А. Жуковский* своею прекрасною элегіею: «О Нина, о Нина etc.» Онъ первый заставилъ нашу публику восхищаться и твердить наизусть довольно большую пьесу, написанную бѣлыми стихами — *такую* публику, которая уже давно вдалась въ слѣпое пристрастіе къ рифмѣ и, по сіе время, не любитъ того, гдѣ нѣтъ этой игрушки. Какой трудный, какой прекрасный тріумфъ поэта! Онъ же переводомъ Орлеанской Дѣвы отнялъ у рифмы и поле драмы.

Гипсидиа и *Баронъ Дельвицъ* заняли долину идиллин отличались на разныхъ пунктахъ. Замѣчательно, что тотъ поэтъ, который — по свойству своего гения — довольно далекъ отъ духа народнаго — *Жуковский* (знаемъ, что онъ пѣвецъ Свѣтланы) — теперь болѣе всѣхъ совпадаетъ съ чувствомъ Русскаго народа относительно рифмы: онъ отъ нея рѣшительно отложился! Другіе же поэты ставятъ щегъ противъ нея не совсѣмъ чистосердечно, иные изъ стараго къ ней пристрастія, иные отъ того, что она сильна во мнѣніи читателей. Она еще не проиграла битвы, но уже вытѣснена изъ своей крѣпкой позиціи—и это весьма важный для нея уровень, котораго не замѣняетъ пристрастіе публики. Въ столь непродолжительный періодъ просвѣщенія нельзя требовать, чтобъ масса читателей стояла на одной степени образованности съ авторами, и чтобы единственною между ними разницею былъ только словесный даръ сихъ послѣднихъ. Тотъ, кому нравится большое—разумѣется *хорошев* — стихотвореніе безъ рифмъ, этимъ доказываетъ, что онъ любить поэзію для одной поэзіи, и цѣлою головою превышаетъ современную толпу. Ихъ весьма не много! Какое изъ произведеній *Пушкина* можетъ сравниться съ его Борисомъ Годуновымъ — но успѣхъ этой пьесы далеко не соответствовалъ успѣху его поэмъ! Велико ли число поклонниковъ милаго, незабвеннаго *Дельвига*? Развѣ не слышимъ любовнаго ропота публики на *Жуковскаго* за то, что онъ оставилъ рифму? Мы не думаемъ бранить этого пристрастія, ибо оно необходимо связано съ

нарушеніемъ того порядка, по которому *Іоаннъ III* указаль вести Россію къ величію, ей назначенному Провидѣніемъ. Безсмертный *Петръ* долженъ былъ отмѣнить этотъ порядокъ, для скорѣйшаго развитія физическихъ силъ государства, предоставивъ своимъ преемникамъ въ надлежащее время отозвать назадъ изъ Европы умственную жизнь Россіи и сосредоточить ее въ безконечной полнотѣ народнаго духа. Ежели неоспоримо правда, что Русское просвѣщеніе, для истиннаго блага и лучшаго прославленія Россіи, должно и будетъ развиваться *не* изъ элементовъ Европейскихъ, но изъ величественныхъ стихій нашей народной жизни, то и любимая публикою рифма, несогласная съ основнымъ тономъ Русскаго чувства, должна рѣшительно проиграть битву на поляхъ нашей словесности — и скорѣе у насъ, нежели у какого либо народа.

Авторъ этой статьи признается, что онъ раздѣляетъ съ публикою пристрастіе къ рифмѣ — и этимъ гораздо виновнѣе, нежели многіе другіе, ибо онъ былъ воспитанъ на древнихъ метрахъ, и первые его стихи были Латинскіе гекзаметры и Сафическія строфы. Не взирая на то, что онъ здѣсь сказалъ противъ рифмы, онъ все еще находитъ ее милою очаровательницею, и этою статьею привязываетъ себя къ мачтѣ разума, чтобы не поддаваться Сиренамъ. Изъ критическаго розысканія явствуется, что прелесть рифмы есть *обманъ*, оболъстившій человечество въ его дѣтствѣ и уквѣпившійся давностью многихъ столѣтій — сказка нянюшки, плѣвившая ма-

лотку и милая ему еще въ зрѣломъ возрастѣ. Умъ есть наставникъ сердца, которое, безъ него, можетъ заблудиться до невѣроятной степени: вспомните о народахъ, кои убиваютъ своихъ родителей для того, чтобы снѣ послѣднѣе не томилась дряхлостью! Мы должны вѣрить уму; мы, въ этомъ случаѣ, можемъ ему повѣрить тѣмъ скорѣе, что убѣждены въ чистотѣ его намѣреній, ибо онъ воюетъ противъ собственной своей склонности, разрѣшая современный Европейскій вопросъ о рифмѣ: быть ли ей, или не быть!

Въ наше время, въ Россіи, насмѣшкою, эпиграмною и сатирою доказываютъ уснѣшнѣе, нежели серьезнымъ критическимъ разсужденіемъ. Небольшаго требовалось бы остроумія, чтобы выставить и рифму въ самомъ смѣшномъ видѣ. Стоило бы только возвратиться къ ея началу и, напомнивъ, что Арабы, первые, писывали свои коротенькія оды на *одну* рифму, спросить: у кого Арабы могли заимствовать подобное употребленіе рифмы? У Природы! но у *какой* природы? у *Кукушки*, которая точно такъ, какъ и они, поетъ свою коротенькую оду на *одну* рифму! Этотъ инстинктъ Кукушки былъ примѣняемъ къ звукамъ человѣческаго слова, развился подъ волшебнымъ вліяніемъ Поэзіи — и вотъ вамъ *рифма*—звучащая тѣнь, фигура безъ содержанія, безъ духовнаго тѣла!

Какъ ни забавно *такое* доказательство, но въ немъ все таки заключается болѣе истины, нежели

въ подобныхъ ему доказательствахъ нѣкоторыхъ судей нашей Словесности.

Человѣчество идетъ впередъ — и кинетъ всѣ побрякушки, коими забавлялось въ незрѣломъ возрастѣ. Дальнѣйшее потомство прочтетъ рифмованные стихи съ тѣмъ же неодобреніемъ, съ какимъ мы читаемъ гекзаметры *Леона*. Последнимъ убѣжищемъ рифмы будетъ *застольная пѣсня*, или на-вѣрное—*даискій альбомъ!*

Баронъ Розенъ

ДОЛИНА АЖИТУГАЙ.

За Кубанью 3 Июня 1854.

До восхожденія солнца я оставилъ гостепріимный кровъ моего хозяина и торопился въѣхать на высоту, гордо возвышающуюся надъ долиной, которую я собирался покинуть. Желая укоротить путь свой, я не повѣхалъ по большой дорогѣ, а повернуть влѣво на тропинку, извившуюся змѣей по разноцвѣтной стѣнѣ утеса: усѣянная пестрыми камешками, эта тропинка была привлекательна и вмѣстѣ съ тѣмъ вела на страшный утесъ, какъ бы заманивая любопытнаго въ свои сѣти. Сердце звало меня выше и выше; мнѣ хотѣлось однимъ взглядомъ окинуть родную природу и безъ перерывовъ, безъ всякой послѣдовательности, разомъ, въ одно мгновеніе воскресить цѣлые годы минувшаго. Я въѣхалъ на гору, и тутъ всѣ воспоминанія о прошедшемъ дружно столпились предо мною. Мысли летѣли къ давно минувшимъ годамъ моего безпечнаго дѣтства, и я долго не могъ обратиться къ че-

му нибудь новому, будучи увѣренъ, что глаза мои не встрѣтятъ ничего подобнаго, и ничто такъ радостно не могло завлечь меня, какъ прошедшіе годы молодости. Я долго, долго предавался подобнымъ размышленіямъ: мнѣ казалось, что природа, давно мною покинутая вѣлніемъ судьбы, радостно улыбалась моему возврату—и слеза благодарности брызнула изъ глазъ, очарованныхъ видомъ родныхъ мѣстъ.

Все звало меня къ прежнимъ забавамъ юношества: тамъ стоитъ березка, подлѣ которой виднѣются слѣды разрушенія давно покинутаго мною крова, гдѣ послѣ усталости отъ рѣзвыхъ забавъ я охотно кидался въ объятія упоительнаго сна, не подумавъ ни о чемъ другомъ, какъ только встать, и снова пуститься на ловлю радости—которую такъ богаты первые годы нашей жизни.

Тамъ зеленые бугры пестрѣли цвѣтами, и посреди ихъ возвышался курганъ, покрытый сѣдинами, какъ дѣдъ между внучатами: онъ напомнилъ мнѣ, какъ бывало я игралъ тутъ скатываясь и взбѣгая на него, какъ легкая серна.

Холодный Акужъ * волновалъ надо мной обширную долину, и зеленыл травы, испещренные цвѣтами, какъ будто склонялись послѣ сва на утренній поцѣлуй другъ къ другу. И тамъ, повсюду воспо-

* Утренній вѣтеръ, который дуетъ по теченію рѣкъ въ ущельяхъ.

мнѣнія толпились въ моей памяти; туда тоже надобно было бросить взоръ и пожертвовать нѣсколькими слезинками умиленія.

Долина Ажитугай начала усѣиваться стадами на ней разкинутыхъ ауловъ: путники пересѣкали ее вдоль и поперекъ, буйныя толпы молодежи — конные и пѣшіе — забавлялись стрѣльбою; дѣти на коняхъ скакали, перегоня другъ друга; вездѣ и все на ней дышало радостію; вездѣ были слышны по прежнему восторги безопасности, а я одинъ только на ней не находилъ забавъ прежнихъ дней, забывъ, что онъ умчался невозвратно.

Подъ моими ногами быстро катился Нижигъ съ высокими волнами, которыя поднимаются и падаютъ, какъ нѣжная грудь красавицы, волнуемалъ страстію любви, или самолюбіемъ, обиженнымъ измѣною. Въ прежнія времена берега ея были усѣяны вѣтвистыми деревьями лѣсовъ, въ тѣни которыхъ купался я въ жаркій день лѣта, играя ея прозрачными волнами.

Я очнулся отъ забывчивости. Давно взошедшее солнце, казалось, снова восходило на горизонтѣ: оно было закрыто отъ моихъ взоровъ горою Ару-кизъ; и лучи его, восходя постепенно надъ громадой, скоро засіяли надъ гордою красавицей береговъ Кубани.

Прелестная дѣва; почему эта безобразная гора получила такое названіе, неизвѣстно.

Къ сѣверу за Кубанью разстилается роскошная долина, усѣянная жатвами и бакчами * казачьихъ станицъ Невинно-мыской и Барсуктцкой. Эта равнина начинается отъ горы Ару-кизь, названной Русскими Невинною и оканчивается у станицы Погорьловской, въ разстояніи до пятидесяти верстъ другъ отъ друга, гладкой хоть шаромъ покати, какъ говорится, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ непримѣчательными возвышеніями, посреди которыхъ поднимается высокій бугоръ дурткуль, т. е. четырехугольной—въ видѣ дома. Равнина отъ юга къ сѣверу окружена не высокими хребтомъ горъ, и между ними возвышается гора Жегерликъ, покрытая съ сѣвера дремучимъ лѣсомъ, а съ юга и запада роскошною травою. На этой высотѣ чуть бѣлѣется тюрьма Темно-Лѣсной крѣпости—гроза хищныхъ Черкесъ; упираясь съ запада въ утѣсистые, высокіе берега Кубани, эта долина чрезвычайно обманчива: смотришь и не вѣришь глазамъ своимъ, потому что при малѣйшемъ вѣтрѣ она кажется зеленымъ волнующимся моремъ; и тутъ то въ 1813 году была кровопролитная битва между Горцами и Русскими. Поверхность утеса, съ котораго я смотрѣлъ на окружающіе меня предметы, также равнина, только гораздо обширнѣе, выше описанныхъ. Эта равнина, называемая туземцами Казма, начиная съ востока отъ устья Нижига, или отъ Ажитугай, идетъ къ западу къ рѣкѣ

*. Бакча по Татарски огородъ, а въ Южной Россіи называютъ такъ огороды дальніе, въ которыхъ посажены арбузы и дыни.

Урупъ , по прямой линіи, и простирается къ сѣверу слишкомъ на сто верстъ , не будучи ничѣмъ пересѣкаема. Какъ всегдашнее пастбище для овецъ почти всѣхъ Закубанцевъ, она во всякое время дышетъ жизнью , покрытая богатыми стадами , табунами и охотниками; на ней столько же дикихъ козъ, сколько ручныхъ и другихъ звѣрей , особенно волковъ и лисицъ ; въ этотъ разъ я ничего не нашелъ на ней замѣчательнаго : — только видны были печальныя слѣдствія губительной войны.

Солнце высоко сіяло надъ моею головою! Мнѣ нужно было пуститься въ путь, и я простился съ великолѣпной природой! Надежда утѣшала меня въ этой разлукѣ — и я, пожелавъ плѣнительнымъ равнинамъ Ажитугай и Казма быть лучше и лучше, поѣхалъ далѣе.

Проѣхавъ тридцать верстъ , я , признаюсь , замечтался , такъ , что и не замѣтилъ этого разстоянія. Все и все говорило мнѣ о дикой и воинственной жизни здѣшнихъ обитателей — и какъ странно попасть вдругъ въ подобныя мѣста прямо изъ Столицы; видѣть вмѣсто правильныхъ улицъ необъятныя степи и вмѣсто щегольскихъ экипажей какого нибудь удалаго Горца съ своимъ вѣрнымъ конемъ. Да! и моему не Европейскому уму представилась эта странная, мятежная жизнь, и мнѣ пришли въ голову теоріи образованія народовъ , о которыхъ такъ много толкуютъ и толковали.

Странно! давно-ли я самъ вихремъ носился на конѣ въ этомъ разгульномъ краю, а теперь готовъ представить тысячу плановъ для его образованія. Но это дѣло не наше, и намъ остается только желать лучшаго — что будетъ, то будетъ, а моимъ спутникамъ, вѣсѣмъ не до теорій: они запрыгали при видѣ ночлега, а я какъ будто упалъ съ неба: очнувшись, я бросилъ усталый взоръ мой въ даль и вдругъ увидѣлъ новое зрѣлище, которое совершенно поразило меня; думалъ ли я, десять лѣтъ тому назадъ, видѣть на этомъ мѣстѣ Русское укрѣпленіе и имѣть ночлегъ у людей, которымъ я грозилъ враждою, бывши еще дитятею. Всѣ воинскіе приемы, къ которымъ я принаравливался во время скачекъ на этомъ полѣ, всегда были примѣромъ нападенія на Русскихъ, а теперь я самъ стою на немъ Русскимъ офицеромъ.

Прекрасный Іюньскій вечеръ очаровалъ мои взоры, и чувства снова возвратились къ природѣ. Последніе лучи дневнаго свѣтила спорили съ сіяніемъ Русскаго штыка, какъ будто желая помрачить его побѣдоносную славу. Трехгранный булатъ словно вспомнилъ слова великаго своего вождя: пуля дура, а штыкъ молодецъ, и какъ бы увѣренный въ справедливости его словъ и въ безсмертности своей славы, гордо сверкалъ предъ потухающими лучами. Наконецъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, онъ побѣдилъ соперника. Солнце нисходя скрылось за горою; а штыкъ все еще свѣтился

предъ моими глазами; но оно спряталось только отъ моихъ взоровъ, не сводя впрочемъ своихъ пламенныхъ лучей съ вершинъ снѣжныхъ громадъ величественной природы очаровательнаго Кавказа, которыхъ дѣвственные снѣга, какъ-бы пристыженные нескромными лучами, загорѣлись румянцемъ блистательнаго заката. Очарованный прелестными картинами моей дикой родины, съ которою давно не видался, я невольно и въ совершенной забывчивости смотрѣлъ на нее: такъ заманчиво и разнообразно она стояла предо мною; я едва вѣрилъ глазамъ, что я на Кавказѣ; мнѣ казалось, будто сижу въ креслахъ Петербургскаго театра, увлекаясь прелестными декораціями волшебной оперы; но кто видѣлъ великолѣпіе природы, тотъ не захочетъ смотреть на рабское подражаніе искусства.

Наконецъ мы добрались до крѣпости Ярсуканской и, встрѣтивъ тамъ стараго товарища, я расположился-было у него на отдыхъ, но не тутъ-то было! Кто бывалъ въ этихъ мѣстахъ, тотъ знаетъ, что лучше спать подъ открытымъ небомъ, нежели въ душныхъ землянкахъ, изобилующихъ всеми родами насѣкомыхъ. И такъ мы рѣшились заснуть попоходному — въ чистомъ полѣ. Завернувшись въ бурки, мы вышли за порогъ землянки, и прохладной тихой вѣтеръ повѣялъ на насъ легкимъ крыломъ своимъ. Цѣлые два дня я восхищался великолѣпіемъ здѣшней природы, питая себя воспоминаніемъ о прошедшемъ; но день Кавказа ничего не значитъ предъ ночью — такъ упительна она здѣсь

своимъ легкимъ сумракомъ, прохладою и таинственною тишиною.

Ночь была тиха и тепла. Я попросилъ товарища отправиться со мною на рѣку купаться, и шумъ этой рѣки, казалось, звалъ меня на старинную бесѣду, и я бѣжалъ къ ней, какъ будто и въ волнахъ тоже живеть воспоминанье. Мы вооружились какъ на бой, ибо здѣсь всегда удовольствіе выкупается опасностью; за то всякая бездѣлка радуеть васъ, какъ нельзя болѣе. Съ нами было еще двое людей и два вооруженныхъ солдата въ конвоѣ, потому что опасность и ночь заставляеть мелкихъ людей не краснѣя окружать себя великолѣпною свитою: и по чему же не такъ, кто не пользуется случаемъ? да при томъ я вѣдь первое лице въ этой крѣпости. Какъ угодно называйте, хоть скажите, что на безрыбьѣ и ракъ рыба, однако я все-таки первое лице въ этомъ закоулкѣ. Безопасный пріютъ, стѣна крѣпости, осталась за нами—а впереди, можетъ быть, насъ ждала опасность; но не смотря на это, мы пошли къ рѣкѣ.

Мѣсяцъ освѣщаль всю равнину. Вдали чернѣлся лѣсъ и посреди ночной мглы казался онъ какъ будто черная туча въ ясный полдень, и тутъ между деревьями блестяли волны Нижига, осеребренныя луною. Надъ ними гордо возвышался угрюмый Ярсуканъ, усѣянный гранитами скалъ и одѣтый въ зеленую, бархатную мантию душистыхъ травъ. Эта угрюмая гора, всегдашній пріютъ вѣтра

и грозы, какъ ревнивый евнухъ Гарема, нахмурясь глядитъ на долины, усѣянняя цвѣтами, защищая ихъ отъ зноя своею угрюмою тѣнью.

Мы спускались внизъ къ рѣкѣ по утесу, который не такъ высокъ, но по которому однако трудно спускаться, ибо на тропинкѣ его лежатъ довольно большіе камни и по сторонамъ растутъ густые терновые кусты, мимо которыхъ нужно пробираться осторожно, а не то, при первомъ лишнемъ шагѣ въ сторону отъ тропинки, какъ разъ зацѣпишься за крючковатые сучья и не скоро выпутаешься словно изъ когтей медвѣдя.

Мы спустились внизъ. Лѣсъ на этомъ мѣстѣ раздѣленъ надвое самою природою, въ разстояніи не болѣе, какъ сорока сажень, и это раздѣленіе еще увеличиваетъ прелесть картины: отсюда рѣка въ полуверстѣ показывается вамъ радугою посреди черной тучи.

Мы пришли къ рѣкѣ, и здѣсь посреди лѣса образуется маленькая, круглая площадка, усыпанная пескомъ и мелкими камнями, и съ нея только вы можете видѣть рѣку! Взоръ обманывается при видѣ быстро текущей струи съ высокими волнами, какъ будто она не имѣетъ далѣе ни начала, ни конца, исчезающихъ отъ любопытнаго взора въ мракъ ночи и въ темнотѣ лѣса. Рѣка изливается изъ чащи, и потомъ, наполняя свои берега прозрачными волнами, она исчезаетъ изъ вида, какъ будто поглощенная пастью чудовища.

Съ противнаго берега тѣни деревьевъ , какъ утомленные великаны въ бою , ложились на гибкія волны рѣки и , казалось , дышали жизнью , то подымаясь , то падая вмѣстѣ съ волнами. Тихій вѣтеръ нагонялъ на мѣсяцъ легкія облака , сквозь которыя онъ казался робкой красавицею , идущею подъ дымчатою фатой въ первый разъ на преступное свиданіе къ любовнику. Мы уже были у берега. Я одинъ раздѣлся и , устремивъ умильно глаза къ небу , благодарилъ за возвращеніе меня къ роднымъ берегамъ. Въ одно и то же время мѣсяцъ плавалъ въ облакахъ и въ струяхъ рѣчки; но я , оставивъ мѣсяцъ на небѣ , ловилъ его въ волнахъ какъ дитя. Я былъ счастливъ. Я вспомнилъ беззаботные годы дѣтства и радостно кунался , забывъ и тревоги жизни и усталость и цѣлый міръ. Пусть другіе бесѣдуютъ съ бурными волнами морей , пусть взоръ ихъ блуждаетъ въ неизмѣримой поверхности океановъ ; я бесѣдую со стройно текущими волнами знакомыхъ береговъ , гдѣ все для меня дышетъ воспоминаніемъ ; гдѣ я , единственный отрокъ нѣжной матери моей , вкушалъ блаженство любви и сердечныя ласки на груди родной. Тутъ я росъ надеждой для вдовы безутѣшной и тутъ же простился съ нѣгой безпечной моей юности. Да! эта рѣка мнѣ родная , а тамъ въ долинѣ каждый курганъ , усѣянный благоухающими цвѣтами , зоветъ меня на бесѣду послѣ долгой разлуки. Здѣсь все понятно для моей души: шумъ рѣки , вой вѣтра , лепетъ листовъ , шорохъ кустовъ и угрюмый видъ бесплодныхъ скалъ. Бесѣда моя съ окружающею природою была восхитительна. Но я

уже сидѣлъ у берега подъ буркою, всасывая въ себя дымъ трубки и благовонный запахъ Американскаго табаку, который наполнялъ собою упонительный воздухъ. Есть минуты, въ которыя воображеніе человѣка летитъ на все пространство, ему доступное. Душа въ это время желаетъ чего-то непонятнаго, чего-то возвышеннаго, такъ, что слабая природа человѣка не въ состояніи удерживать стремленія души: и такъ, Богъ вѣсть, куда не доходили мои мысли, гдѣ и съ кѣмъ не бесѣдовало мое воображеніе? Утомленный я сидѣлъ у берега, прислушиваясь къ печальному шуму рѣки: казалось, она понимала разстройство моего существа. Я утиралъ съ лица катящіяся струи — но онѣ не были изъ прохладныхъ водъ рѣки, онѣ были теплы и горьки. Товарищъ мой сидѣлъ подлѣ меня, потупивъ взоръ въ землю. Онъ не былъ въ рѣкѣ со мною, однако глаза его были влажны. Можетъ быть, ему была завидна моя участь. Конечно! его мечты были на берегахъ Днѣпра! Можетъ, онъ полный надежды, мнилъ уже быть вмѣстѣ съ любимницею своей мысли. Казалось, будто рѣка шептала мнѣ: о какъ чуденъ ты, человѣкъ! Бесѣда съ знакомою природой сей часъ выжимаетъ изъ очей слезу; но ты измѣнилъ ей. Тамъ, недалеко, ждутъ тебя родныя объятія, а мечты твои бродятъ на чужихъ берегахъ, душа твоя живетъ въ чужой землѣ. Наконецъ вотъ и утро. Свѣжій вѣтеръ, казалось, придавливалъ насъ крыломъ своимъ къ нашей нероскошной постели, такъ, что каждому изъ насъ хотѣлось, чтобы удвоилась тяжесть нашихъ покрывалъ. Я изъ-подъ бур-

ки моей украдкою смотрѣлъ на восхожденіе солнца, которое давно уже поднялось съ горизонта, но впутавшись въ густые туманы Ярсукана, скрывалось отъ моихъ взоровъ. Туманъ рѣдѣлъ, и вотъ свѣтило дня распустило свои радужныя вѣтви на природу, увлажненную росой, наконецъ, увеличиваясь больше и больше, солнце, казалось, прожигало бѣлыя облака тумана, и вотъ оно скоро блистательно покатилося по свѣтлой лазури. Скоро оно поднялось высоко надъ горою, а угрюмая вершина еще не хотѣла скинуть своего бѣлаго утренняго покрывала изъ тумановъ.

Наконецъ я поѣхалъ далѣе. Къ югу отъ меня разстилалась долина, и по ней пыльной полосой вилась дорога, по которой я ѣхалъ; съ правой стороны видѣлись вдали лѣса на верховьяхъ рѣкъ Урпа, Гегела и Лабе; слѣва тянулся хребетъ небольшихъ горъ, возвышаясь уступами къ югу къ снѣговымъ горамъ выше и выше. Я оглянулся и увидѣлъ знакомый мнѣ гранитный столбъ вышиною двѣ съ половиною сажени. Сердце встрепенулось при видѣ безчувственнаго свидѣтеля прошлаго, и благородный конь мой, казалось, узналъ мои мысли. Быстро, быстро несся скакунъ мой, какъ будто узналъ мое желаніе бесѣдовать безъ свидѣтелей съ безотвѣтнымъ гранитомъ, но также отторгнутымъ какъ и я отъ круга семьи и поставленнымъ на чужой долинь, съ которой онъ взиралъ издали на угрюмыя скалы.

Конь мой наскочилъ на холмикъ, гдѣ прикованъ былъ великанъ гранитный, и тутъ я слѣзъ, чтобы поближе посмотрѣть на стараго знакома. Безобразный старикъ стоялъ угрюмо, нагнувшись къ западу, Богъ знаетъ, для какой причины. Его мрачное чело было осѣнено грубо - изсѣченнымъ крестомъ, этою хоругвию Европы и просвѣщенія, что прежде казалось мнѣ гербомъ какой нибудь древней фамилии Кавказа, скрытой на холмѣ подъ этимъ гранитомъ. Можетъ быть, это знакъ торжества вѣры, или побѣды; можетъ быть, этотъ столбъ видѣлъ много и много; и не здѣсь ли проходили разрушители древняго міра, неся съ собою грозу на Римъ съ своими страшными вождями. Да, Кавказъ былъ порогомъ Европы, и, можетъ быть, этотъ гранитъ видѣлъ толпы Гунновъ, Маджаровъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Турокъ и другихъ незваныхъ гостей древняго міра. Напрасно! Этотъ гранитъ безотвѣтенъ, и рука челоуѣка не вырѣзала на немъ никакой надписи, поставивъ его въ этой пустынѣ таинственнымъ и молчаливымъ знакомъ чего-то. Да, Кишикъ - Силь *, ты стоишь чѣмъ-то непонятнымъ въ этой пустынѣ, и время и бури напрасно гложутъ тебя, стараго великана, но подожди! придетъ и твоя пора: ты въ свою очередь падешь, и свирѣпый вѣтеръ бешъ-тау ** разнесетъ твой песокъ по пустынѣ! Пусть другіе минуютъ тебя здѣсь, не почтивъ ни

* *Кишикъ* по Татарски значить кривой, а *силь* статуя.

** *Бешъ-тау*, пять горъ, гдѣ городъ Пятигорскъ. Восточный вѣтеръ, который дуетъ со стороны этихъ горъ, называется Закубанцами бешъ-тау-жъ, то есть, вѣтромъ пяти горъ.

словомъ, ни взглядомъ, но я люблю тебя какъ роднаго. И не здѣсь ли, не подъ тѣнью-ли этаго гранита, я любилъ, будучи еще ребенкомъ, помечтать на просторѣ? Да, я помню день, когда черныя тучи, нагоняемыя вѣтромъ, летѣли къ Ярсукану, когда этотъ вѣтеръ страшно вылъ въ ущельяхъ, волны Нижига затопляли берега, и ослѣпительная молнія, разрѣзая тучи, падала стрѣлами внизъ, и потомъ громъ страшно гремѣлъ въ пустынь, я сидѣлъ тогда у твоего подножія, я смотрѣлъ на ужасы природы, и мнѣ казалось, что и въ буряхъ есть какое-то наслажденіе. Да, съ тѣхъ поръ я люблю бурю, люблю разгнѣванную природу, люблю ее, угрюмую, безъ прикрасъ человѣка, и вѣрю поэту, что

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ ;

Есть радость на песчаномъ брегѣ ;

И есть гармонія въ семь говоръ валовъ,

Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.

Да, Кавказъ! твои дни и ночи, твои бури, твоя пышная зелень равнинъ и заоблачный снѣгъ твоихъ горъ дышутъ чѣмъ-то потрясающимъ. Все и все здѣсь поражаетъ сердце, и поэту не надобно идти далеко; самый этотъ гранитъ рано, или поздно найдетъ себѣ пѣвца въ будущихъ обитателяхъ Кавказа. Можно сказать даже навѣрное, что самое настроеніе народнаго духа ручается за поэтическое развитіе племенъ Кавказа, и древнія пѣсни его, и бродящія егегояки *, все это не безъ достоинства, относительно мыслей и силы. Однакожь, что будетъ,

* Черкескіе барды.

то будетъ, а таинственный этотъ гранить увлекъ меня слишкомъ далеко. Наконецъ пришла пора и съ этимъ старикомъ проститься. Вскочивъ въ сѣдло, я поворотилъ круто коня, и скоро пыль занесла слѣдъ мой.

СУЛТАНЪ КАЗЫ-ГИРЕЙ *.

* Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій близи роскошную образованность, остался вѣрнѣ привычкамъ и предался наследственному, какъ Русской офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ наконецъ Магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, *эту хоругвь Европы и просвѣщенія.*

Издатель.

КОЛЯСКА.

ПОВѢСТЬ.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ , когда началъ въ немъ стоять * * * Кавалерійскій полкъ. А до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда бывало проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазанные домики , которые смотрять на улицу до невѣроятности кисло , то ... не возможно выразить , что дѣлается тогда на сердцѣ : тоска такая , какъ будто бы или проигрался , или отпустилъ не-кстати какую нибудь глупость , однимъ словомъ : не хорошо. Глина на нихъ обвалилась отъ дождя , и стѣны вмѣсто бѣлыхъ сдѣлались пѣгими ; крыши большею частію крыты тростникомъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ , садки , для лучшаго вида , Городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь , развѣ только пѣтухъ перейдетъ черезъ мостовую мягкую какъ подушка отъ лежащей на четверть пыли , которая при малѣйшемъ дождѣ превращается въ

грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній Городничій называетъ Французами. Выставивъ серьёзныя морды изъ своихъ ваннъ, они поднимаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б.—Рѣдко, очень рѣдко какой нибудь помѣщикъ, имѣющій 11 душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ тарабанить по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутележкѣ, выглядывая изъ мучныхъ наваленыхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжалъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный досчатый дворъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который на образецъ другимъ строеніямъ воздвигъ Городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжевникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень; посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б.

Кавалерійскій полкъ , все перемѣнилось. Улицы за-пестрѣли, оживились, словомъ, приняли совершенно другой видъ. Низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ , шедшаго къ товарищу погово-рить о производствѣ , объ отличнѣйшемъ табакѣ , а иногда поставить , тихомолкомъ отъ Генерала, на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сего дня катался въ нихъ Маіоръ, завтра онѣ появлялись въ Поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю смотри опять Маіорскій деньщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усыянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непременно гдѣ нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ. Соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечъ ихъ вѣрно выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ Судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то Діаконицею, и Городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день: отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе когда переведена была сюда квартира бригаднаго Генерала. Окружныя помѣщики, о которыхъ существованіи никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офи-

церами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грѣзился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женниными порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось Бригадному Генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное: стукъ поваренныхъ ножей на Генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь рынокъ былъ забранъ совершенно для обѣда, такъ, что Судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки, да крахмальной кисель. Небольшой дворикъ Генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ: офицеровъ и въкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиеагоръ Пиеагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ Аристократовъ Б . . . уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ Кавалерійскихъ полковъ, былъ одинъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерніи. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется непріятною исторіею: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему

дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выгнать въ отставку. Впрочемъ онъ этимъ ни чуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворянѣ могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ бывалъ на всѣхъ многлюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ Кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами. Очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легонькой колясочки, или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ Дворянству прекрасной объѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ Предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ, женился на довольно хорошенькой, взялъ за нею 200 душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталь былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и Француза дворецкаго. Двѣсти же душъ вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ были заложены въ Ломбардъ, для какихъ-то коммерческихъ

оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ какъ слѣдуетъ. . . Изрядной помѣщикъ.—Кромѣ него на обѣдѣ у Генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: Полковникъ и довольно толстой Маіоръ. Самъ Генераль былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата съ ножами въ рукахъ работали на помощь ему всю ночь *фрикасы и желси*. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый Генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофію въ рукахъ на крыльцо.

« Вотъ ее можно теперь посмотреть », сказалъ Генераль. « Пожалуста, любезнѣйшій » примолвилъ онъ, обращаясь къ своему Адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности, « прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы уви-

дите сами.» Тутъ Генераль потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ, «она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятой городишка, нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.»

«И давно, Ваше Превосходительство, пуфъ, пуфъ: изволите имѣть ее!» сказалъ Чертокуцкій.

«Пуфъ, пуфъ, пуфъ, ну . . пуфъ, не такъ давно. Всего только два года какъ она взята мною съ завода!»

«И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить.»

«Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу, . . у . . у . . фъ здѣсь» сказавши это, Генераль весь исчезнулъ въ дымъ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая вдругъ, поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. «Нужь, ну! Аграфена Ивановна!» говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна: крѣпкая и дикая какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генераль , опустивши трубку, началъ смотрѣть довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ Полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ Маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногъ , прочіе пощелкали языкомъ .

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдаты, вытянувшись и держа узду глядѣль прямо посѣтителямъ въ глаза , будто бы хотѣль вскочить въ нихъ.

«Очень , очень хорошая!» сказалъ Чертокуцкій, «статистая лошадь! а позвольте , Ваше Превосходительство , узнать , какъ она ходитъ?»

«Шагъ у нее хорошъ; только ... чортъ его знаетъ ...этотъ дуракъ фершелъ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.»

«Очень, очень хороша. А имѣете ли, Ваше Превосходительство , соотвѣтствующій экипажъ?»

«Экипажъ?... Да вѣдь это верховая лошадь.»

«Я это знаю ; но я спросилъ Ваше Превосходительство для того, что бы узнать , имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ.»

«Ну , экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ , признаться вамъ сказать , давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургъ, да не знаю , пришлетъ ли онъ или нѣтъ.»

« Мнѣ кажется, Ваше Превосходительство, » замѣтилъ Полковникъ, « нѣтъ лучше коляски, какъ Вѣнская. »

« Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ. »

« У меня, Ваше Превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей Вѣнской работы. »

« Какая? Та, въ которой вы пріѣхали? »

« О нѣтъ. Это такъ, разъѣзжал, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка какъ перышко, а когда вы сидите въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія Вашего Превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала? »

« Стало быть покойна? »

« Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано. »

« Это хорошо. »

« А ужъ укладиста какъ? то есть, я, Ваше Превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось 10 бутылокъ рому и 20 фунтовъ табаку, кромѣ того со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, Ваше Превосходительство, самые длинныя, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить. »

« Это хорошо. »

« Я, Ваше Превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи. »

« Судя по цѣнѣ, должна быть хороша, и вы купили ее сами? »

« Нѣтъ, Ваше Превосходительство; она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкой человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое, все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, Ваше Превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, и коляску вмѣстѣ посмотрите. »

« Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами. »

« И господь офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ! »

Полковникъ, Маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

« Я, Ваше Превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непременно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у ме-

ня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.»

Генераль посмотрѣлъ и выпустилъ изо рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также съ своей стороны какъ то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Черторуцкій выступаетъ впередъ какъ то развязнѣе, и голосъ его принялъ расслабленіе: выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

« Тамъ, Ваше Превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.»

« Мнѣ очень пріятно », сказалъ Генераль, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этаго хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось въ разныхъ углахъ Генеральскихъ комватъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ Гг. офицеры начали приглашать, то ему показалось очень не согласно съ правилами общежитія отказаться. Онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ позабывшись въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два роберта, Черторуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который то же позабывшись выпилъ, сказавши напередъ: «пора, Госнода, мнѣ домой, право пора.» Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы, но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу Штабъ-Ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ рассказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною, и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спяну, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркой споръ о баталіонномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже вмѣсто дамы два раза сбросилъ вале-та, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кри-

чалъ изъ своего угла: «въ которомъ году? или котораго полка? не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ. И казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего, и вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человека, у котораго нѣтъ въ карманѣ носоваго платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ потому, что направо и налево стояла у него бутылка.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но впрочемъ какъ то странно онъ былъ веденъ. Одинъ помѣщикъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, рассказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разѣзжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, не смотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домъ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который, проводилъ господина

чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону, и положивъ свѣжую свою щеку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ 4 часу ночи, она пожалѣла будить его, и надѣвъ спальныя башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею какъ сама водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сего дня очень недурна. Это по видимому незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подѣ темными густыми аллеями гулять

было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утродили свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже 12 часовъ и супругъ ея спить. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой алеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ Генералъ съ толстыми, блестящими, на солнцѣ эполетами и рядомъ съ нимъ Полковникъ. За ней слѣдовала другая четверомѣстная; въ ней сидѣлъ Маіоръ съ Генеральскимъ Адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный Маіоръ; за дрожками четверомѣстный бонвоажъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ. . . за бонвоажемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

« Неужели это къ намъ? » подумала хозяйка дома. « Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ они поворотили на мостъ! » Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

« Вставай, вставай! вставай скорѣе! » Кричала она дергая его за руку.

« А ? » проговорилъ потягиваясь Чертокуцкій неразскрывая глазъ.

« Вставай, Пульпультикъ ! » слышишь ли ? гости !

» Гости, какіе гости ? « сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. » Мм « .. ворчалъ онъ » протяни, Моньмуна, свою шейку ! я тебя поцѣлую. »

« Душенька, вставай ради Бога скорѣй. Генераль съ офицерами ! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ. »

« Генераль ? А, такъ онъ уже ѣдетъ ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ. А обѣдъ, чтожъ обѣдъ, все ли тамъ какъ слѣдуетъ готово ?

« Какой обѣдъ ? »

« А я развѣ не заказывалъ. »

« Ты ? ты пріѣхалъ въ 4 часа ночи и сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, Пульпультикъ потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало : ты ничего не спалъ » . . . Послед-

нiя слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

« Чертокуцкiй, выгаращивъ глаза, минуту лежалъ на постель, какъ громомъ пораженный. Наконецъ вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

« Ахъ, я лошадь! » сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. » Я звалъ ихъ на обѣдъ. Что дѣлать? далеко они?»

« Я не знаю . . . они должны сiю минуту уже быть. »

« Душенька . . . спрячься! . . . « Эй, кто тамъ! ты, дѣвчонка! ступай, чего дура боишься, придутъ офицеры сiю минуту. Ты скажи, что Барина нѣтъ дома, скажи, что и nebude совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ, слышишь! и дворовымъ всѣмъ объяви, ступай скорѣе!

« Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положенiе свое совершенно безопаснымъ. Но ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ нибудь увидѣть. « А вотъ это будетъ лучше » мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы,

для бѣльшей безопасности закрылся фартукомъ и кожею, и притихъ совершенно согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу.

«Вышелъ Генераль и встряхнулся, за нимъ Полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ. Потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый Маіоръ, держа подъ мышкою саблю. Потомъ выпрыгнули изъ бонвоая тоненькіе Подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ Прапорщикомъ, наконецъ сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

«Барина нѣтъ дома,» сказалъ входя на крыльцо лакей.

«Какъ нѣтъ? стало быть онъ однакожь будетъ къ обѣду?»

«Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этаго только времени будетъ.»

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ Генераль «какъ жезто?...»

«Признаюсь, это штука,» сказалъ Полковникъ смѣясь.

«Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? продолжалъ Генераль съ неудовольствіемъ: «Фить . . . Чортъ . . . Ну не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?»

« Я, Ваше Превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать » сказалъ одинъ молодой офицеръ.

« Что? » сказалъ Генераль, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

« Я говорилъ, Ваше Превосходительство, какъ можно поступать такимъ образомъ. »

« Натурально . . . Ну не случилось что ли — дай знать по крайней мѣрѣ, или не проси. »

« Чтожъ, Ваше Превосходительство, нѣчего дѣлать, поѣдемте назадъ! » сказалъ Полковникъ.

« Разумѣется, другаго средства нѣтъ. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотреть и безъ него. Онъ вѣрно ее не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ, подойди, братецъ, сюда! »

»Что изволите?»

»Ты конюхъ?»

»Конюхъ, Ваше Превосходительство.»

«Покажи - ка намъ новую коллску, которую недавно досталъ Баринъ!»

«А вотъ пожалуйста въ сарай!»

Генераль отправился вмѣствъ съ офицерами въ сарай.

«Вотъ извольте, я ее не много выкачу, здѣсь темненько.»

«Довольно, довольно, хорошо!»

Генераль и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

«Ну, ничего нѣтъ особеннаго, сказалъ Генераль, коляска самая обыкновенная.»

«Самая неказистая, сказалъ Полковникъ, совершенно нѣтъ ничего хорошаго.»

«Мнѣ кажется, Ваше Превосходительство, она со всѣмъ не стѣитъ четырехъ тысячъ,» сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

«Что?»

«Я говорю, Ваше Превосходительство, что мнѣ кажется, она не стѣитъ четырехъ тысячъ.»

«Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стѣитъ. Просто ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что

нибудь особенное... Пожалуста, любезной, отстегни кожу.» . . .

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатъ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

« А, вы здѣсь! » . . . сказалъ изумившійся Генераль. »

Сказавши это, Генераль тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

Н. Гоголь

Изъ А. Шенье.

Покровъ , упитанный язвительною кровью ,
Кентавра мстящій даръ , ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ , въ ночи скитаясь , воетъ ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ ;
Гнегъ , ломить дерева ; изторженные пни
Высоко громоздить ; его рукой они
Въ костеръ навалены ; онъ ихъ зажегъ ; онъ всходитъ ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ ;
Подъ мышцей палица ; въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ ; поднялся свистъ и ревъ ;
Треща горитъ костеръ ; и вскорѣ пламя , воя ,
Уносить къ небесамъ безсмертный духъ Героя.

○

ДВИЖЕНИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ, ВЪ 1834 И 1835 ГОДУ.

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, также необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для Государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мѣрѣ, и которое безъ того было бы въ обоихъ смыслахъ мертвымъ капиталомъ. Она быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, мнѣній, безъ все бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею

захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовья, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. И такъ журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристального вниманія.

Можетъ быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живаго современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ ббльшей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ Библиотеки для чтенія и въ послѣдствіи Московскаго Наблюдателя, не показалось, между тѣмъ, какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи, и значительно возрасло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо также принадлежитъ Исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постной видъ нашихъ журналовъ: Телеграфъ давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ Петербургскихъ. Телескопъ наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время

книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже известный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недалнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предприимчивость и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедической, завоевать всѣхъ Литтераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ Писателей. Профессоръ Арабской Словесности г. Сепковскій взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ Редакторомъ г. Гречь, известный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: Сѣверной Пчелы и Сына Отечества. Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрощены были г. Смирдинымъ; но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ по общему мнѣнію поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество Литтераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе Редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленной тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей щетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, обѣщаніе, которое

даетъ всякой журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*, что имена писателей, которыхъ блестящая ширенга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взята была только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была *отъ него* требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностію: подписчики вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осмнадцати листовъ въ мѣсяць, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь разсмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. — Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, покрайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречь давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ Редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилаго челоуѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь по неволѣ должны мы задуматься, что безъ сомнѣ-

ніа сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ вошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего однакожь мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы), но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физиогномію?

Прочитавши все помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе недаромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже переправляетъ чужія, однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналъ своемъ какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о Сагахъ, статью исполненную ипотезъ не собственныхъ, но схваченныхъ наудачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ Русской Исторіи. Эти Саги, которыя проникательный Шлѣцеръ, не имѣющій донинѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, эти Саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ Русской Исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикю: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная риторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлѣцера, Гумбольта и всѣхъ когда либо существовавшихъ Ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что Авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ

что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ и который между тѣмъ видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ уже долженъ по крайней мѣрѣ утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому точно слѣдовало бы издать что нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо, когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣже самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, ни одной яркой черты, сильной мысли, гениальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній, напротивъ очень видно, что онъ много читалъ, но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей господствующей силы, которая направляла бы его къ какой нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ, что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, вовсе никакого*. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника наряду съ Гёте,

и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости; потому что онъ никогда не заботится о томъ, что говорить, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: Критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оно выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трунилъ и показы-

валъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *онѣй*, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ Русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *онѣй* совершенно неприличны. Это напомнило старѣйшій процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное *і*, который въ послѣдствіи еще не такъ давно поддерживалъ одинъ Профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно призаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное, являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ повѣстей, своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ Французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, погому что г. Сенковскій оуждалъ гласно всю текущую Французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣлвости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ-

то: не любо не слушай, а лгать не мѣшай, и тому подобныя. Таже безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣданныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился о ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя Б. для Ч. Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ Библиотекѣ для чтенія, и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ Журнала по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большомъ объемѣ толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помещиковъ. Въ Библиотекѣ находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣгилъ Русскаго Парнасса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *сильсь*, вмѣщавшая въ себя очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, повѣсти и прочее, ока-

звала очень мало вкуса и выбора. Въ Библіотекѣ для чтенія случилось еще одно доголѣ не слышанное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. » У насъ », говоритъ онъ, въ Библіотекѣ для чтенія, не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ: иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками. Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая какіе. Журналъ хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣ старанія. Библіотеку уже менѣ читали въ Столицахъ, но все также много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея также обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

Сѣверная Пчела заключала въ себѣ официальные извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла

свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ г. Гречь довелъ ее до строгой исправности : она всегда выходила въ положенное время ; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая - то корзина , въ которую сбрасывалъ всякой все , что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонныя, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ Сѣверной Пчелѣ пробовали острогу пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами , безъ сомнѣнія люди молодые , потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удалства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. На счетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости , нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: впрочемъ желательно, чтобы почтенной авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога, или : хорошая книга требуетъ хорошаго изданія, и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книжки часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ Столицѣ, о помадѣ и проч. ; сіи извѣстія иногда довольно остроумно и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и охорошо воспитанныхъ людей безъ сомнѣнія имѣв-

шихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ отъ Сѣв. Пчелы больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе Сына отечества и Сѣвернаго Архива, былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, не смотря на то, что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ Сынѣ отечества (говорила программа) будетъ Археологія, Медицина, Правовѣдніе, Статистика, Русская Исторія, Всеобщая Исторія, Русская Словесность, Иностранная Словесность, наконецъ просто Словесность, Географія, Этнографія, Историческая Галлерей и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда либо существовавшее на свѣтѣ. Ни чуть ни бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа начинавшаяся статьєю о какихъ нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣже сухіе факты, взятые изъ Сѣверной Пчелы, слѣдственно уже всѣмъ извѣстныя. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попа-

далось что нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена Редакторовъ гг. Булгарина и Греча стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожь журналъ существовалъ, стало быть читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что нибудь почитать также необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда, или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ въ продолженіе всего этаго времени Газета чисто литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты: Литтературныя прибавленія къ Инвалиду. Въ ней помѣщались легонькія повѣсти: бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о Литтературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями близкими къ истинѣ: читатель къ изумленію своему видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литтераторами, принимали къ сердцу текущую литтературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опромет-

чивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе не длиннѣе строчки съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣлательныйловецъ и какъ рыбакъ сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частію мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ Редакторѣ была замѣтна чисто литературная жизнь, и онъ съ неожлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его Газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только Телескопъ, съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ Молвы; журналъ въ началѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ нибудъ.

Монополія, захваченная Библіотекою для чтенія, не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но Сѣверная Пчела была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на заглавномъ листкѣ въ Библіотекѣ какъ главнаго ея Редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что Сѣверная Пчела должна была хвалить все, помѣщаемое въ Библіотекѣ, и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разныхъ именъ, на-

зывать Русскимъ Гумбольтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литтераторы заглядывали туда только по своей надобности. Сынъ Отечества долженъ былъ повторять слова Пчелы. И такъ всего только два журнала могли возстать противъ его мивній. Г. Воейковъ показалъ въ литтератуныхъ прибавленіяхъ что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ, и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литтераторовъ, но не замѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько нибудъ направленіе новаго журнала. Телескопъ въ соединеніи съ Молвою дѣйствовалъ противъ Библиотеки для чтенія, но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливица, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковского, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія Французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ Молвѣ повторялись тѣже намеки на Брамбеуса часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того Телескопъ много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его чрезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ Библіотекѣ для чтенія, которая была между ними какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что Библіотека для чтенія имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ, что мнѣнія Библіотеки для чтенія разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли Телескопъ и Литтературныя прибавленія, что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ Библіотекѣ для чтенія, были расхвалены издателями тойже Библіотеки для чтенія, скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрять со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченныя, какихъ по количеству подписчиковъ можно предполагать болѣе между читателями Библіотеки, и къ тому же большая часть подписчиковъ были люди новые, дотоѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что наконецъ Библіотека для чтенія имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4,000 экземплярахъ Свѣ. Пчелы.

Ропоть на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ наконецъ нѣсколько литтераторовъ рѣшились издавать какой нибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но собственно для литтераторовъ, различно при-

тѣсняемыхъ Библіотекою. Онъ былъ нуженъ 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо *Б. д. Ч.* не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія вложена была рука распорядителя; ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ Библіотеку. Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности, или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не рассмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе Библіотеки для Чтенія и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивой и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ *Сѣверной Пчелѣ*, казалось, была писана человекомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою вечную погибель. Въ ней увѣдомляли публику, что

новый журналъ хотѣлъ уронить Библіотеку для Чтенія, потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и Б. д. Ч. Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанести обдуманнѣйшій ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? Не долженъ ли я напротивъ его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрыша для читателей и для Литтераторовъ.

Но рассмотримъ, въ какой степени Москов. Набл. выполнилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе Литтераторовъ и опасеніе Библіотеки для Чтенія.

Новый журналъ, не смотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во все углы Россіи о своемъ явленіи, потому что единственные глашатаи въстей были его противники; Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія, которые конечно не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, следовательно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки, наконецъ онъ пренебрегъ бы-

стрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самаго журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что положеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мгновенія. Въ Московскомъ Наблюдателѣ тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его видѣнь былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ досель нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ публика чисто литературная не знала вовсе. Литтературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей Московскаго Наблюдателя. Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его, основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ Московскомъ Наблюдателѣ вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнливой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и Московскій Наблюдатель сталъ похожъ на тѣ ученія общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бывають въ присутствіи, между тѣмъ, какъ президентъ является каждый день, садится въ свои крес-

сла и велить записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналъ было нѣсколько очень хорошихъ статей, его украсили стихи Языкова и Баратынскаго — эти перлы Русской поэзіи, но при всемъ томъ въ журналъ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что нравится и что не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными, потому только, что они тлнулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: продолженіе впредь. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ Библіотекой для Чтенія.

Наблюдатель начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей Литтературѣ. Въ ней Авторъ нападаетъ на торговлю въ ученomъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ Литтературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что Авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во вторыхъ: онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ Литтераторамъ, нанесла досаду Библіотекѣ для Чтенія, но ничего не дала знать

публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литтература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличилась. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предприимчивые безъ большаго таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не перещитывать ихъ барышни. Что Литтераторъ купилъ себѣ доходный домъ, или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздые: сего дня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноватъ, который за предприимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ быть, много воли людямъ, которымъ приличнѣе было заниматься просто торговлею, а не Литтературою. Талантъ неискателень, но корыстолюбіе искательно. На это также смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недалновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который

оправляетъ одни чистые брилліанты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе Литтературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. Библіотека отвѣчала коротко въ духъ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и неимѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ и проч. . Это обыкновенная политика Петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только ктонибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ, говорятъ, что статья эта писана съ цѣлію только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

И такъ выходка Московскаго Наблюдателя скользнула по Библіотекѣ для Чтенія, какъ пуля по толстой кожѣ Носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, Московскій Наблюдатель замолчалъ. Доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ Наблюдатель дать себѣ ходъ и сдѣлать имя

свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлать его извѣстнымъ Телеграфъ, дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ. Наблюдатель выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Черезъ нѣсколько нумеровъ показалась наконецъ статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ Библіотекѣ статьи, подъ именемъ: Брамбеусъ и юная словесность, въ которой Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ Русской Литтературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что Литтераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застычивостію, и послѣ сами старались все это какъ нибудь загрестъ собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще Авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченной. Ею занялся и Телескопъ и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыкновенною смѣтливостію о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ Московскомъ Наблюдателѣ. Цель этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость? какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался какъ своимъ? другими слова-

ми: изъ какихъ доскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ? Нѣсколько безгласныхъ книжекъ выходящихъ въ слѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили М. Наблюдателя въ забвеніе. Даже самая Библіотека для Чтенія перестала наконецъ упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ; продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ, и говорить все то, что первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, рассмотримъ теперь, что сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ Исторію нашей Литтературы, оставить въ ней свою оригинальную черту; какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что опредѣлили и какой мысли дали право Гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литтературу ничего не значить. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, то же не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналъ статей ничего не значить, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе хотя даже одностороннее къ какойнибудь цѣли. Телеграфъ издавался, кажется, съ тѣмъ, что бы испровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожилловъ, классиковъ; Московскій Вѣстникъ, одинъ изъ лучшихъ журналовъ, не смотря на то, что въ немъ

немного было современнаго движенія , издавался съ тѣмъ , чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей Литтературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журнала выполнили цѣль свою ; по крайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы ; уловите главную нить каждаго изъ нихъ : сей - то нити и не сыщете. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ , вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ Литтературномъ мірѣ. А между тѣмъ :

1) Умеръ знаменитый Шотландецъ , великій дѣписатель сердца , природы и жизни ; полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литтературѣ всей Европы распространился безпокойный , волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя , безсвязныя , младенческія творенія, но часто восторженныя , пламенныя — слѣдствіе политическихъ волненій той страны , гдѣ рождались. Сгранная , мятежная какъ комета , неорганизованная какъ она , эта литтература волновала Европу , быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всемірно-Европейскія, хотя они отражались и въ Россіи ; рассмотримъ литтературныя событія чисто Русскія :

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы также вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправого обвиненія, неправого опредѣленія, бессмысленно повтореннаго въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донинѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что такое былъ Вальтеръ Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что такое Французская современная Литтература, отъ чего, откуда она произошла, что было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отъ чего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ Русская публика и что такое Русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ

нибѣдь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ Скотта у насъ только побранили. Французскую Литтературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, до того сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусъ той же школы еще съ большими несообразностями. Вопросомъ: отъ чего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти? вовсе не занялись, а вмѣсто того въ добавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства и купецъ и воинъ и Литтераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали, или сказали то, что говорить уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналы? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою; на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большой части была какимъ-то газетствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна вниманія, въ такомъ-то и такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. «Это книга» говорили рецензенты, удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси, продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ Скотта, Гумбольта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра.

Большая часть книгъ была разхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первокласныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче Русской Литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ

о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставить его задуматься и привести въ недоумѣніе. Таже самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литтературное безвѣріе и литтературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ Литтературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ въ лучахъ славы съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднималъ благоговѣнно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой. Что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала; какъ будто Исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это Литтературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ, что вообще современная критическая Литтература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ - другой, какъ толки, въ началѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышныя какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою

славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непременно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — и такъ подавай намъ Шекспира. Говоритъ онъ: «съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру,» а между тѣмъ разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженій самаго рецензента.

3) Отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ Московскихъ Журналахъ видишь иногда какой нибудь вкусъ, что нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того критики журналовъ Петербургскихъ, особенно такъ называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемая сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, изтекло изъ глубины признательной, разстроганной души. Слогъ ихъ, не смотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышетъ

мертвящею холодностію. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій чело-вѣкъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую ширенгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностію, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: сей и оный. Вотъ до чего дошла наконецъ Русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о Литтературѣ. Въ это время не сказалъ своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни Князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшіе свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей Литтературы?

Отъ чего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумной бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этаго. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней видѣнъ разбираемый писатель, въ ней видѣнъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для Исторіи Литтературы она не оцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, не смотря на общую черту нашей Литтературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто Русскіе элементы: и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для Европейской Литтературы.

Но довольно. Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности, и при бѣльшемъ количествѣ журналовъ явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соответствовать своей цѣли. Покрайней мѣрѣ замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ нѣко-

что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ большимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели Сына Отечества , издатель Телескопа заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи не возможно было сдѣлать большаго. По крайней мѣрѣ со всѣмъ чисто-сердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе ваше: да наградятся старанія всѣхъ и cadaго сто-рщцею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его , тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ за-служеннымъ вниманіемъ и благодарностію.

РОЗА И КИПАРИСЪ.

ГРАФИНЪ М. А. ПОТОЦКОЙ.

Вотъ вы и я: подобье розы милой
Цвѣтете вы и чувствомъ и красой ;
Я кипарисъ угрюмой и унылой ,
Воспитанный лѣтами и грозой.

*

И будетъ мнѣ воспоминанье ваше
Подобно ей свѣжо благоухать ,
При немъ душѣ веселье будетъ краше ,
При немъ душѣ отраднѣ страдать.

*

Когда же вамъ сгрустнется, и случайно
Средь ясныхъ дней проглотить черный день ;
Пускай мое воспоминанье тайно
Васъ осѣнитъ какъ кипариса тѣнь.

К. Вяземскій.

УТРО ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

Кабинетъ. Нѣсколько шкафовъ съ книгами. На столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человѣкъ, потягиваясь выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышанъ голосъ: *сей часъ*. Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ, опять тотъ же голосъ: *сей часъ*. Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ, входитъ слуга.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что, ты оглохъ?

ЛАКЕЙ.

Никакъ нѣтъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чтожь ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ.

ЛАКЕЙ.

Какъ же прикажете: мнѣ не льзя было бросить дѣла. Я сапоги чистилъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А Иванъ что дѣлалъ?

ЛАКЕЙ.

Иванъ мель комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Подай сюда собачку (*лакей приноситъ собачку*). Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу (*нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку*).

(Вбѣгаетъ другой лакей).

Александръ Ивановичъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Проси (*бросаетъ поспѣшно сабаку и развертываетъ Сводъ Законовъ*).

II.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, ТАКЖЕ ДѢЛОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ.

Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ.

О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу прѣехали домой?

Александръ Ивановичъ.

Чась шестой былъ. Я, какъ поворотилъ изъ офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: не слышалъ ли, братецъ, которой часъ? Да шестой уже, говоритъ, пробило. Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ.

Представьте, я самъ въ тоже почти время. Ну, что, каковъ былъ вистецъ хе, хе, хе,?

Александръ Ивановичъ

Хе, хе, хе. Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ.

Хе, хе, хе, хе. Я гляжу, что это значить, что онъ кладеть короля? у меня вѣдь на рукахъ самъ-третьей дама крестовъ; а у Лукьяна Федотѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ.

Длиннѣе всего тянулся осьмой робертъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да (*помолжавъ*). Я уже мигаю Лукьяну Федосевичу, чтобъ онъ козырять—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валеть мой и беретъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Позвольте, Иванъ Петровичъ, валеть не беретъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Беретъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Не беретъ, потому что я не сносилъ еще своей дамы.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ вы кладете даму, а у Лукьяна Федосевича семерка козырей.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да развѣ у него былъ козырь? Я что-то не помню.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ - же, у него оставалось два козыря: десятка, которой бы долженъ былъ онъ козырнуть, и семерка.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одного козыря, потому...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Два козыря, два козыря! я, какъ теперь помню, десятка и семерка.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЬ.

Десятка была, это таяъ, но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ.

Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЬ.

Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно не возможное дѣло.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ.

Да позвольте! Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Федосѣвичу. Согласны ли вы?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЬ.

Хорошо.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ.

Ну и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка козырей?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЬ.

Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Федосѣвичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь не лѣзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи. . .

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И прибавьте : большіихъ свѣдѣній ! человѣкъ , какіихъ , сказать по секрету , у насъ мало на Руси. Были ли у Его Высокопревосходительства ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Быль. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было не множко холодненько. Вѣдь я , какъ думаю , вамъ извѣстно , имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку : она гораздо лучше фланелевой и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Приѣзжаю къ Его Высокопревосходительству—Его Высокопревосходительство еще спитъ. Однакожь я дождался. Ну тутъ пошли рассказы о томъ и о семь.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А про меня не было ничего говорено ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Какъ - же , было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*оживляется*).

Что , что такое ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Позвольте , позвольте рассказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его Высокопревосходитель-

ство между прочимъ спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? И пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ и кто былъ? Я сказалъ: были, Ваше Высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщевъ, Илья Владиміровичъ Бубуницынъ. Его Высокопревосходительство послѣ каждого слова говорилъ. «Гем!» Я сказалъ: и еще былъ одинъ извѣстный Вашему Высокопревосходительству. . .

Иванъ Петровичъ.

Ктожъ это такой? —

Александръ Ивановичъ.

Позвольте! что жъ бы, вы думали, сказалъ на это Его Высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ.

Не знаю.

Александръ Ивановичъ.

Онъ сказалъ: кто жъ бы это такой? «Иванъ Петровичъ Барсуковъ, отвѣчалъ я. «Гем!» сказалъ Его Высокопревосходительство «это чиновникъ и притомъ . . . (*поднимаетъ вверхъ глаза*) Довольно хорошо у васъ потолоки расписаны: на свой или хозяйской счетъ?»

Иванъ Петровичъ.

Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира!

Александръ Ивановичъ.

Очень, очень не дурно. Корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально.

Иванъ Петровичъ (*съ нетерпѣливостью*).

Такъ что же сказалъ Его Высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ.

Да, я и позабылъ. Что жъ онъ сказалъ? . . .

Иванъ Петровичъ.

Сказалъ: Гем. Его Высокопревосходительство; это чиновникъ.

Александръ Ивановичъ.

Да, да, это чиновникъ! ну, и . . . служить у меня. Послѣ того разговоръ ужъ не былъ такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ.

А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ.

Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ (*про себя*).

Ну, покамѣстъ еще не много. Господи Боже мой, ну что, если бы сказалъ онъ: такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю . . .

III.

Таже и Шрейдеръ (*выглядываетъ въ дверь*).

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что, это для доклада?

ШРЕЙДЕРЪ.

Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ Палату и рапортъ Управляющему.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*между тѣмъ читаетъ*).

. . . Господину Управляющему . . . Это что значить? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ . . . (*устремляетъ на него глубокомысленный взоръ*).

ШРЕЙДЕРЪ.

Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что Министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю. Министръ точно не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается!

ШРЕЙДЕРЪ.

Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что Министръ не войдетъ . . .

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ. Онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей.

ШРЕЙДЕРЪ.

Если такъ, я сей часъ перепису.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

То-то если такъ. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь потому, что вы воспитывались въ Университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

ШРЕЙДЕРЪ.

Я осмѣлился только потому, что г. Министръ . . .

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ. Министръ на это никогда не посмотритъ, и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ . . . Что тогда?

ШРЕЙДЕРЪ.

Я перепису (*уходитъ*).

IV.

Иванъ Петровичъ (*пожимая плечами
оборачивается къ Александру Ивановичу*).

Все еще вѣтеръ ходить въ головѣ! Порядочной молодой челоуькъ, недавно изъ Университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) вѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привести все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку. Иной въ одной строцкѣ пишетъ *сі* а въ другой *ительству*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе Вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ.

Такъ вамъ чины, можно сказать, по томъ и кровью достались.

Иванъ Петровичъ (*вздыхнувъ*).

Именно, по томъ и кровью. Чтожъ будете дѣлать; вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ донскивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но что прикажите! не могу! стороною я буду намѣкать

часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя . . . нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигриваютъ безпрестанно . . . А у меня уже такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*вздыхнувши*). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось, елибѣ получить хоть орденочъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть Его Высокопревосходительству: что у Барсукова-де въ Канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай . . .

V.

Тѣже и Катерина Александровна, жена Ивана Петровича.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*увидѣвъ Александра Ивановича.*)

А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! позабыли меня! что Наталья Юмнишна?

Александръ Ивановичъ.

Слава Богу! недѣлю впрочемъ назадъ было-зажворага.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Э!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чудно право, какъ подумаешь, до чего не доходить просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Не давно былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка, росту, какъ бы вамъ сказать, вотъ этакаго (*показываетъ рукою*); лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ. Я васъ увѣрляю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень хорошо поетъ Мелась.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*значительно*).

Мелась! о да! съ большимъ чувствомъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Очень хорошо.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это! (*вертитъ рукою передъ глазами*).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Именно это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Куда же это вы, Александръ Ивановичъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три захватъ до обѣда!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, такъ до свиданія. Когдажъ увидимся? Да, я и позабылъ. Вѣдь мы завтра у Лукьяна Федосевича...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Непремѣнно (*кланяется*).

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Прощайте, Александръ Ивановичъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ (*въ лакейской надвывая шубу*).

Не терплю я людей такого рода.

Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣмалъ, и то поправилъ: настоящая добродѣтель! Вишь, чего захотѣлъ! Ордена! И вѣдь получить! получить мошенникъ! получить! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? А? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ! и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная фізіономія! И разнѣжился: ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашель кого просить, голубчикъ. Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! (*подп.вердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.*)

Н. Гоголь.

РАЗБОРЪ

ПАРИЖСКАГО МАТЕМАТИЧЕСКАГО ЕЖЕГОДНИКА

НА 1836 ГОДЪ.

(Annuaire du Bureau des Longitudes présenté au Roi).

Coelique mestus,

Describent radio et surgentia sidera dicent.

Virg.

Языческіе философы и монахи прежнихъ временъ Христіанства взирали на ученость какъ на что-то таинственное, принадлежащее только малому числу любимцевъ премудрости. Почти непроницаемая завѣса сокрывала отъ очей общественности ихъ трудолюбивую жизнь, посвященную дѣятельности и открытіямъ. Самые даже поэты имѣли въ виду похвалу малаго числа своихъ согражданъ, и Горациево : *odi profanum vulgus et arceo*, было такъ сказать общимъ правиломъ ученыхъ. Книгопечатаніе и науки отвлеченныя, а въ особенности новая математика, положили предѣлы сему медленному ходу ума челоука. Трудность учиться изъ рукописей, по большой части дорогихъ и рѣдкихъ, исчезла. Приспосо-

бленіе Алгебры къ Геометріи ввело въ математическое ученіе ясность въ доказательствахъ и слогу, которая распространилась на всѣ части науки. Галилей и Торичелли должны, по нашему мнѣнію, почитаться отцами теперешняго нашего просвѣщенія, ибо они первые обратились къ многоядству и положили основаніе великимъ открытіямъ *Невтона*. Галилей извѣстенъ большей части читателей только по его астрономическому страданію, но не многіе знаютъ, съ какою точностію онъ опредѣлялъ наибольшія правила Статики; какъ приспособилъ свои исчисленія къ пользѣ Архитектуры и съ какою ревностною подробностію онъ излагалъ правила для твердости стѣнъ, сводовъ и куполовъ, и разныхъ строеній. Исторія наукъ на всякомъ шагѣ являетъ печальное доказательство, сколько времени потребно для самой очевидной истины, чтобы она сдѣлалась общественною и полезною. Въ послѣднихъ только годахъ Англійское и Французское ремесленничество начало употреблять пустые металлическіе цилиндры, и мало людей знаютъ, что Галилей первый доказалъ, что крѣпость таковыхъ подпоръ не зависитъ отъ совершеннаго наполненія ихъ внутренности, и (что еще достойнѣе удивленія) къ математическому доказательству философъ не преминулъ присовокупить взятое изъ анатоміи животныхъ и птицъ, коихъ кости и перья суть цилиндры не наполненные. Таковая же участь ожидала и гидравлическое открытіе Паскаля, ибо въ началѣ только нынѣшняго вѣка Англійскій художникъ Брама (Bramah) приспособилъ оное къ своей гидростатической машинѣ для тис-

ненія. Новое направленіе учености общаетъ содѣлать таковыя событія не столь частыми, и Философы нашихъ времявъ, въ особенности Англичане и Французы, стараются сколько возможно обращаться къ многочисленности, говорить языкомъ для него понятнымъ, возраждать и удовлетворять во всѣхъ состояніяхъ жажду къ полезнымъ познаніямъ. Первый шагъ, сдѣланный на семъ новомъ поприщѣ, если мы не ошибаемся, принадлежалъ, прежде еще Фонтенеля, безсмертному сотруднику Россійской Академіи Наукъ Эйлеру, въ книгѣ *Lettres à une Princesse d'Allemagne*: съ тѣхъ поръ сіе благотворное распространеніе свѣта сдѣлалось наипохвальнѣйшимъ рвеніемъ Французскихъ и Англійскихъ ученыхъ. Мы назовемъ изъ нихъ первымъ Карла Дюпена, коего курсъ Геометріи и Механики, преподаваемый имъ самимъ въ Парижѣ, не имѣлъ въ виду никакого другаго рода людей кромѣ ремесленниковъ, въ коихъ онъ не предполагалъ никакого предварительнаго познанія, даже и разумѣнія обыкновенныхъ ученыхъ словъ. Мы не взоидемъ въ странную распрю съ тѣми, которые утверждаютъ, что устраненіе алгебраическихъ формулъ и неупотребленіе дифференціального исчисленія можетъ будто бы повредить ходу самой науки. Таковое опроверженіе кажется намъ совершенно безразсуднымъ. Мы не видимъ, чтобы число испытателей отвлеченныхъ истинъ науки уменьшалось съ умноженіемъ людей, приобрѣтшихъ въ Дюпеновой школѣ только тѣ познанія, которыя усовершенствовали въ нихъ способность къ избранному ими ремеслу. Что до насъ касается, мы признаемся, что

съ восторгомъ видали на сихъ урокахъ приходившихъ въ бѣльи, отъ работы замаранныхъ фартукахъ: каменщиковъ, плотниковъ, столярей, и прочъ въ семь часовъ вечера, по окончаніи своихъ работъ слушать ученаго Профессора, который съ самою краснорѣчивою ясностію излагалъ имъ теорію о равновѣсін, движеніи и даже тяжести газовъ, взявъ атмосферическую за единицу. Такимъ образомъ онъ, не только давалъ невидимо геометрическое направленіе ихъ уму, но и облагороживалъ духъ, показывая, что и ихъ смиренное назначеніе въ жизни сцѣпляется съ самыми высокими предметами мудрости человѣческой. На семь поприщъ Англичане не остались назади своихъ сосѣдей. Явное превосходство Англійскаго языка по краткости словъ, для всякихъ отраслей учености, и по способности живописно изображать подробности физическихъ предметовъ; оцутительная прибыль, происходящая отъ приспособленія науки къ ремесленности, особенно съ тѣхъ поръ, когда паровыя машины подвинули Англію на высоту еще недостижимую для другихъ Европейцевъ: все сіе побудило тамъ цѣлое общество ученыхъ, подъ предводительствомъ Профессора Ларднера, выдавать постепенно курсы разныхъ частей науки, подъ названіемъ *British Cyclopaedia*. Таковое предпріятіе не имѣло въ виду исключительно ремесленниковъ, какъ Дюпеновъ курсъ Математики, но и людей высшихъ сословій, кои въ молодости своей науками не занимались. Всякій курсъ продается по рознѣ, и мы осмѣливаемся особенно рекомендовать читателямъ механику Ларднера и Оптику Бревсте-

ра (Brewster), кои отличаются ясностію слова и избраніемъ наизанимательнѣйшихъ предметовъ. Наконецъ Г-жа Сомервилъ выдала маленькую книжку подъ названіемъ: *О союзѣ физическихъ наукъ*, заключающую въ себѣ всю премудрость цѣпи познаній человеческихъ. Однимъ словомъ, всѣ старанія сіи клонились къ облегченію дороги во храмъ наукъ для тѣхъ, кои прежде пугались ея непроходимости.

Возвратясь въ наше отечество, послѣ долговременнаго отсутствія, мы съ радостіюзираемъ на возрастающій въ немъ порывъ къ просвѣщенію. По словамъ книгопродавцевъ, требованіе Русскихъ книгъ удесятирилось вънынѣшнее царствованіе; число писателей умножилось; но къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, все сіе ограничивается литературою и нѣкоторыми историческими произведеніями. Даже въ объѣхъ столицахъ, блистательнѣйшіе молодые умы обѣщаютъ своему отечеству только плоды историческихъ, политическихъ и литературныхъ трудовъ. Науки, такъ сказать, остаются назади, исключительнымъ занятіемъ школь, или удѣломъ людей, посвятившихъ себя какой либо отдѣльной части государственной службы. Таковое несогласіе съ ходомъ по сему предмету умовъ въ Европѣ, тогда, какъ во всемъ другомъ наши соотечественники храбро борются съ нею, вовсе для насъ неудобопонятно, и мы изложимъ слышанныя нами объясненія, не позволяя себѣ рѣшить справедливости оныхъ. Нѣкоторые полагаютъ, что издавна у насъ введенная постепенность въ гражданскую жизнь, совсѣмъ не-

известная для Европы, мѣшаетъ способностямъ молодыхъ людей развиваться, и совершенствоваться посвященіемъ многихъ лѣтъ, потому что и при самомъ успѣхѣ не получили бы они въ обществѣ того вѣса и тѣхъ преимуществъ, которые ежедневными и по большой части незначущими канцелярскими упражненіями они необходимо приобретутъ съ теченіемъ времени и съ полученіемъ гражданскихъ чиновъ; что лихорадочное стремленіе, неизбежно мучающее служащихъ и ихъ родственниковъ, къ достиженію таковыхъ повышеній, иногда и не распространяющихъ круга ихъ дѣятельности, но всегда лестныхъ для малаго честолюбія, отнимаетъ покоиство духа, необходимое для наукъ. Бентамъ думалъ противное, думалъ, что таковыя постепенныя поощренія полезны, но послѣ вѣщшихъ изысканій перемѣнилъ свое мнѣніе. Онъ прибавляетъ, что не возможность для самыхъ ревностныхъ начальниковъ, не только молодаго студента, но и взрослога мужа поставить прямо на ту высоту, гдѣ бы великія природныя дарованія, освѣщенныя науками, сдѣлали его истинно полезнымъ, отнимаетъ желаніе имъ предаваться; и наконецъ говорить, что гражданскіе чины, питая еще тщеславіе и по окончаніи службы доставленіемъ въ обществѣ почетнаго отличія, мечтаютъ омиренную науку того блеска, которымъ бы она сама по себѣ сіяла въ уравненномъ гражданскомъ быту дворянства, или другихъ сословій.

Другіе, особливо иностранцы, упрекаютъ соотечественниковъ нашихъ въ недостаткѣ мужной

настойчивости; но можно ли, кажется, сдѣлать таковой упрекъ сотрудникамъ и потомъ исполнителямъ предприятий Петра Великаго? Третьи говорятъ еще, что наши профессоры отвлеченныхъ и естественныхъ наукъ, пріобывши взирать на нихъ только съ точки зрѣнія пользы для военной или морской службы, не пекутся о ихъ дальнѣйшемъ распространеніи, и сіе обвиненіе кажется также неосновательнымъ въ землѣ, гдѣ Эйлеръ оставилъ свой благотворный примѣръ Академіи. Какъ бы то ни было, въ недоумѣніи истинной причины исключительнаго вкуса къ литературѣ, мы съ нашей стороны имѣемъ въ предметъ сею статью возбудить не токмо въ юношахъ, но и въ созрѣломъ читателѣ желаніе къ занятіямъ, которыя новое просвѣщеніе такъ облегчило, что и въ жвѣй полѣ не находятъ большаго затрудненія, въ понятіи правилъ просто и ясно изложенныхъ. Дастъ не наше дѣло, но мы безъ всякаго опасенія опроверженій отъ Европейскихъ ученыхъ говоримъ утвердительно, что никакая царствующая Фамилія въ Европѣ и вообще никакое правленіе не приготовило въ теченіе одного вѣка столь великое количество матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія жажды къ физическимъ познаніямъ, сколько Августѣйшая Фамилія Романовыхъ своему народу. Академія, Университеты, Кабинеты, инструменты всякаго рода, дорогою цѣною купленные, богатія библіотеки, все приглашаетъ не токмо въ обихъ столицахъ, но и во многихъ губернскихъ городахъ юношу и старца во храмъ, гдѣ уже не можетъ пугать нѣтъ таинственный шарлатанизмъ древней учености.

Во время отсутствія нашего произвелась въ Россіи важная перемѣна: общее вниманіе обратилось на выдѣлываніе не однихъ отечественныхъ, но даже и иноземныхъ произведеній. Мы признаемся, что не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые почитаютъ мануфактуры за наилучшее средство къ обогащенію государства. Въ особенности, недостатокъ населенія въ Россіи и химическое изслѣдованіе почвы большей части нашихъ Европейскихъ губерній, доказывающее, что онѣ пользуются исключительнымъ, отъ самой природы полученнымъ удобреніемъ, производящимъ отъ поташа погибшихъ растений, не позволяютъ намъ предпологать, чтобы употребленіе капиталовъ на фабрики было невыгоднѣйшимъ въ такомъ положеніи вещей. Мы признаемъ однако же при семъ новомъ направленіи умовъ ту выгоду, что оно должно непременно возродить потребность механическихъ и химическихъ познаній. Столичный городъ Москва преобразился въ городъ мануфактурный, и дворянство Русское посвятило большіе капиталы на устройство фабрикъ, отъ коихъ зависитъ все ихъ благосостояніе. Большая часть сихъ владѣтелей уже люди пожилые, которые оставили службу, дабы умножить доходы своихъ наследственныхъ имѣній. Если бы науки естественныя все еще заключались въ толстыя Латинскія фоліантахъ, или зависѣли отъ формулъ высокаго анализиса, мы со всѣмъ нашимъ усердіемъ не осмѣлились бы побуждать ихъ къ предпріятію такихъ трудовъ, къ которымъ, увы! единная молодость способна; но благодаря новому направленію Европейскаго просвѣщенія, бібліотека ихъ

можетъ составиться изъ 50 или еще менѣ томовъ , in 8°, на прочтеніе коихъ два года могутъ быть достаточны , безъ всякой помощи учителя. Ободренные первымъ чтеніемъ таковыхъ книгъ , какова Дюпенева и Ларднера Механика , или даже нѣкоторыхъ дешевыхъ такъ называемыхъ *магазинныхъ* , они привыкнутъ ихъ читать , такъ сказать , безъ остановки , какъ нѣкоторые любимые романы , съ тою еще выгодою , что не найдутъ въ оныхъ отравительной пищи народнымъ ненавистямъ , а напротивъ , поощреніе любить все человѣчество .

Дешевизна есть основаніе просвѣщенія нашего вѣка , ибо она предполагаетъ удобоприступность для многаго количества людей къ вещамъ полезнымъ , и отъ того явились diligensы на дорогахъ , омнибусы въ городахъ , паровыя машины на фабрикахъ и стереотипныя изданія въ библіотекахъ . Мелочно распространять познанія , и стараться главное о томъ , чтобы общество заключало менѣ совершенно непросвѣщенныхъ , нежели малое число глубоко ученыхъ людей , есть , можно сказать , въ краткихъ словахъ изображеніе всѣхъ Европейскихъ усній . Мы не знаемъ , сколько таковое направленіе будетъ способствовать къ возвышенію человѣческаго духа , но уже по опыту видимъ полезныя онаго плоды , не только въ отношеніи ремесленности и умноженіи домашняго благосостоянія , но даже и въ важныхъ ежедневныхъ открытіяхъ , неисключительно ученому сословію принадлежащихъ . Читатель простиъ конечно усердію нашему столь длинное всту-

пление къ разсмотрѣнiю осьмушечной книжки, но оно казалось намъ необходимымъ для оправданiя нашего труда. Книжка сiя есть Ежегодникъ издаваемый нѣкоторыми членами Института, подъ простымъ названiемъ: Bureau des longitudes. Цѣна оной въ Парижѣ одинъ Франкъ, несоставляющiй нашего рубля; а едва ли есть во всей Европѣ перiодическое изданiе, заключающее въ такомъ маломъ объемѣ столько полезныхъ свѣдѣнiй для всякаго рода людей. Первыише Профессоры математическихъ и физическихъ наукъ стараются помѣстить въ ономъ занимательнѣйшую статью, принимая въ соображенiе и потребность вкуса, изъясненную въ прошедшемъ году, и нужду времени. Такъ напримѣръ въ Ежегодникѣ 36 года, Профессоръ Араго излагаетъ простымъ слогомъ все извѣстное Астрономiи о той кометѣ, которою мы всѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому любовались, или пугались, по мѣрѣ нашихъ познанiй или предразсудковъ и толкованiй невѣждъ. Собранiе сихъ Ежегодниковъ за нѣсколько лѣтъ составитъ уже библиотечку, достойную уваженiя ума просвѣщеннаго и полезную для всякаго пищу.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о важнѣйшихъ статьяхъ сего Математическаго Календаря. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей не имѣютъ, можетъ быть, яснаго понятiя о Метрической системѣ: постараемся въ нѣсколькихъ словахъ объяснить по крайней мѣрѣ цѣль оной. Потребность имѣть мѣру постоянную, точную, общую для всего государства, и которую бы можно было найти и тогда, когда

бы всѣ физическія изобрѣтенія оной исчезли, побудила Институтъ во Франціи, и потомъ Королевское общество въ Англіи опредѣлить единицу размѣра изъ чего нибудь неизмѣяемаго. Французы избрали меридіанъ долготы земнаго шара, измѣрили градусъ онаго въ разныхъ широтахъ съ величайшею подробностію, и раздѣлили оный на сорока - миллионныя части, которую взяли за единицу мѣры длины и назвали метромъ. Мы назовемъ способъ сей астрономическимъ, и онъ конечно представляетъ въ себѣ нѣчто великое, показывающее силу человѣческаго ума. Англичане, опытомъ удостовѣрясь въ долготѣ маятника, бьющаго секунды на высотахъ Гренича, приняли таковой маятникъ основаніемъ своихъ мѣръ. Читатель конечно не ожидаетъ отъ насъ подробности изложенія системы таковыхъ размѣровъ, но и то, что мы уже сказали, достаточно къ убѣжденію его о пользѣ оныхъ; ибо ни длина меридіана, ни длина маятника, бьющаго секунды, не переизмѣнится одна никогда, а другая въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, такъ, чтобы часть, взятая за единицу, не представляла той же длины, которую имѣла она при началѣ введенія системы. Для вѣса употребили и тѣ и другіе кубическую часть той же единицы, наполнивъ таковую форму дистиллированою водою въ опредѣленномъ мѣстѣ и подъ опредѣленнымъ градусомъ теплоты. Всякой удобно кажется поиметь, что при избраніи тяжести воды для единицы вѣса, они равномерно охранились отъ невѣрности и измѣненія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ

всѣхъ другихъ матеріальныхъ размѣровъ тяжести *.

Читатели наши найдутъ въ началѣ Ежегодника сравнительную таблицу сей Философической системы мѣры съ тѣми, которыя ввели обычая и съ которыми и въ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ земляхъ простолюдинъ съ трудомъ разстается. Греческія названія, для самой продолжительности и распространенія системы неизбѣжныя, долго затрудняли Французскихъ поселянъ и даже городскихъ жителей; но теперь мы сами съ радостію имѣли случай удостовѣриться, что и самыя бѣднѣйшіе между тѣми и другими знаютъ наизусть большую часть десятиричныхъ раздѣленій длины и вѣса. Такимъ образомъ принятія, въ разныхъ губерніяхъ различествующія, хотя того же названія мѣры вѣса и длины, въ контрактѣхъ совсѣмъ уже не употребляются, и худо опредѣленныя слова: *toise, argent, gros, livre* совершенно въ нѣсколько лѣтъ исчезнуть **. Въ таблицѣ о повышеніи морскихъ водъ, тѣ изъ нашихъ читателей, которые сомнѣвались бы въ пользу Астрономіи, убѣдятся въ противномъ. Они усмотрятъ, что исчисленіе Лапласа о совокупномъ дѣйствіи солнца и луны на океанъ, не только приспособлено къ мореплаванію; но и къ успокоенію портовыхъ жителей во Франціи, которые изъ приложенной таблицы узнаютъ и число мѣсяца и самую высоту прибавленія воды въ портахъ. Конечно астрономическій способъ не можетъ быть употребленъ для Балтійскаго моря; но

* Стр. 54.

** Стр. 35.

какъ многіе философы убѣждены, что во всѣхъ физическихъ явленіяхъ можно изъ долготѣхъ, постоянныхъ и разномѣстныхъ примѣчаній извлечь періодическій законъ, то и мы надѣемся, что стараніями вашихъ ученыхъ, прекрасный городъ, Петромъ Великимъ воздвигнутый, не будетъ всегда жить въ темномъ невѣдѣніи о эпохѣ наводненія и даже о правдоподобной высотѣ онаго.

Въ заключеніяхъ, извлеченныхъ изъ таблицъ, движенія народонаселенія во Франціи, находится содержаніе новорожденныхъ мужескаго пола къ женскому какъ 17: 16. Мы не скроемъ отъ нашихъ читателей нашего сомнѣнія, чтобы сей плодъ 17 - лѣтняго наблюденія былъ достаточенъ къ отверженію содержанія новорожденныхъ мужескаго пола къ женскому какъ 21—20, которое не только въ Европѣ, но даже и въ Америкѣ, славный Баронъ Гумбольдъ нашелъ вездѣ справедливымъ. Мы полагаемъ, что еще надобно вѣншіе опыты къ принятію того, который находится въ семъ Ежегодникѣ. Не взирая на сіе разнствованіе, коему болѣе или менѣе всегда статистическіе вопросы подвержены, мы рекомендуемъ однакожъ нашимъ читателямъ таблицу * *о правдоподобіи жизни*, по которой всякой можетъ самъ собою охранить себя отъ обмана, когда захочетъ положить свой капиталъ въ таковой доходъ, который бы со смертію его уничтожился **. Статья о кометѣ, возвратившейся прошлаго Декабря, любо-

* Стран. 59.

** Стран. 189.

пытна не токмо по астрономическимъ, но и по историческимъ своимъ отношеніямъ. Профессоръ Астрономіи Араго соединилъ въ оной все, что доселѣ извѣстно. Нѣтъ уже болѣе сомнѣнія, что комета сія есть та самая, которая испугала Европу въ 1456 году и въ которой суевѣріе тогдашняго времени находило какую-то связь съ успѣхами Оттоманскаго оружія. Хотя слава Галлея, давшаго имя свое сей кометѣ, въ исчисленіи ея 75-лѣтняго вращенія и не оспорима; однако же мы не можемъ не порадоваться тому, что западная ученость неисключительно участвовала въ сей важной услугѣ, оказанной Астрономіи. Нашъ братъ Славянинъ, славный Польской Астрономъ Гевелліусъ, болѣе всѣхъ другихъ облегчилъ Галлею трудъ астрономическаго исчисленія, которое въ древнія времена почлось бы пророческимъ. Мы сами любовались на хранящійся въ Варшавской обсерваторіи глобусъ, принадлежавшій Гевелліусу, на которомъ Польской Астрономъ чертилъ теченіе Галлесвой кометы. Араго утверждаетъ, что прошлогоднѣшнее оной явленіе не принесло новыхъ доказательствъ для новой теоріи Гершеля о эфирѣ, существующемъ въ пространствѣ міровъ. Теорія сія, въ особенности основанная на наблюденіяхъ Прусскаго Астронома Энке, по случаю кометы, носящей его имя и являющейся всякія 7 лѣтъ, предполагаетъ постепенное уменьшеніе фигуры и бѣга кометы, т. е. что онъ, какъ и мы, носятъ признаки своей старости, теряютъ мало по малу посредствомъ тонкаго эфира, обнимающаго все пространство, быстроту своего бѣга, и въ силу всеоб-

щаго закона притяженія, приближаются къ блистательному гробу своему — солнцу. Любопытный читатель найдетъ о семъ предметѣ краснорѣчивую рѣчь Гершеля въ собраніи, о которомъ мы уже говорили подь названіемъ *Britisch Cyclopedia*. Мы надѣемся, что имя сего славнаго мужа не пострадаетъ во мнѣніи людей просвѣщенныхъ, отъ дерзкой наглости какого - то шарлатана въ Америкѣ или въ Голландіи, который въ нынѣшнемъ году выдалъ книжку, въ коей описаны разные предметы, будто бы видѣнные Гершелемъ въ лунѣ, какъ то: строенія, крѣпости, летающія существа, намъ подобныя и пр. Къ стыду Европы книжка сія съ жадностію раскупилась въ обществѣ людей порядочныхъ, вѣрующихъ такому безстыдному обману. Остроумная статья о Гіероглифахъ * не заключаетъ ничего особенно новаго, но примѣчательна по нашему мнѣнію тѣмъ, что она показываетъ, какіе успѣхи Французы, по крайней мѣрѣ ученые, сдѣлали съ временъ Наполеоновыхъ въ отношеніи народнаго и просвѣщеннаго великодушія. Сія какъ будто бы необходимость въ сосѣдственной ненависти, безстыдно признаваемая многими за полезное правило, и которую Министръ Питъ называлъ *черною клеветою на голландское сердце*, такъ мало уже дѣйствуетъ на мнѣніе, что въ спорѣ между Юнгомъ и Шамполиономъ о первенствѣ открытія Египетскаго фигурнаго письма, явно принадлежащемъ послѣднему, Французской ученый почти съ робостію излагаетъ свое

* Стран. 238.

мнѣніе и оканчивается такъ, что, отдавъ справедливость памяти Шамполіона, поставлеть однакожь Англійскаго философа выше своего соотечественника. Остальное содержаніе сего Ежегодника въ особенности писано для мореплавателей, но и въ ономъ найдутъ читатели много полезныхъ свѣдѣній о физической Географіи земнаго шара.

Мы не можемъ при окончаніи удержаться отъ удовольствія выписать приращеніе пространства Парижа.

При Юліи Кесарѣ, за 56 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, первая окружность Парижа содержала .	Гектары.
При Юліанѣ въ 375 г. 2 окружн.	38 78
— Филиппѣ Авг. въ 1221 г. 3 —	15 28
— Карлѣ VI — — 1383 » 4 —	252 85
— Генрихѣ III — — 1581 » 5 —	439 20
— Людовикѣ XIII—1634 » 6 —	483 60
— Людовикѣ XIV—1686 » 7 —	567 80
— Людовикѣ XV —1717 » 8 —	1103 70
— Людовикѣ XVI—1788 —	1338 12
Нынѣ	3370 43
	3450 00

Взглянуть на сію картину труднаго и медленнаго возрастанія баловня вѣковъ и на одностолѣтній Петербургъ, по нашему мнѣнію, есть самое лучшее средство, дабы постигнуть въ единой мигъ все величіе духа Петра Великаго и могущество Его народа.

Князь Козловскій.

ПАРИЖЪ

(ХРОНИКА РУССКАГО).

Не знаю, сберусь ли съ силами написать къ Б? Я такъ морально и интеллектуально охилѣлъ, послѣ шестинедѣльной простуды, что едва ноги таскаю, а въ ногахъ и въ перѣ вся моя умственная сила! Сколько бы должно было измарать страницъ, что бы передать вамъ былъ и небылицы послѣднихъ недѣль, но, право, силъ нѣтъ! Едва въ журналѣ отмѣчено видѣнное, слышенное, читанное! Фіэски, балы, отставки Министровъ, убавка процентовъ. Языкъ мой, врагъ мой, могъ бы сказать и Броглию: къ чему «Est-ce clair?» Ce qui n'est clair dans tout cela, c'est que cette allocution peu aimable pour une chambre si com-

plaisante, a fait couler à fonds le ministère. Я жалю Доктринеровъ: гдѣ найти другаго Guizot для просвѣщенія? Онъ соединяетъ три элемента Европейской цивилизаціи (четвертаго нѣтъ, ибо Славянской не въ счетѣ): Французскій, Англійскій и Германскій (для Итальянскаго онъ выписалъ сюда *Росси*). Вчера было Воскресенье, и день пріемный Эксминистровъ Гизо и Тьера; en courtisans de la chute Ministérielle, я черезъ силу отправился сперва къ Гизо, потомъ къ Тьеру; нашелъ салоны и прихожія полныя посѣтителей и посѣтительницъ: Академики, Депутаты, Перы, искатели Фортуны, *Бодо*, *Дюки*, Генералы — все тутъ было, кромѣ Дипломатическаго Корпуса. Тѣхъ же и то же нашелъ я и у Тьера, гдѣ насъ встрѣчала прелестная, подъ стать мужу, миніатюрная жена его. Они еще не отставлены; но прошенія поданы и приняты Вѣстовщики разносятъ списки новымъ Министрамъ. Угадываютъ *Дюпена* — первымъ Министромъ Юстиціи. Другой братъ Предсѣдатель Академіи, третій Старшиною (*Doyen*) Адвокатовъ, и всѣ трое вездѣ, даже на гробовой доскѣ матери: *ci git la mère des trois Dupin!* (Недавно имъ за это досталось въ судѣ отъ одного оскорбленнаго Автора Адвоката): Почти всѣ увѣрены, что Министры возвратятся въ свои дворцы; увѣряютъ даже, что и очень скоро; но врядъ ли? возвратъ ихъ основанъ на неопытности преемниковъ, коихъ политическія мнѣнія не разнствуютъ существенно отъ Доктринеровъ; а такъ какъ Король не возьметъ никого съ *левой стороны* и не распуститъ тепе-

решней Камеры, то и трудно возобновить *тоже* другими. Вчера Гизо, желая возвратиться къ одной дамѣ, которую оставилъ для того, чтобы встрѣтить другую, сказалъ тому, кто занялъ между тѣмъ его мѣсто: *Permettez, Mr., c'est la seule place que je veux garder.* И для моихъ трудовъ въ Архивѣ эта перемѣна не безъ хлопотъ. Я долженъ былъ еще и прежде кончить работу; но не безъ надежды идти далѣе 1742 года, или по крайней мѣрѣ кончить его. Теперь хотя Mignet и остается главнымъ Архивистомъ, но кто будетъ Министромъ? Да и согласится ли Mignet допускать меня въ Архивъ? я и домогаться этого не буду. Они и безъ того едва не раскаиваются, что впустили козла въ огородъ. — А сколько капусты! чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Лѣсъ вѣковый, но еще послѣдней жизни Исторической! все это прервалось въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны и войны Ея со Швеціею! . . . . Я возвратился сей часъ съ послѣдняго роута моего сосѣда Эксминистра Броглю, гдѣ нашелъ тѣмъ кромешную, т. е. Дипломатовъ, Депутатовъ, Ротшильдовъ, Чиновниковъ, бальныхъ знакомствъ и проч. и узналъ почти навѣрное, что Министерство устроится завтра, (слѣдовательно и отъѣздъ А. можетъ ускориться). Отъ него узнаете, столько же, сколько и изъ газетъ: политическія дразги, а я передамъ вамъ все, что придетъ въ голову изъ другой сферы здѣшней народной государственной жизни. Съ чего начать? съ процесса Фіэски? но вы знаете его подробно изъ журналовъ, и даже всѣ прикосновенныя къ

нему обстоятельства; не достаетъ вамъ портрета его и его товарищей: вотъ одинъ листъ въ пяти лицахъ. Онъ, т. е. Фіэски, точно такъ отвратительно изуродованъ, какъ онъ видимъ въ литографіи; но не такъ старообразъ, какъ въ особомъ листѣ; надъ однимъ вискомъ площадка обритая, послѣ ужасной раны, иногда пластыремъ прикрываемая. *Жизни полный* еще и по сю пору, фарсеръ, Итальянскій *Браво*, но иногда не безъ примѣчательныхъ движеній въ словахъ и въ чувствахъ: напр. одинъ разъ онъ точно поразилъ слушателей, сказавъ: *La mort, c'est ma maitresse à présent*. Но обыкновенно онъ рисуется, даетъ себѣ позиціи и витійствуетъ посвоему, хотя и не всегда натурально. Мореу очень сходенъ, также и другой, особливо *Perin*. Вѣроятно рѣшусь идти смотрѣть казнь ихъ. Для Ч. посылаю двѣ статьи въ *Gas. de France* о Боссюэтѣ. Онъ писаны бывшими Издателями *Quotidienne* и съ большимъ искусствомъ. Куда меня бросило отъ Фіэски? Но, право, что-то не пишется: чтеніе—по случаю болѣзни—отучило меня отъ пера. Кстати о чтеніи: недавно Ламартинъ присылалъ своего пріятеля ** читать отрывокъ изъ своей огромной Поэмы С. П. С—ной: этотъ отрывокъ названъ, кажется, *Jocelyn*. С. П. увѣрила меня, что она ничего лучшаго въ этомъ родѣ не читывала; *tout y est poésie et verité*. Я слышала, что Поэма дойдетъ до двадцати пяти тысячъ стиховъ и что теперь уже болѣе двѣнадцати тысячъ! Даже и къ нему меня не тянетъ; Шатобріана не видалъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ; рѣдко заглядываю къ Рекамье и къ Ба-

ланшу и встрѣчаю знаменитости только въ *рау-тахъ* Министерскихъ и Академическихъ. Погрузился въ Исторію—и недавно нацелъ въ Раумеръ любопытную компіляцію: біографію Императрицы Анны, *Бартольда*. Именно та эпоха, для которой собрано у меня множество Архивскихъ матеріаловъ. Много и въ печатной статьѣ Историческихъ подробностей; но мои драгоценнѣе *et plus authentiques*. Но Бартольдъ искажилъ Историческіе факты своимъ гнуснымъ умничаньемъ. За Рейномъ ужь такъ не пришутъ, а за моремъ и подавно! Я бы се огорчился нимало отставкой Тьера и Гизо, еслибъ она привела ихъ къ отставной ихъ любовницѣ — Исторіи; но врьдъ-ли? Они останутся людьми политическими, и возвратятся скорѣе снова къ портфелямъ, нежели къ перу. Спасибо, что вы хоть по Субботамъ мои письма читаете, и жалѣю, что не зналъ объ этомъ прежде, т. е. тогда, какъ писалъ охотно и обо всемъ. Я не видалъ еще ни одного номера Московскаго Наблюдателя. Я думалъ, что онъ подобѣтъ меня или мою письмо-охотливость; но не тутъ-то было! Мои Вѣнскія, Итальянскія и Парижскія письма, трепетавшія тогдашними новинками, устарѣли и отцвѣли. Недавно была у насъ на вечеринкѣ вдова Бенжамень - Констана, урожденная Ганденбергъ, племянница Князя Министра. Умная и образованная женщина, принимающая живое участие въ серіозной Французско - Нѣмецкой Литтературѣ и даже присутствующая на шарлатанскихъ лекціяхъ Лермиѣе. Она долго о немъ со мною разсуждала, и кажется, мнѣ удалось едва-ли не разоча-

ровать ее на счетъ, болтуна - философа - Профессора, который не выѣхалъ еще изъ Египта въ Историю о народномъ правѣ! Другая дѣвица, лѣтъ 19 Англичанка, Мезофантъ въ юбкѣ; знаетъ очень хорошо восемь языковъ и выучилась по-Русски, такъ что всѣхъ васъ читать можетъ. И собой не дурна, жаль только, что училась Русской грамотѣ и Литтературѣ у **. Я общалъ ей книгъ, но и за ней волочиться нѣкогда! Вообразите, до какого самоотверженія дошло мое Историческое крохоборство! Торопясь кончить 43-й фоліантъ Архивскій, я не пошелъ въ Академію на пріемъ Скриба, коего такъ умно отпѣлъ Вильмень. Ни въ одномъ куплетѣ, ни въ одной пѣсенкѣ Комико - Водевилиста нѣтъ столько чистаго, критическаго остроумія, сколько въ похвалахъ - критикахъ безсмѣннаго Секретаря Академіи. Эта новизна останется примѣрною, и впередъ не все хвалить будутъ въ пріемныхъ привѣтствіяхъ; пора и критикѣ воцариться на Ришельевскомъ трибуналѣ! — Я возилъ Л**ва на послѣдній блестящій балъ Броглю, гдѣ была вся знать, вся Дипломатика, весь людъ нужный, должностный, и красавицы со всѣхъ концовъ Европы, и изъ нашей Митавы.

10 Феврала. Такъ какъ ты Академическія тетради называешь *тряпьемъ*; то я и не посылаю ихъ ни тебѣ, ни въ Москву; совѣтую однакожь прочесть посылаемую мною Араго о Сивіер, о Шапталѣ, о Т. Юнгѣ — и даже Карла Дюпена объ успѣхахъ Математическихъ наукъ. Если

достану Скриба и Вильмена, то пришлю и для тебя. Но какъ же Европейскому Журналисту или даже и не Журналисту обойтись безъ этихъ указателей хода наукъ и просвѣщенія вообще? Я совсѣмъ неохотникъ до наукъ точныхъ, а еще менѣе знатокъ въ оныхъ, но по необходимости долженъ изрѣдка заглядывать въ Академію по понедѣльникамъ для того, чтобы быть au courant главныхъ открытій, даже попытокъ въ томъ, что дѣлается *немногими* для всѣхъ и каждого? Иначе взглядъ на міръ нравственный, на міръ интеллектуальный и даже политическій, будетъ не вѣренъ. Энциклопедическій взглядъ не мѣшаетъ *спеціальности*, и съ тѣхъ поръ, какъ я справляюсь объ успѣхахъ машинъ и о газѣ, я лучше сужу о Лудвигѣ XIV и о Петрѣ Великомъ. Въ наукахъ нравственно-политическихъ соображеній сего рода справка съ другими сестрами - науками еще нужнѣе, почти необходима; напр. въ политической экономіи, въ финансахъ. Впрочемъ и здѣсь Депутаты наканунѣ ораторства твердятъ правила, кои должны руководствовать ихъ въ управленіи государственной финансовой машины. Промахи дорого имъ стоятъ, и не одни Министры падаютъ, но съ ними иногда и кредитъ Государственный! Кстати о наукахъ и о гигантскомъ ходѣ просвѣщенія: миниатюрное доказательство одному прилагаемый у сего *Annuaire du bureau des longitudes* на этотъ годъ, гдѣ статьи *Arago* ставятъ это ежегодное Астрономическое явленіе наряду, если не выше, съ *Лихтенберговыми* Альманахомъ, гдѣ Физикъ - Горбушка Лихтенбергъ, Коментаторъ Гогарда, помѣщалъ свои

открытія въ Физикѣ и Астрономіи, и съ Шубертовымъ Петербургскимъ Нѣмецкимъ календаремъ, гдѣ нашъ Астрономъ и Классическій писатель знакомитъ Россію съ науками и съ Небомъ. Въ *Анньюэръ* статья о *Египетскихъ іероглифахъ* (стр. 238) прекрасная и для насъ понятная. По такимъ книжкамъ можно впрочемъ судить болѣе объ Академіяхъ, нежели о народномъ просвѣщеніи. Прочтите *Араго* о *Т. Юнгъ*; нигдѣ съ такимъ искусствомъ не соединяетъ онъ науки съ біографіей: отличительное качество его похвальныхъ рѣчей въ Академіи. *Fontenelle*, *Cuvier*, *Араго*, каждый въ этомъ родѣ имѣлъ что-то особенное, и каждый сдѣлался классическимъ въ этомъ родѣ.

Полночь. Преодолевъ лѣнь, провелъ пріятный вечеръ у нашей знакомой, которая повторила мнѣ свое мнѣніе о Поэмѣ Ламартина и обрадовала надеждою, что въ теченіи мѣсяца часть оной выйдеть. Стихи (все-го восемьсотъ), кои она слышала, подъ заглавіемъ *les laboureurs, c'est la destinée de l'homme sur la terre et dans le ciel*. Отдѣленіе Поэмы, къ коему эта глава принадлежитъ, изъ восьми тысячъ пяти сотъ стиховъ. Оно уже кончено. Сей Поэмы написано уже до двадцати пяти тысячъ стиховъ. Она не охотница до Ламартина, вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ Мафометанство ему такъ понравилось; но эти стихи хвалить съ необыкновеннымъ восхищеніемъ. «*C'est biblique*». Тутъ нашель я и Дюшессу *St. Simon*, которая издала 24-й томъ записокъ предка своего мужа, и теперъ въ процессѣ съ двумя книгопродав-

цами за второе изданіе, которое будетъ дешевле, если выдѣтъ. Она хлопотала, чтобы ей выдали остальные, никогда непечатанныя записки предка, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, но ей отказали, хотя право Правительства основано на произвольномъ *lettre de cachet*, въ слѣдствіе коего отобранны сін рукописи во время оно. Сверхъ того дѣдъ Дюка С. Симона, писавшаго записки, также написалъ свои записки, въ коихъ также много любопытнаго, и Гизо вытребовалъ ихъ изъ Архива. Она и объ этой рукописи хлопотала, но и въ этомъ отказали. Хотѣлось бы еще померить съ вами о прежнихъ Министрахъ, о Кандидатахъ ихъ, о Берѣ и Дюпенѣ, но сонъ клонитъ, и еще не возвратилась письмо-охотливость, хотя и сегодня написалъ уже пять писемъ и, какъ видите, не краткихъ.

11 *Февраля*. Сей часъ прислали мнѣ два экземпляра рѣчей Вильмена и Скриба: болѣе достать не могъ; ибо они продаются только съ разрѣшенія Академіи, а напечатанные въ Журналахъ врядъ-ли такъ полны, какъ Академическіе.

12 *Февраля, полночь*. Все еще Министерство не составлено и начинаютъ поговаривать для Иностраннаго о Сент-Олерѣ, который Посломъ въ Вѣнѣ. Для меня было бы это очень выгодно, и я снова могъ бы надѣяться попасть въ Архивъ. *On prête un mot à Humann sur la loi financière, qu' on a transformé en loi politique: « C'est bien mon enfant », сказалъ онъ, « mais on l'a changé en nourrice ».* Увѣ-

ряютъ, что сегодня Адвокаты въ дѣлѣ Фіэски были превосходны. Segur-Lamoignon обѣщаль мнѣ или на завтра, или на послѣ завтра, (т. е. вѣроятно на последнее засѣданіе) бидеть. Фіэсковы литографіи продаются дорогою цѣною: увѣряютъ, что онѣ завѣщаль вырученную сумму въ пользу *Шины Лассавъ*. Я провелъ вечеръ съ Баланшомъ, Карне (Авторомъ *Considérations sur l'histoire contemporaine etc. etc.*) Первый рекомендовалъ мнѣ для тебя: *Musset*, *Confessions d'un enfant du siècle*, но если эти два тома послать, то нельзя будетъ послать Кине и пр.

Я давалъ С. П. С. — ной читать *Минье* предисловіе къ Испанской войнѣ: она чрезвычайно хвалитъ его и не ожидала такого взгляда на Исторію и такой методы, какую нашла въ новомъ трудѣ его. Теперь читаетъ она Вильмена предисловіе къ Леккюну и ставитъ его выше всѣхъ другихъ мелкихъ его сочиненій.

Я нашелъ здѣсь у одного собирателя рукописей собраніе писемъ одного Француза-шпіона, Полковника Драгунскаго *Valeroissant*, коего Шуазель въ 1780—782 годахъ послалъ въ Царьградъ помогать тайно Туркамъ и Полякамъ (во время Барокой конфедераціи) противъ насъ. По бѣглому обзорѣнію я замѣтилъ, что это его переписка съ Посломъ Французскимъ въ Турціи Графомъ Сен-при изъ Турецкой арміи, съ воинскими подробностями; но не могу оцѣнить степени исторической важности этихъ бумагъ. Предписаніе Шуазеля шпіону оригинальное

за его подписью: онъ предписываетъ ему скрывать отъ Русскихъ цѣль даннаго ему порученія. Важень фактъ, что Франція подбивала и помогала Туркамъ и Полякамъ, будучи въ дружбѣ съ нами; но фактъ этотъ мы знаемъ. Подробностей войны и сшибокъ съ Турками также много. У него же купилъ я вѣроятно оригинальную рукопись о Петрѣ, Екатеринѣ I, Меншиковѣ и проч., другая копія хранится въ Королевской Библіотекѣ и мною переписана.

О Фіэски: увѣряютъ, что по всей дорогѣ отъ тюрьмы до мѣста казни ни одного окна нѣтъ не занятого; а что увидить это кровавое любопытство? одну фуру закрытую, фуру съ преступникомъ или съ преступниками; ибо съ недавняго времени возятъ къ гиліотинѣ уже не показывая жертвъ правосудія.

14 *Февраля, Воскресенье.* Разлученный съ Архивомъ вчера провелъ день по прежнему: прочитавъ журналы, отправился въ Камеру Перовъ, но мой билетъ былъ на 16-е засѣданіе, т. е. на сегодня, а вчера было 15-е въ дѣлѣ Фіэски, и я возвратился въ Rue Toumon, осмотрѣвъ литературныя новости, у *Ренуара* встрѣтилъ *** и **. Онѣ возвращались отъ Дюшессы Деказь, живущей въ самомъ Люксембургѣ; она показывала сквозь потаенное отверстіе Камеру и подсудимыхъ (Дамъ въ Камеру Перовъ не пускаютъ). Она увѣрляла ихъ, что сегодня уже не будетъ открытаго для публики засѣданія, что Шеры хотятъ непременно кончить судъ, хотя бы засѣданіе должно было продолжаться за полночь,

что Референдарій и обѣдъ для нихъ заготовилъ: слѣдовательно мой билетъ былъ для меня бесполезенъ. Поболтавъ съ М., пошелъ разносить карточки и себя по Сенжерменскому предмѣстью; поболталъ у Мортемарши; она пользуется правомъ тобою ей даннымъ и *медленно сплываетъ* отвѣчать тебѣ. Отъ нее къ М-me Récamier, въ которой нашелъ ужасную перемену, продолжительнымъ нездоровьемъ произведенную; но мила по прежнему, и я подосадовалъ на самого себя или на свои Архивскія хлопоты, что такъ долго лишалъ себя этой бесѣды. Шатобрианъ, говоря о Франціи, о теперешнихъ обстоятельствахъ и пр., оживился какимъ-то необыкновеннымъ жаромъ: тутъ былъ Баланшъ, всегда остроумный и *откровенный* наблюдатель Beaumont, сотрудникъ Токевиля Chateauevieux, Писатель Женевскій и Секретарь Государственнаго Совѣта, который привезъ намъ свѣжія вѣсти изъ Камеры Депутатовъ о возможности сложенія стараго Министерства на новый ладъ. Првнія наши начались о политическихъ партіяхъ, о вліяніи оныхъ на салоны и на все общество Парижское; вспомнили давно-прошедшее. М-me Récamier рассказала какъ *встарину* встрѣчались у нее Бареры съ Роялистами и не разстроивали салона, что даже и въ мое время, въ ресторацію, люди различныхъ партій и совершенно противоположныхъ мыслей, Mathieu Montmorancy съ Издателями Constitutionel и т. п., сходились у ней, и у того же камина любезничали и грѣлись; но что теперь этого сближенія лицъ, безъ сближенія мыслей, нѣтъ уже болѣе, что она часто въ большомъ затрудне-

ни отъ встрѣчъ разнородныхъ, хотя и одного и того же класса общества: именно сіе разномысліе въ *той-же* классѣ и причиной бѣльшаго, хотя и не сильнаго ожесточенія. Шатобріанъ прекрасною фразою резюмировалъ ея замѣчанія. Но я заспалъ форму оной, ибо вчера записать не успѣлъ: *Les Royalistes se rencontraient avec d'autres partis; maintenant ils se rencontrent avec eux mêmes*, но въ разныхъ отгѣнкахъ, и ожесточеніе сильнѣе. Удивлялись энтузіазму Ламартина къ Фіэски: онъ бываетъ почти на каждомъ засѣданіи Камеры Перовъ. Тѣмъ лучше: впечатлѣнія суда и фанфаронства злодѣя передастъ онъ въ стихахъ сильныхъ, и Поэзія найдетъ, если не новые образы, то новыя наблюденія въ Психологій. Я проболталъ до 6 часа у *милой* *rag excellence* и отъ Фіэски перешли мы къ Сенсимонистамъ, къ Нѣмецкой философіи и пр. и пр. Ноутру звала меня на пріятельскій обѣдъ *Thécla S. en s'excusant de la tardive invitation*, я отвѣчалъ: *qu'en poésie, comme en fait de bon diner, le tems ne faisoit rien à l'affaire*—и явился. Туда принесли намъ и вечернюю газету съ извѣстіемъ, que «*la séance a été levée pour être reprise demain dimanche à une heure*». Фіэски не успѣлъ говорить въ послѣдній разъ; послѣднее слово еще не выговарено, и я, отзавтракавъ поранѣе и пробѣжавъ колонны Курьера, въ 11 часу буду уже въ Камерѣ Перовъ...

Кончилъ вечеръ на балѣ у *M-me Ancelot*; Субботнюю вечеринку на масляницѣ превращаетъ она въ балъ, гдѣ толпа всякой всячины, со всѣхъ ком-

цевъ Парижа, всѣхъ мнѣній и всѣхъ Академій и пр. въ комнатѣ двухъ-оконной, толкалась въ кадрилѣ; но потолковавъ съ Монмерке объ Историческомъ Бюлетенѣ и о рукописяхъ о Россіи, съ Мериме о литературныхъ Жовинкахъ, въ полночь я былъ уже въ постель съ Дворомъ Людвига XIV, который все еще царствуетъ, кажется кое-гдѣ въ закоулкахъ Сенжерменскаго предмѣстья. Но пора въ Камеру — оттуда, если участь Фіэски и процесса кончится до 7 часовъ вечера, отправлюсь на фамильный обѣдъ къ Г. Шленкуръ, если нѣтъ, то останусь до самаго нельзя. Турецкій Посоль даетъ обѣды и льетъ Шампанское; вчера угощалъ онъ здѣшнихъ ученыхъ: само собою разумѣется, что Ориенталистъ *Sylvestre de Sacy* былъ однимъ изъ почетныхъ гостей его. Досада на тѣхъ, кои вторятъ еще съ Вольтеромъ: *c'est du nord aujourd' hui que nous vient la lumière*, заставляетъ Журналистовъ превозносить Царградскаго Мецената.

Кое-какъ добрелъ я домой, встрѣчая маски и блестящіе экипажи, кои провожали маслиницу. Народное веселье меня какъ-то потревожило. Но скоро заболтался и я за обѣдомъ съ Поэтомъ *Gans*, который въ Саратовскихъ степяхъ у Скорятиныхъ написалъ два волюма стиховъ, между коими и Поэма: Моисей. Кажется въ стихахъ есть и Поэзія. Тутъ же былъ и Издатель записокъ *du Duc de Srequey*. Кончилъ вечеръ у С—ой и точно хотѣлось *отвести съ ней дуину* и повѣрить впечатлѣнія, полученныя поутру.

Гансъ, учитель Скорятиныхъ, читалъ намъ вчера изъ одного своего волюма переводъ Цыгановъ; кажется, очень вѣрно и удачно переведено.

16 *Февраля*. Вчера расплатился я съ писцами въ Архивъ — и унесъ изъ моей каморки всѣ мои бумаги! На моемъ столѣ работаетъ уже Vignon! Вы скорѣ прочтете, вѣроятно, его умную компиляцію, нежели мои голыя выписки; но для Русскихъ мой вредъ ли не любопытнѣе?

Между тѣмъ сіяетъ весеннее солнце; народъ толпится на всѣхъ улицахъ: я встрѣтилъ *жирнаго быка* le boeuf gras (въ 3,000 пудъ), покрытаго бархатно-атласнымъ покрываломъ и погремушками, въ сопровожденіи музыки, паясовъ, жандармовъ и Франконіевой кавалеріи: шумно и какъ будто весело, а воображенію чудится Фізски босый и подъ чернымъ покровомъ и вдали три головы на воздухъ! Досадно, что эта кровавая площадь въ сосѣдствѣ Реге Lachaise (кладбище): тамъ инаго рода воспоминація, тамъ грусть и печаль безъ ужасовъ; иду толкаться въ толпахъ народа: авось встрѣтимъ—быка! Можетъ быть ввечеру въ маскарадъ — къ *Мюсару*; но вредъ ли? Въ салонъ С — ной пріятнѣе, и въ моемъ кабинетѣ тише и даже забавнѣе; ибо Сен-Симонъ рассказываетъ мнѣ важно важныя пустяки Двора важнаго Лудвига XIV.

Вчера былъ послѣдній день здѣшней масляницы и первый Парижской весны. Солнце блистало. Я

встрѣтилъ *жирнаго быка*, коего угощаль одинъ мясникъ виномъ, передъ лавкой своей, увѣшенной говядиной и гирландами. Оттуда гость съ шумными своими провожатыми отправился съ визитами къ Королю, Министрамъ и по Сенжерменскому предмѣстью, гдѣ въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ никогда не отказываютъ ему въ угощеніи. Вездѣ дарили и деньгами Амура, который сходилъ для принятія даровъ съ колесницы своей. Въ три часа я отправился бродить по бульварамъ, гдѣ экипажи тянулись въ два ряда (ливрейные имѣютъ право занимать, съ масками, средину). Толпы тѣснились по обѣимъ сторонамъ бульвара. Окна унизаны были зрителями и шляпками. Маски, фуръ и коляски съ разноцвѣтными костюмами, кавалькады тянулись отъ храма Магдалины до Бастиліи. Полиціи мало, порядокъ сохранялся самъ собою, почти какъ въ Римѣ на Святой недѣлѣ, гдѣ во все время не случилось ни одного несчастія, и гдѣ еще тѣснѣе бульварной масляницы. Одна изъ многочислѣннѣйшихъ фуръ съ масками заѣхала къ *Тортони*; изъ оконъ началась съ толпою перестрѣлка букетами, конфектами, апельсинами; Тортони затворилъ ставни. Мы прогуляли до 5 часовъ. Вечеру маски разѣзжались съ факелами. Я отказался отъ *Мюсара* и провелъ вечеръ въ чтеніи Токевиля о *демокраціи* (въ Америкѣ). Талейранъ называетъ его книгу умнѣйшею и примѣчательнѣйшею книгою нашего времени; а онъ знаетъ и Америку, и самъ Аристократъ, такъ какъ и Токевиль, котораго всё связи съ Сенжерменскимъ предмѣстьемъ. Вы согласитесь съ за-

ключеніемъ Автора. «On remarque aujourd'hui moins de difference entre les Européens et les descendans du nouveau monde, malgré l'océan qui les divise, qu'entre certaines villes du treizieme siecle qui n'étaient separées que par une rivière. Si ce mouvement d'assimilation rapproche des peuples étrangers, à plus forte raison il s'oppose à ce que les rejetons du même peuple deviennent étrangers les uns aux autres» и т. д. Авторъ кончитъ сближеніемъ двухъ противоположныхъ народовъ: Русскихъ и Англо-Американцевъ. Leur point de depart est different, leurs voies sont diverses; néanmoins chacun d'eux semble appelé par un dessein secret de la Providence á tenir un jour dans ses mains les destinées de la moitié du monde.

Вчера сіяло солнце и грѣла насъ весна: сегодня постъ и пошелъ снѣгъ. На улицахъ кое-гдѣ запоздалые провожаютъ масляницу. Кухарка наша возвратилась съ балу въ 6 часовъ утра.

Безъ масляницы не узнаешь вполнѣ Парижа. Нигдѣ нѣтъ такой суматохи: всѣ пляшутъ, почти въ каждомъ домѣ балъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кварталахъ. Работница á 25 sols par jour, несетъ послѣдній Франкъ на балъ и въ нарядную лавку. Пьяныхъ меньше, но веселыхъ болѣе. Увѣряютъ, что никогда еще такой свалки экипажей и пѣшиходцевъ не бывало на гуляньяхъ и въ маскарадахъ. Начнутся проповѣди въ Notre-Dame и въ главныхъ церквахъ, но посѣтителей будетъ болѣе изъ высшаго класса. Въ Воскресенье въ Notre-Dame начнетъ свои поученія Лакордеръ, экс-сотрудникъ Ла-

мене. Надобно заранѣе записаться мѣстомъ, иначе не услышишь его. Постараюсь не пропустить ни одной проповѣди. Есть и другіе Духовные Ораторы, но менѣе блистательные.

Я видѣлъ сей часъ въ мастерской M me Lefranc, племянницы M me Lebguin, сходный портретъ *Жанена* и актрисы Volny (г. е. Leontine Fay) въ роль Еврейки, когда она пишетъ роковое письмо. Сходства много; отдѣлка золотомъ шитаго бѣлаго платья прекрасная; и въ портретъ бѣдная бѣлизна оригинала. Не могу привыкнуть ни къ здѣшнимъ выставкамъ, ни къ здѣшнимъ картиннымъ галлереймъ послѣ Итальянскихъ.

Полночь. Старецъ Буанароти (потомокъ Микель - Анджело) обѣдалъ у насъ. Онъ живая хроника послѣдняго полуувѣка; вотъ вкратцѣ жизнь его. Онъ былъ въ молодости другомъ Тосканскаго Преобразователя Леопольда; и до революціи еще, оставивъ отечество, пріѣхалъ во Францію. Здѣсь оболестили его первыя идеи революціи: онъ написалъ къ Леопольду, отсылая ему Тосканскій орденъ его, что онъ душою и помышленіемъ принадлежитъ тогдашней Франціи и не можетъ ужиться въ отечествѣ. Съ тѣхъ поръ дѣйствовалъ онъ въ сферѣ, въ которой кружилась тогда Франція: Дирекгорія посадила его въ тюрьму. Наполеонъ его не освободилъ; но во все время его владычества онъ жилъ или по тюрьмамъ, или по городамъ, подъ присмотромъ, гдѣ засталъ его и 1814 годъ. Въ заговорѣ, Бабеномъ описанномъ, его едва не повѣсили. Послѣ 1814 года онъ скитался въ бѣдности,

жилъ трудами и не принималъ помощи ни отъ богатаго сына, въ Сіенѣ живущаго, ни отъ пріятелей: теперь *Voyer d'Argenson* даетъ ему канурку, гдѣ онъ философомъ доживаетъ вѣкъ, одинъ, съ воспоминаніями. Дряхлая жена въ бѣдности въ Женевѣ. Онъ характеризуетъ многихъ прекрасно и рассказываетъ подробности о происшествіяхъ и лицахъ, не многимъ извѣстныхъ. Въ молодости и послѣ коротко знавалъ Наполеона; въ Корсикѣ жилъ въ домѣ его матери и, когда Наполеонъ пріѣзжалъ повидаться съ нею, то въ послѣднюю ночь, которую Подпоручикъ Буонапарте провелъ въ домѣ родительскомъ, Буонаротти спалъ съ нимъ на одной постели. Съ тѣхъ поръ они иногда ссорились, но никогда не мирились. Буонапарте попалъ на тронъ, Буонаротти въ тюрьму.

Я надѣялся видѣть *M-lle Mars* въ *Mariage de Figaro* и пошелъ во Французскій театръ, но обманулся; давали *Marino Faliero*, котораго видалъ не разъ. Я зашелъ въ театръ *du palais Royal* и изъ четырехъ пьесъ видѣлъ двѣ съ половиною. *L'autonier du Regiment* очень забавенъ: Онъ на сценѣ сперва въ своемъ костюмѣ, но послѣ въ Егерскомъ! Поѣтъ, любезничаетъ и спасаетъ честь своего брата; забываясь, иногда дѣлаетъ пастырскія увѣщанія. Другая пьеса: *les chansons de Desaugiers*, очень забавна: всѣ его пѣсни въ лицахъ и онъ самъ на сценѣ. Во второмъ актѣ олицетворена пѣсня: *Souvenez-vous-en!* въ третьемъ сцена съ живописцемъ и съ его моделью. Все знакомое, но все оживлено

дѣйствиємъ. Лафонтеновскій характеръ Дезожье изображенъ въ анекдотахъ его жизни и въ пѣсняхъ его, коими онъ выкупалъ изъ тюрьмы, давалъ приданое. Скрибъ называетъ его: «Le premier chansonnier peut-être de tous les tems, qui faisoit des chansons, comme Lafontaine faisoit des fables,» Въ послѣднемъ актѣ не забыть и Beranger.

Всѣ мои письма отсылайте къ ***; я ихъ пишу болѣе для себя, чѣмъ для васъ.

18 *Февраля*. Министерство все еще не сложилось: увѣряютъ, что Монтебелло, мой пріятель, котораго и Ж. знаетъ, воспитанникъ Кузена, будетъ Министромъ Просвѣщенія. Лучше бы ему оставаться Посломъ въ Бернѣ! Върнѣе.

Стезя величія къ *отставкѣ* насъ ведетъ.

Я разбираю теперь собранныя мною въ двухъ Архивахъ сокровища и привожу ихъ въ порядокъ: бумаги Иностраннаго Архива по хронологическому порядку, а другія по матеріямъ. Начальство Архива, вѣроятно съ вѣдома Министра, пересмотрѣвъ всѣ мои бумаги, кромѣ тѣхъ, кои я самъ переписалъ, вынуло нѣсколько листовъ, кои почитаетъ неприличнымъ для сообщенія въ чужія руки; но нѣкоторыя изъ сихъ бумагъ извѣстны мнѣ по содержанию; другія я самъ переписалъ въ свои тетради, и слѣдовательно потеря почти ничтожная. Существенный трудъ будетъ состоять въ перепискѣ и въ приведеніи въ порядокъ моихъ собственноручныхъ оцѣнокъ; ибо часто я оцѣнчалъ наскоро, по Русе

ски и по Французски, смотря по удобства; но всегда съ педантическою точностію. Конечно много и неважнаго; но большая часть существенно принадлежитъ Исторіи, для нее необходима. Всѣ списки на большой бумагѣ, самой огромной величины, какую я найти могъ; писано довольно мелко — и конечно болѣе двухъ сотъ листовъ, а если считать все переписанное, то дойдетъ и до четырехъ сотъ. Сверхъ того есть и другіе акты. Окончательный трудъ будетъ въ Москвѣ, на досугъ и, если позволить, съ помощію Московскаго Архива и его чиновниковъ.

Б. М. Ф. издалъ еще какой-то сборникъ: если въ немъ есть что либо изъ моего Архива, напр. о Карамзинѣ и проч.; то не худо бы прислать его ко мнѣ, съ журналомъ, который такъ исправно посылаетъ почтенный и любезный С** *. Обоимъ кланяюсь всѣмъ сердцемъ.

Я возвратился сейчасъ отъ братьевъ Сіамцевъ: les jumeaux-Siamois, и жалю, что прежде не побывалъ у нихъ, когда еще статья, напечатанная въ журналѣ Дебатовъ, не выпарилась изъ головы моей. Я ожидалъ найти двухъ сросшихся уродовъ, но нашелъ двухъ хорошо и опрятно одѣтыхъ мальчиковъ, двадцати четырехъ лѣтъ, хотя по росту и лицу имъ этихъ лѣтъ и нельзя дать; куртка, панталоны; бѣлье съ модными запанками. Черноволосые и сбиваются на Китайскія или Калмыцкія фізіономіи; довольно смуглые. Они встрѣтили меня

Англійскимъ привѣтомъ и подошли ко мнѣ; я взялъ ихъ за руки; но, признаюсь, долго не могъ рѣшиться пристально смотрѣть на кожаный, живый рукавъ, который на половинѣ бока связываетъ тѣла ихъ.

Я не Физиологъ и не обязанъ дѣлать наблюденія надъ печальною игрою природы. Mr. Bolot (professeur de langues et d'éloquence pratique), служащій имъ дядькою и объяснителемъ для публики, рассказывалъ намъ свои наблюденія, увѣряя, что въ психологическомъ отношеніи это явленіе труднѣе объяснить, чѣмъ въ физиологическомъ. Они любятъ другъ друга *братски*; съ самаго младенчества привычки, пища и сонъ, все было имъ общее, они просыпаются и засыпаютъ въ одинъ моментъ; принимаютъ одну и ту же пищу и въ одно время; вкусы ихъ одинаковы, какъ физическіе такъ и интеллектуальные, въ одно время развернулись ихъ способности, зажглась въ нихъ искра божества: умъ. Они оба любятъ лучше читать поэтовъ, чѣмъ прозаиковъ — Шекспира, Байрона. Выучились языкамъ: Англійскому и Французскому, съ одинаковымъ успѣхомъ. Последнему недавно начали учиться и уже понимаютъ много и кое-какъ говорятъ. Сверхъ того они знаютъ по Китайски и по Сіямски: языки сіи, какъ увѣрялъ меня Mr. Bolot, совершенно различны, хотя народы, ими говорящіе, и сосѣды. Они почти всегда веселы и во взаимной любви находятъ источникъ наслажденій. Странно было видѣть ихъ въ ходьбѣ, или въ разговорѣ другъ съ другомъ

сидятся , встають въ одинъ моментъ , какъ будто повинувась единственному движенію невидимой воли. Къ родителямъ пишутъ всегда заодно , говоря : *я* , а не *мы* , хотя это *я* и къ обоимъ относится. Желаютъ , собравъ капиталъ достаточной , возвратиться восвояси , и спѣшать выѣхать изъ Парижа ; ибо , странное дѣло ! здѣсь они менѣе всего , судя по пропорціи многолюдства , собрали денегъ , чѣмъ въ другихъ городахъ. Не удивительно ! До нихъ ли ? Здѣсь и Ласенеръ и Фіэски и Камеры — и смѣна Министровъ и бульвары и вѣчно полные театры ! Да и кто здѣсь дѣлалъ надъ ними наблюденія ? Но фیزیологи часто являлись. Geoffroy de St. Hilaire , Flourens—Cuvier уже нѣтъ ! Но по части Психологіи ? Учитель Реторики ! Изъ разговора его замѣтилъ я , что онъ не имѣетъ первыхъ началъ науки о душѣ и о связи ея съ тѣломъ ! Вообразите себѣ Blumenбаха или Крейсига — и предоставьте сію двойчатку Шуберту , подъ высшимъ надзоромъ друга и наставника его Шеллинга. Какими результатами обогатили бы они , каждый по своей части , науку о человѣкѣ ! Афишка дастъ вамъ слабое понятіе о ихъ наружности. Если удосужусь , то еще разъ побываю у нихъ , и постараюсь предупредить толпу , дабы наединѣ побесѣдовать съ ними. Вечеръ провелъ я въ трехъ Русскихъ салонахъ ; поболталъ о матушкѣ Москвѣ ; поспорилъ съ Издателемъ de la France , *Делилемъ* , о нравственномъ состояніи Франціи , и пролюбезничалъ за полночь съ нашими дамами : М. К. Ш. и проч. Тамъ узналъ я , что въ 8 часовъ утра на другой день совершится казнь трехъ пре-

ступниковъ; но принужденъ былъ дать слово дамамъ нейти туда—и сдержалъ его.

19 *Февраля*. Она совершилась и я тамъ не былъ. *Пепень* ничего не открылъ новаго о другихъ, но болѣе еще обвинилъ себя. Журналисты оппозицій возстаютъ за то, что его жену допускали менѣе и на кратчайшій срокъ къ нему, чѣмъ Нину къ Фіэски. Но пора развеселить васъ *цогътами Луизы Colet (née Pervil)*. Я нашелъ ихъ вчера въ окнѣ книгопродавца: *Fleurs du midi, Poésie par Louise Colet*, и вспомнилъ, что мнѣ, кажется, когда-то о нихъ говаривалъ Шатобріанъ, коего именемъ, то есть похвалою, желала она украсить заглавіе своей книжки. Шатобріанъ отказалъ, но такъ, что и отказъ служить ей комплиментомъ. Два письма его напечатаны въ предисловіи. Въ нихъ, кромѣ комплиментовъ, есть что-то похожее и на глубокое чувство, и почти на мысль: *Permettez moi, toute fois de Vous dire, avec ma vieille expérience, que Vous louez beaucoup trop le malheur; la peine ignorée vous a dictée des stances pleines de charme et de mélancolie; la douleur connue n'inspire pas si bien. Ne dites plus: Laissez les jours de joie à des mortels obscurs. (Tourmens du Poète p. 10.)*

« Il faut maintenant prier pour Vous même, Madame, quant à moi, je demande au ciel qu'il ne sépare jamais pour Vous le bonheur de la gloire. »

Я, кажется, вамъ писалъ о кандидатствѣ Моле въ Академіи, на ваканцію Лене. Il y avoit hier trois

concurrans, Molé, Hugo et Dupaty. Mr Molé qui saisissait déjà la présidence — n'est *pas même Académicien* ; c'est Dupaty qui a obtenu la majorité. On dit que ce sont les Académiciens du tiers parti qui n'ont pas voulu de lui, en disant : « Il n'a pas voulu de nous pour collègues, nous ne pouvions pas vouloir de lui pour confrère ». J'en suis d'autant plus fâché pour Ballanche, car ceux qui lui ont conseillé de ne pas se mettre sur les rangs, ne l'ont fait que dans l'espérance de faire entrer Mr Molé. Je n'ai pas pu encore me procurer son ouvrage des années 1806 et 1809. On dit qu'il y est le Platon de l'absolutisme.

19 *Февраля. Вечеръ*. Сего дня обѣдалъ я у Лежитимистовъ и съ Лежитимистками и кончилъ вечеръ у Полурусскихъ съ Русскими. Сообщу вамъ четверной каламбуръ : « Pour être aimé de son peuple il faut au Roi des Grecs quatre choses : coton, soie, fil et laine » (Qu'Othon soit philhellène).

Поутру осматривалъ бронзовый Surtout, который Посоль нашъ заказалъ за сорокъ тысячъ франковъ dans le gout de la Renaissance, первому бронзовому мастеру въ Парижѣ. Журналы разхвалили его и богачи слѣзжаются въ магазинъ любоваться. Послѣ завтра увидить его и Король. Въ самомъ дѣлѣ отдѣлка прекрасная. Тутъ же и бронзово-малахитовый храмъ, сдѣланный по заказу Д—ова для одного изъ дворцовъ въ С. Петербургѣ.

Въ Генварской книжкѣ этого года London Review нѣсколько превосходныхъ статей, въ числѣ литературныхъ: о лекціяхъ Гизо и о новой книгѣ Гюго *les chants du Crepuscule*. Описавъ наружность и характеръ и всю жизнь Гюго, онъ разбираетъ его какъ Поэта и, кажется, довольно безпристрастно: прекрасная характеристика Байрона и Вегангер и опять о Гюго. Кончить предвѣщаніемъ близкой литературной кончины Гюго. Но мнѣ недосугъ выписывать именно тѣ сужденія, съ коими хотѣлось васъ познакомить и кои такъ безпристрастно, съ Англійскимъ практическимъ взглядомъ на Поэзію и на Поэтовъ, изложены. Въ концѣ разборъ сочиненія Гюго. Какъ ни говори, а все онъ имѣлъ болѣе права занять мѣсто въ Академіи, чѣмъ Дюпати, почти забытый водевилистъ, коему Скрибъ проложилъ туда дорогу. Если бы въ Академіи шло дѣло объ однихъ талантахъ, то Лирикъ Гюго конечно можетъ быть соседомъ Ламартина и пр. Но тамъ, по завѣщанію *Монтюна*, раздають призы скромной добродѣтели: согласится ли юная дѣва принять вѣнецъ изъ рукъ того, о коемъ можно бы сказать: «Мать дочери *pretit* стихи его читать!»

Скажутъ, что Академія не церковь; что тамъ не проповѣдуютъ, и что Пѣвецъ Орлеанской дѣвы былъ красой ея—но съ тѣхъ поръ *Cuvier* исполнялъ строгое завѣщаніе добродушнаго Монтюна, и Академія навсегда приняла на себя сію обязанность.

Скажутъ , что Гюго образцовый мужъ , образцовый отецъ семейства ; но Академія , но Публика знаютъ его по нѣкоторымъ пьесамъ , по множеству стиховъ , кои не могутъ быть образцовыми въ нравственномъ отношеніи.

22 *Февраля*. Я не успѣлъ кончить дневника моего, ибо съ утра до вечера былъ три дня въ хлопотахъ. М-те. S. приняла меня въ своей уборной, которую убрала она во вкусъ Маркизиши Лудв. XV. и общала отпрать съ *Лебуромъ* нѣсколько книжекъ, о коихъ увѣдомлю въ концѣ письма. Отъ нея прошелъ я къ Б. которая познакомила меня съ прелестными стихами Гишпанскими и съ Адвокатомъ Ораторомъ Вегуер, коего по сіе время знавалъ я только au Palais de Justice и въ Камерѣ Депутатовъ. Она учится по Гишпански и перевела мнѣ нѣсколько оригинальныхъ стиховъ , кои хотѣлось бы мнѣ запомнить. Къ ней собирается весь высшій кругъ, по Воскресеньямъ, до обѣда ; но *немногихъ* принимаетъ она въ тотъ же часъ по Субботамъ. Я радъ былъ встрѣтить Берье и поболтать съ нимъ о дѣлѣ и о музыкѣ. Онъ любитъ *жизнь* и любитъ жизнь въ большомъ свѣтѣ и съ Артистами ; страстенъ къ Итальянской музыкѣ и въ связи съ Россини и проч. но охотникъ говорить и о дѣлахъ Государственныхъ ; не смотря на Легитимизмъ, видитъ его съ высока, такъ какъ и всѣ вещи и людей, имѣющихъ вліяніе на были и небылицы вѣка сего. Отъ любезной вѣграницы прошелъ онъ къ С. которая не надивится универсальности и его глубоко-

мыслию и таланту, съ коимъ и то и другое выражаетъ онъ въ рѣчахъ своихъ и въ разговорѣ. Возвращаясь отъ М. встрѣтилъ я (полу-отставнаго тогда, а сегодня уже совершенно отставнаго) Министра Гизо; мы пожали другъ другу руку и онъ приглашалъ меня въ свой скромный домикъ Rue Ville l'Evêque, гдѣ я видалъ его чаще, нежели въ Министерскихъ палатахъ его Сенжерменскаго предмѣстья. Вечеръ провелъ у С., и кончилъ у Ш. съ Русскими дамами и съ Литтераторомъ St. Felix; но одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ дней въ моей Парижской жизни — Воскресенье' первое поста, 21 Февраля. Въ одно утро слышалъ я двѣ проповѣди: одну въ Соборѣ Notre Dame, гдѣ молодой (34 лѣтъ) Лакордеръ проповѣдывалъ, или лучше сказать импровизировалъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, съ чувствомъ непритворнымъ и съ вѣрою истинною и внутреннею. Я прѣхалъ туда въ одиннадцать съ половиною и нашелъ уже почти всю церковь полною; кое-какъ пробрался я поближе къ кафедрѣ, у коей пріятель заготовилъ для меня стулъ. Въ часъ вся церковь огромная и пространныя, съ хорами и переходами, наполнилась большей частию молодежью; на хорахъ были и дамы. Парижскій Архіерей съ причетомъ и четверо другихъ Епископовъ прибыли къ проповѣди. Лакордеръ, хотя слабый грудью и разстроенный потерю недавно матери, говорилъ часъ съ искреннимъ, сильнымъ убѣжденіемъ. Я еще ничего подобнаго во Французскихъ церквахъ не слышалъ. Въ Берлинѣ слышалъ я часто Шлейермахера, въ Англіи и въ Шотландіи другихъ зна-

менитыхъ проповѣдниковъ; но Католическаго, сильнаго Оратора слышу я въ первый разъ, и какого же? Не подражателя другимъ образцовымъ Французскимъ ораторамъ; а самобытнаго, оригинальнаго. Въ Лакордеръ есть много Боссюэтовскаго, но это Боссюэтъ, прочитавшій Ламене и знающій умственныя буйства нашего вѣка, Раціонализмъ и Мистицизмъ Германіи, Сен-Симонистовъ и проч. Иногда онъ удивляетъ глубокомысліемъ, какъ Паскаль, и смѣлыми, оригинальными оборотами и выраженіями, кои въ другомъ показались бы площадными. Онъ приводилъ слушателей въ какой-то энтузіазмъ и точно поражалъ ихъ словомъ своимъ. Съ какимъ глубокимъ знаніемъ природы и характера нѣкоторыхъ системъ философскихъ обозрѣлъ онъ ихъ хотя бѣгло, но достаточно для убѣжденія слушателей. Онъ характеризировалъ Раціоналистовъ и Мистиковъ. Первыхъ находить уже въ вѣкѣ Августа, а потомъ за три столѣтія до насъ. Последнихъ доводитъ онъ до самаго пункта, гдѣ они прикосновенны, такъ сказать, самой Церкви, и здѣсь остановился онъ въ сей блистательной и вѣрной характеристикѣ до слѣдующаго Воскресенья. Были движенія истинно Ораторскія, но какъ ихъ упомянуть! Я записалъ нѣкоторыя *обрывки*, кои напоминаютъ мнѣ только мысль его; но порывы краснорѣчія неосязаемы и должны быть представлены въ связи съ главною мыслию. Въ заключеніи прекрасно сказалъ онъ, кажется, о Словѣ Божіемъ, въ коемъ красоты неистощимы. «Il n'y a rien de nouveau sous le Soleil, mais le Soleil est tous les jours nouveau». Мнѣ хотѣлось

передать вамъ хотя нѣсколько красота его ораторства, но невозможно. Боюсь также испортить, какъ записки Шатобриана. Изъ Собора, проникнутый и разтроганный Лакордеромъ, прошелъ я въ другую церковь въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ, St. Thomas d'Aquin; самая модная аристократическая. Тамъ проповѣдуетъ Revellion, Іезуитъ, поступившій въ орденъ изъ Генераль-Адвокатовъ и даже жившій на испытаніи и въ уединеніи болѣе 10 лѣтъ. Онъ пользуется большимъ кредитомъ у Легитимистовъ, и церковь также была полна, какъ Notre Dame, но преимущественно Аристократками и Легитимистами. И здѣсь едва нашелъ мѣсто близъ кафедры. Іезуитъ декламировалъ *sur les malheurs du tems, sur la société ébranlée dans ses bases et sur des lieux communs dans ce genre; parcequ'il n'y avoit que peu d'élus*, и эти избранные едва ли не въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Онъ сравнивалъ этотъ остатокъ *peu nombreux* въ рѣзкихъ съ плодами, оставшимися на деревѣ, которое уже отрясено бурей и садовниками. Но эти плоды, кои, не смотря на потрясеніе дерева, не спали съ него, не дозрѣли и обыкновенно кислы: «*Ce sont des fruits peu mûrs et aigres*», прошепталъ я вслухъ. Сосѣдка моя поморщилась. Выслушавъ проповѣдь, я сказалъ: «*c'est un sermon pour le faubourg.*» Сосѣдка моя отворотилась отъ меня, а я поспѣшилъ на обѣдъ къ Лукуллу Т—ну; *mais l'impression produite sur mon âme étoit encore toute vivante; j'ai bien senti et je l'ai su après que tous les sermons de Laccordaire sont improvisés; il n'en fait préalablement que la charpente et puis il parle d'inspiration, sans*

s'embarasser du public qui l'écoute, ne poursuivant que la pensée, et produisant des émotions qu'il éprouve lui même; il présente le Christianisme comme la face la plus lumineuse, que la vérité ait revêtue, après avoir tracé en grands traits les ombres du Paganisme, dans toutes ses révolutions. Lacordaire prêchera encore sept fois, jusqu'après Paques, et puis une fois dans la chapelle de l'institut Chateaubriand. Puis il compte partir pour Rome et y rester, deux, trois et peut être même cinq ans, pour se remettre et y étudier. Il n'aura pas de grands maitres pour l'éloquence chretienne, mais il sera à la source de grandes inspirations, et apprendra à connaître l'église de Rome sous d'autres points de vue. La dernière fois il y a été avec Laménais.

Ms. Trolopp parle aussi d'un sermon de Lacordaire, mais elle dit encore moins de celui qu'elle a entendu: elle se borne à décrire le temple et la foule et ne cite que son propre bavardage.

Послѣ такихъ духовныхъ предметовъ какъ описывать обѣдъ Т—на и трюфли и Стразбургскую говядину? Вечеръ у С. съ милой Л. и съ отцемъ ея; der Alte ueberall und Nirgends! Онъ былъ всѣмъ и при всѣхъ и во всѣ эпохи Французской Исторіи, послѣ революціи. Помнить все, знаетъ всѣхъ — и охотно рассказываетъ что видѣлъ, слышалъ за годами.

Вы уже знаете о новомъ Министерствѣ: малень-

кіе журналы, распредѣляя по мѣстамъ старыхъ, разсадили кого въ Банкъ, кого въ иное мѣсто, Mr. Petail au jardin des plantes.

Вчера слышалъ я еще одного превосходнаго проповѣдника въ церкви Успенія Богородицы, также модной и аристократической: это Аббать Кёръ (Sœur) 29 лѣтъ. Онъ говоритъ съ непріятнымъ напѣвомъ, но съ такою возвышенностію въ мысляхъ, съ такою силою и опредѣлительностію выраженій, что многіе—но не я—ставятъ его выше Лакордера. Il est toujours à la même hauteur. Откуда взялись всѣ эти таланты? Съ тѣхъ поръ, какъ Правительство не покровительствуетъ имъ—каедры наполнены прекрасными духовными витіями и церкви слушателями. Кёръ проповѣдуетъ три дня въ недѣлю и въ концѣ поста изъ проповѣдей его составитя нѣчто цѣлое, полное. Къ сожалѣнію въ Воскресеніе онъ говоритъ въ одно время съ Лакордеромъ. Любители духовнаго ораторства дѣлятся здѣсь на Лакордеристовъ, Равиньонистовъ, Кёристовъ и пр. У перваго больше молодежи и публика несравненно многочисленнѣе. Мъ. Тролопп обманываетъ, говоря, что онъ жестикулируетъ: нельзя быть проще и непринужденнѣе. Отъ проповѣди прошелъ я къ Рекамье, гдѣ встрѣтилъ въ первый разъ жену Шатобріана, худощавую, умную старушку: супругъ обращается съ ней съ большою и искреннею почтительностію. Тутъ былъ и М. Н. . . . Секретарь здѣшняго Государственнаго Совѣта, который нагнувъ представлялся своему начальнику, новому Ми-

Современ. 1856, № 1. 19.

вистру Юстиціи, Sauzet, сказавъ ему: que c'était au 27 garde des Sceaux qu'il faisait son compliment; а Н... не старикъ.

Ввечеру слышалъ я Норму въ Италіянскомъ театрѣ. Mlle Grizi и Лаблашь пресвосходно пѣли; но Рубини плохъ въ этой оперѣ. Гризи играла прекрасно; жаль только, что соперница ея въ любви худо вторила, и отъ того Норма во Флоренці удалась лучше. Я восхищался и по воспоминанію. Къ послѣднему Duo послѣдняго акта явилась въ ложѣ Герцогиня Брoglio и красавица-Президентша Тьеръ, съ матерью. Взглянувъ на нее и вспомнивъ фортуна Тьера, какъ-то страшно за его будущее. Чего пожелать еще счастливцу міра сего! Но знаете ли, чего онъ самъ себѣ желаетъ? Военнаго Министерства! Онъ и спитъ и видитъ быть другимъ Louvois или Carnot, безирестанно обдумываетъ планы войны; посылаетъ проекты военныхъ дѣйствій въ Испанію и ползаетъ по картѣ, какъ передъ нимъ искатели фортуны. Исторія Французской Революціи дала ему вкусъ къ этому занятію, и Министерство Иностраннхъ Дѣлъ показалось ему ближайшимъ путеводителемъ къ военному. Такъ увѣряли меня ближніе его люди.

Послѣзавтра Президентъ Камеры Депутатовъ дастъ балъ и въ гіерархическомъ порядкѣ приглашеній поставилъ Камеру свою выше всего; за нею Камеру Перовъ, потомъ Принцевъ, Дипломатическій Корпусъ и пр. На пригласительной картѣ Наслѣд-

наго Принца Орлеанскаго выставленъ № 840, ибо онъ по алфавитному порядку Членовъ Камеры Перовъ послѣ Депутатовъ — и въ буквѣ О (Орлеанскій) 840-й изъ приглашенныхъ на балъ. Пріятели Гизо поговариваютъ уже, что онъ будетъ первымъ преемникомъ Тьера; между тѣмъ онъ перѣхалъ уже въ свой скромный домикъ и будетъ тамъ жить доходомъ своимъ изъ двѣнадцати тысячъ франковъ и Профессорскимъ жалованьемъ, изъ ко-его часть удѣляетъ заступающему его мѣсто Le Normant. Можетъ быть, онъ снова возьметъ и кафедру, но друзья его того не желаютъ.

Сегодня слышалъ я, что Ламене также переводитъ *Мильтона*. Пріятели Шатобріана опасаются этого соперничества; слѣдовательно, будетъ два перевода въ прозѣ и одинъ въ стихахъ—Делиля. Сказываютъ, что скоро выйдетъ переводъ Шатобріана, но къ курьерскому отправленію уже не поспѣетъ. Я много слышалъ о Шатобріанѣ сегодня отъ людей, коротко его знавшихъ здѣсь и въ Италіи. Арто (Artaud), бывший Секретаремъ Посольства въ Римъ при немъ и при другихъ, много рассказываетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, кои Римъ произвелъ на Шатобріана. Когда онъ увидѣлъ храмъ Св. Петра, то его бросило будто бы въ жаръ; онъ на площади попросилъ пить: ему подали яблоко, и онъ съ жадностію съѣлъ его.

Une dame, tout en causant, nous a donné ce soir une charmante définition du mysticisme: c'est le christianisme en état de vapeur.

Еще маленькой комеражъ : Философъ Кузень, который придерживается предержащихъ властей, восхищаясь сегодня, въ присутствіи своего наставника неизмѣняемаго Royer - Collard, Тьеромъ и политическимъ направлениемъ, которое онъ даетъ Франціи, воскликнулъ : « c'est l'Empire! » — Moins l'Empereur — отвѣчалъ R. Collard.

Два часа пополудни. Je viens d'entendre encore une fois l'Abbé Coeur. Il a parlé aujourd'hui sur le caractère et l'influence du Sacerdoce chrétien et a passé en revue les grands luminaires de l'Orient et de l'Occident — jusqu'à Bossuet, dont il a fait un portrait magnifique. C'est vraiment une jouissance morale et intellectuelle que ces sermons! Je ne me suis pas endormi un instant. Les dames quêteuses étaient charmantes!

Пять часовъ пополудни. Знаете ли, кого я видѣлъ сей часъ? кривую Нину (Ласавъ), любовницу и предательницу Фіэски. Вообразите себѣ, что въ новомъ Café de la Renaissance, близъ биржи, богатоубранномъ, взяли, comme demoiselle de comptoir, Нину, посадили ее за бюро, вмѣстѣ съ другой хозяйкой — и говорятъ, что она получаетъ за эту выставку самой себя 1,000 фр. въ мѣсяцъ! — За входъ въ Café платятъ по 1 фр. съ особы, — » sans compter la consommation » кричатъ негодующіе habitués du Café. Вчера была у входа такая толпа, что принуждены были приставить трехъ караульныхъ. Увѣряютъ, что многіе, особливо Англичане, говорили колкости

Нинѣ, осматривая пристально черты ея и кривой глазъ, и будто бы ей сдѣлалось дурно, такъ, что ее должно было на полчаса вывести изъ конторки ея. Сегодня только одинъ караульный у входа. Безъ билета не впускаютъ; любопытные толпились и я съ ними. Мнѣ какъ-то совѣстно было смотрѣть ей прямо въ глаза, или въ глазъ, ибо одинъ почти совсѣмъ закрытъ. Она красива и румянецъ во всю щеку, но, кажется, не стыдливости. Одѣта нарядно, въ шелковомъ кофейномъ платьѣ. Она смотритъ на всѣхъ довольно скромно, не нахально. Я прошелъ разъ пять мимо ея; какъ-то стало жалко за нее, что такое безстыдство въ красивой и румяной молодости! Но что сказать о тѣхъ, кои основываютъ свои расчеты на этомъ безстыдствѣ и проводить, въ такомъ тѣсномъ сосѣдствѣ, весь день съ дѣвкой, которая за пять дней предъ симъ разставалась съ отсѣченною головою! Все это матеріалы для будущаго Тацита-Христіанина.

Полночь. Въ первый разъ по отставкѣ Министровъ, провелъ я вечеръ у Броглю, въ его собственномъ домѣ, который напомнилъ мнѣ 1830 годъ. Я нашелъ тамъ сначала не многихъ, но встрѣтилъ Вильмена. Хозяйка спросила его, читалъ ли онъ *Жоселеня*, который теперь во всѣхъ салонахъ. Онъ началъ хвалить эпизодъ объ Оссіанѣ (стр. 75 и слѣд. въ 1-й части) и стихи (47 и слѣд. стр.). Броглю отыскала ихъ, прочла и при стихѣ: «*A quoi renonce-t-on quand on se jette à Dieu?*» сказала: *Pourquoi ne pas dire simplement, quand on se donne à*

Dieu? Видьмень находить, что Ламартинъ позволяет себѣ странныя выраженія, образы и проч., что онъ менѣе придерживается классицизма, что его избаловали и пр. Бродіо также отдаетъ преимущество *Медитациямъ* и *Гармоніямъ* его передъ новыми отрывками Поэмы. Смѣядись надъ какими-то стихами, гдѣ Ламартинъ дѣластъ сравненіе съ вывѣшеннымъ бѣльемъ и пр. Я не отыскала ихъ. Не лзя передать бѣлаго и остроумно-легкаго разговора. Начали съѣзжаться дамы, Депутаты; вотъ и Принцесса Ваграмская, кузина Короля Баварскаго—до стиховъ ли? Я поблагодарилъ хозяина за его одолженіе и уѣхалъ пить чай къ Кн. М. Здѣсь познакомился съ Юристомъ - Адвокатомъ *Генекеномъ* и возвратился домой дочитывать брошюру Лев. Веймара, къ вамъ посылаемую.

Вы вѣроятно прочли статью въ *Дебатахъ* о Поэмѣ Ламартина. Aimé Martin превозноситъ ее съ безстыдной экзакераціей, называя эти отрывки: «le plus beau livre qui soit sorti de la main des hommes, un livre comme Platon l'aurait fait si Platon fut venu après l'Évangile.» Руссо (или кто, * не помню) могъ сказать это о *подражаніи Христу*; но гдѣ же Платонъ и Тома Кемпейскій, всегда равный своему предмету, въ томъ сборникѣ прекрасныхъ чувствъ и мыслей, неровнымъ и часто падающимъ перомъ писанныхъ? Вотъ тайна энтузіазма Эме-Мартена. Онъ хлопоталъ, чтобы Академія назначила ему призъ за его анти-христіанскую книгу о воспитаніи и уха-

* Fontenelle. Изд.

живаль за Ламартиномъ, который, имѣвъ слабость дать въ пользу его голосъ, увлечеть, можетъ быть, и другихъ. Рецензію книги—написала благодарность.

Простите! пора укладывать пакеты. 56-я страница всякой всячины! Все въ Москву, когда сами прочтете или недочтете.

НОВЫЯ КНИГИ *.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ Михайла Погодина.
Москва. Универс. Тип. 1836 (8) VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лице примѣчательное въ нашей Литтературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка, во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленныя народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысячелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки.» Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего

* Книги, означенныя звездочками, будутъ въ послѣдствіи разобраны.

журнала; наконецъ онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполне, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реестръ изданныхъ имъ сочиненій:

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ Руссовъ, собственное сочиненіе.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Эверса.

НАЧЕРТАНІЕ ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФІИ, собств. соч.
Лекціи по Герену.

НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, Бетигера.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРИЮ ДЛЯ ДѢТЕЙ, А. Шлёцера.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ УЧИЛИЩЪ.

КАРТЫ ЕВРОПЫ, Риттера.

ГЕЦЪ ФОНЪ БЕРЛИХИНГЕНЪ, соч. Гёте.

МАРФА ПОСАДНИЦА, драма.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ, Исторія въ лицахъ.

СЛАВЯНСКАЯ ГРАММАТИКА, Добровскаго, переведенная вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ за 1827, 1828, 1829 и 1830 годъ.

УРАНИЮ, Альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная умѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственной мыслию.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльные мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человечество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человекъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнзлыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи.»

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣсть искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять, (gestaure), какъ статую, пайденную въ развалинахъ Аѳинъ, какъ текстъ Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ.»

«Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ воображеніи), что человекъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чувствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (ногами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (exécution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно вопервыхъ испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣтить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго арифметическаго правила), узнать такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною ногою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч. и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія прейдутъ, пока наконецъ внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею.»

✦ «Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы,

Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (Исторія, собранія дѣяній, Ролленн), разобрать сіи кучи по родамъ Исторіи, (частныя Исторіи Религіи, торговли, Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какойнибудь порядокъ, гармонія, (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно а ргіогі (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ найти ее и прочесть Исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры.»

Въ Имперіи Византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе Исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннъ Златоустъ и Григоріи Назіанзинъ.

Францію онъ полагаетъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго, земель, гдѣ совершается вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У Франковъ, говоритъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у Франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный Франкъ Карль Великій первый возвысилъ Папу; отозвавши Папу въ Авиніонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первые попытки противу Папской власти (Альбійцы);

рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовой походъ былъ подвинутъ Французомъ, Амьенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и Королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ Итальянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные дома, энциклопедія, языкъ, мода, карты — все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія Европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе афоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ происшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра, или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь чело-вѣка, обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и возкликаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ

переплетаются причины и слѣдствія! Повторю вопросъ: можно ли представить Исторію? Гдѣ формы для нее? Исторію вполнѣ можно только чувствовать.»

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженные, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностію за оживленные въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ чловѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ Исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать.

Исторія среднихъ вѣковъ, составленная Берлинскимъ Профессоромъ Циммерманомъ. Сп. - бургъ. 1836.

Непонятно, отъ чего у насъ Переводчики изъ множества оригинальныхъ сочиненій выбираютъ именно худшее. У насъ не переведены до сихъ поръ Гизо, Тіери, Гюльманъ и проч.

Лѣтописи Русской славы со времени воцаренія на Русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. Сп. - бургъ. 1836, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево, Коммисіо-

перомъ Общества Поощренія художествъ , выходитъ тетрадами. С. П. -бургъ, въ тип. Гинце, 1856, въ 8 д. л.

Русскіе классики. Часть I. *Кантемиръ*. 1856. С. П. Б. въ тип. Гинце. Выходитъ небольшими тетрадами.

Вастола, или Желанія, Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СП.-бургъ, въ тип. Д. Внѣш. Торг., 1856, въ 8. стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя своимъ на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія, съ согласія или по просьбѣ автора, до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ - то бѣднымъ литтераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.»

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литтераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человекъ небогатый, но честный и

благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого-бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія, не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить, могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

Исторія Поэзіи. Читенія Адъюнкта Московскаго Университета, Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1855 въ 8. стр. 111 — 335.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. СП.-бургъ, 1856, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семъ угрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные Патріархи и Святители.

Походныя записки Артиллериста, съ 1812 по 1816 годъ, Артиллеріи Полковника И. Р. . . Москва, 1855 — 1856 г. въ 8 д. Четыре части. Стр. 296 — 548 — 554 — 575.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ рассказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой Русскаго офицера на Нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Довольно, если бывший въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просьбою на голову, станетъ рассказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои рассказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случилось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые рассказы иногда вносятъ такую черту въ Исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возмите на примѣръ эту книгу: она не отличается блестящимъ слогаемъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлечения, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Онъ и Она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1836, въ 12, 4 части, 169—170, 182, 183 стр.

Политическія рѣчи Исократъ, Аѳинскаго оратора и философа, о должностяхъ, какъ всякаго
Современ. 1836, № 1. 20

го человѣка, въ отношеніи его приказнаго и гражданскаго состоянія, такъ равно и особъ царственныхъ, касательно благоденственнаго управленія Государствомъ, и что монархическій образъ правленія есть превосходнѣйшій изъ всѣхъ другихъ политическихъ формъ и къ благосостоянію рода человѣческаго есть удобной. Переведены съ Эллиногреческаго языка, съ прибавленіемъ примѣчаній, Коллежскимъ Ассессоромъ Иваномъ Дмитревскимъ; вновь же переведены, уяснены и примѣчаніями пополнены сыномъ его Михаиломъ Дмитревскимъ. Москва, въ тип. Смирнова. 1836, 100 стр.

Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. СПб. въ тип. Праца, 1836, въ 8, Часть I. XXIII и 403 стр.

Исторія крестовыхъ походовъ. Часть четвертая, содержащая въ себѣ оба похода Св. Людовика, и общіе взгляды на послѣдствія крестовыхъ походовъ. Сочиненіе г. Мишо, члена Академіи Французской. Перевелъ съ Французскаго Иванъ Бутовскій. СПб. въ Военн. тип. 1836, въ 8, стр. 742.

Phaedri Fabulae. Басни Федра съ присовокупленіемъ Русскихъ примѣчаній на труднѣйшія мѣста и подражаній Лафонтена, Крылова и Дмитріева. Изаніе учебное, очищенное, И. Эйнерлинга, издателя Лагинскихъ Классиковъ. СПб. 1836, въ тип. Х. Гинце, въ 12, стр. 187.

Латинская Грамматика, приспособленная къ Русскому языку. Н. Снѣгирева. Изданіе третіе съ дополненіями. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 8, 222 стр.

Начальныя правила Греческой Грамматики, по руководству Шнейдера, изданныя Шадомъ. Изданіе второе, Спб. 1836, въ 8.

Разборъ статьи, помѣщенной въ Сынѣ Отечества на 1835 годъ въ NN^о 37, 38 и 59, о мнѣніяхъ касательно Руси. Сочиненіе С. Руссова. Спб. въ тип. Россійск. Академіи. 1836, въ 8, 96 стр.

Недовольные, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Оперы и Водевильи. Переводъ Дмитрія Ленскаго. Москва, въ тип. Степанова 1815—1836, въ 8, три части.

Мужъ всѣхъ женъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. О. Кони. Переводъ съ Французскаго. Спб. въ тип. Греча. 1836, въ 8, 76 стр.

Собраніе Рифмъ по Алфавиту. Москва, въ тип. Селивановскаго. Часть 2. 1836, въ 12, IV и 202, Первая часть издана въ 1834 году.

Руководство къ Педагогикѣ, или наукѣ воспитанія, составленное по Нимейеру Александромъ

Ободовскимъ, Инспекторомъ классовъ С. П. бургскаго Воспитательнаго Дома. СПб. въ тип. Вингебера, 1836, въ 8, 352 стр.

Руководство къ сокращенному познанію всѣхъ наукъ, искусствъ и художествъ, для употребленія юношества, расположенное на вопросы и отвѣты. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова. 1836, въ 12, IV и 319 стр.

Опытной помѣщикъ, или вѣрнѣйшій руководитель господъ владѣльцевъ къ увеличенію доходовъ съ недвижимыхъ имѣній въ три и четыре раза болѣе обыкновенныхъ, нынѣ получаемыхъ, и тѣмъ самымъ къ предохраненію заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи. Сочиненіе Александра Путяты. СПб. въ тип. Греча. 1836, въ 8, XIII и 297 стр.

Алгебра. Сочиненіе Бурдона, принятое въ руководство для преподаванія въ Институтъ Корпуса Путей Сообщенія. Переводъ съ Французскаго шестаго изданія. Изданіе второе. СПб. въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1836.

Письма Леди Рондо, супруги Англійскаго Министра при Россійскомъ дворѣ въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Перевелъ съ Англійскаго М. К. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ, прибавляютъ новымъ чертамъ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головинина, Партера, Коцебу, Фрейвине, Беллинсгаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и пр., издано подъ руководствомъ Дюмонъ Дюрвиля, Капитана Французскаго Королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, С. П. бургъ. 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно какъ дѣтей заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣ дѣйствовали Англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ Общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издають и

распускаютъ по свѣту безденежно, или по чрезвычайной низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтеть Англичанинъ, то углубить, расширить и разнести по всему свѣту Французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынуло потокомъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и рассказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть можетъ, слишкомъ възыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это рассказываетъ ему человекъ не существующій: свѣдѣсть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяць выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ, это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ, совершенное въ XVII столѣтїи Іеродиакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип. 1836, въ 8. стр. 39.

* Воспоминанія о Сициліи А. Черткова. Часть первая съ 29-ю рисунками въ листъ. Москва. 1836. XXXI. и 256 стр. въ 8 и 4.

Атласъ космографїи, изд. Ободовскимъ. С. П. б. 1836, въ 2. XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографїи г. Ободовскаго.

ОПИСАНІЕ ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА въ географическомъ и статистическомъ отношенїяхъ, составленное Ардалиономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣднїя. С. П. б. въ тип. И. Глазунова, 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

УКАЗАТЕЛЬ ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ПОЧТОВЫХЪ ДОРОГЪ въ Россійской Имперїи, составленный по новѣйшему учрежденїю почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложенїемъ дорожной карты. С. П. б. 1836, въ 6. осьмушку, 36 гравир. страницъ.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданїе второе. Двѣ части, въ 8 д. л. XIV, 203 и X 233, въ тип. Д. Внѣшн. Торговли.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ « Вечеровъ на хуторѣ:» всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣяшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутовскую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ - Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ *.

Морскія сцены, соч. Н. Давыдова. С. П. Б. 1836 (8).

Провинціальныя вредни и записки Дорме-

* На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ Театрѣ его комедія *Ревизоръ*.

дона Васильевича Прутикова. 2 Части. Москва. 1836 г. въ тип. Степанова въ 12, 363 — 306 стр.

ОСНОВАНІЕ МОСКВЫ, СМЕРТЬ БОЯРИНА СТЕПАНА ИВАНОВИЧА КУЧКИ. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславича. Сочиненіе Н. . . . К. . . . ва. С. П. Б. въ тип. Винггера, 1836. Четыре части, стр. VII и 189 149 — 168 — 162.

УБІЙСТВЕННАЯ ВСТРѢЧА, ПОВѢСТЬ Я. А. С. П. Б. 1836 г., въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин. въ 8, 113 стр.

КАРТИНЫ МІРА, или полезное и пріятное чтеніе для юношества. Часть 2-я. С. П. бургъ, 1836 г. (4).

УЧИТЕЛЬСКАЯ ВНУЧКА, или почему знать чего не знаешь. Русскою, только не историческою и не нравственно-сатирическою романъ въ 4-хъ частяхъ. 1836. Москва, въ типогр. Степанова. Въ I-й части — 279. II — 366. III — 316. IV — 329.

МОЕ НОВОСЕЛЬЕ. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. С. П. Б. въ тип. Издателя, 296 стр.

Это Альманахъ! Какое странное чувство находить, когда глядимъ на него: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго млукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвишъ

издавалъ благоуханный свой Альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, Князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи—подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было равнѣе, текучѣе, сочинители лепетали въ слѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!...

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ Писателей (Бальзака, Балъоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шалля, и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать частей, стр. 287 — 261 — 259 — 287 — 275 — 276 — 262 — 263 — 227 246 — 251 — 236.

Повѣсти, печатанныя въ разныхъ номерахъ Телескопа. Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣльными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше, нежели тамъ. Собранныя вмѣстѣ, онѣ представляютъ дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по первой зимней дорогѣ Русскіе разнощики во всѣ отдаленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ долгіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по-

крайней мѣрѣ пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

Довмонтъ Князь Псковскій. Историческій Романъ XIII вѣка, соч. А. Андреева 1836, въ 12. Двѣ част. 137.—148 Москва, въ тип. Степанова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, ссдержающая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки, и проч., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1836, въ 16, стр. 320.

Ночь. Сочиненіе Темнаго. С. П. Б., 1836, въ 8.

Іоанна Грей, Королева Англійская, павшая подъ сѣкирою палача. Романъ Историческій XVI вѣка, соч. Брота. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вос. язык. 1836, въ четырехъ частяхъ. 184 — 174 — 160 — 178.

Прекрасная Астраханка, или хижиша на берегу рѣки Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго произшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 12, двѣ части, стр. iv и 42—76.

Ручная Математическая Энциклопедія Книжка X—я, механика тѣлъ жидкихъ. Москва, 1836, въ тип. Универс. въ 16, 280 стр.

Физика въ приложеніи къ Зодчеству. Г. Классена. 4 части. М., 1835 г. (8).

Теорія Баллистики, содержащая приложеніе Математическаго Анализа къ опредѣленію различныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ движеніе тяжелыхъ тѣлъ, брошенныхъ какою нибудь силою, составленная Анкудовичемъ, С. П. Б., 1836 г. (8)

Ночной Соловей, или два жениха, Русская повѣсть, сочиненія Н. З. Москва, въ Университ. тип. 1835, въ 8, стр. 36.

Темные рассказы опрокинутой головы, повѣсти, изданныя Бальзакомъ, переводъ съ Французскаго. С. П. Б. 1836. Тип. Вингебера, въ 2 час. 173—182 стр. въ 12.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департаментомъ Удѣловъ. С. П. — бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Перевелъ съ Англійскаго корабельный мастеръ Василій Берковъ. С. П. Б. 1836 года, въ тип. Вингебера.

Полная ручная Кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный кухмистеръ и кандитеръ и 3) Продолженіе къ книгѣ—полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунокъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собствен-

ныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универс. Типогр. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Первый день Свѣтлаго праздника, соч. Л. Я. С. П. Б., въ Гуттенберговой типог. 1836, въ 16 л., стр. 171.

Не много есть дѣтскихъ книгъ, написанныхъ такимъ чистымъ и пріятнымъ слогомъ.

Начальные свѣдѣнія въ Практической музыкѣ, изданныя О. Дробишемъ для казенныхъ заведеній. С. П. Б., въ тип. Им. Ак. Наукъ. 1836, въ 8, стр. 35 съ литогр. таблицами.

Покотилова метода, или ученіе безъ складовъ; т. е. самый легчайшій способъ ученія, состоящій въ пяти урокахъ, коимъ малолѣтнихъ можно безъ затрудненія выучить совершенно читать не болѣе какъ въ два мѣсяца; составленъ изъ опытовъ малолѣтнихъ въ пользу юношества Россійской Имперіи. Москва, въ тип. Пономарева, 1836, XI—36 стр.

Кальянъ. Стихотворенія А. Полежаева, изданіе второе. Москва, въ Универс. Тип. 1836, въ 8, 130 стр.

Общая Терапія, сочиненная для руководства слушателей Ординарнымъ Профессоромъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Московскомъ отдѣленіи Императорской С. П. бургской Медико - Хирургической Академіи, Статскимъ Совѣт-

никомъ, Ордена Св. Анны второй степени Императорскою Короною украшеннаго и Св. Владиміра четвертой степени кавалеромъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ членомъ, Іустиномъ Дядьковскимъ. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 8, стр. X — 121.

Торговый Адресъ Календарь или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ Ученыхъ Обществъ и иностранныхъ Академій дѣйствительнымъ членомъ, Спб. 1836. въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ Словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область Литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ощутительно замѣтно преобладаніе Романа и Повѣсти, этихъ властелиновъ современной Литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу.

Капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На Статистику и Экономію одни намеки. Даже въ значеніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ Литтературный, замѣтно тоже мелководіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

	<i>Стран.</i>
1. Пирь Петра Перваго	1.
2. Ночной смотръ. <i>Жуковскаго</i>	14.
3. Скупой Рыцарь	110.
4. <i>Изъ А. Шеня</i>	191.
5. Роза и Кипарись. <i>Кн. Вяземскаго</i>	226.

ПРОЗА.

1. Императрица Марія	4.
2. Путешествіе въ Арзрумъ. <i>А. Пушкина</i>	17.
3. Разборъ сочиненій Георгія Конискаго	85.
4. О Римѣ. <i>Барона Розена</i>	131.
5. Долина Ажитугай. <i>Султана Казы - Гирей</i>	155.
6. Коляска. <i>Н. Гоголя</i>	170.
7. О движеніи Журнальной Литтературы, въ 1834 и 1835 г.	192.
8. Утро дѣловаго чловѣка. <i>Н. Гоголя</i>	227.
9. Разборъ Парижскаго математическаго Ежегодни- ка. <i>Кн. Козловскаго</i>	242.
10. Парижь (<i>Хроника Русскаго</i>)	258.
11. Новыя книги.	296.
